

VIVE LA RUSSIE !

Consulat Général de France à Ekaterinbourg
Musée régional de la région de Sverdlovsk
Institut d'histoire et d'archéologie
de la Filiale de l'Oural de l'Académie des Sciences

«L'EMPREINTE FRANÇAISE» DANS L' OURAL

ACTES DE LA TABLE RONDE

qui a eu lieu le 23 juin 2010 dans le cadre
de l'exposition «Bonjour, Oural!» à l'occasion
de la célébration de l'Année croisée France-Russie à Ekaterinbourg

Генеральное консульство Франции в Екатеринбургe
Свердловский областной краеведческий музей
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук

«ФРАНЦУЗСКИЙ СЛЕД» НА УРАЛЕ

МАТЕРИАЛЫ КРУТЛОГО СТОЛА

состоявшегося 23 июня 2010 года в рамках выставки
«Bonjour, Урал!», приуроченной к празднованию в Екатеринбургe
года Франции в России и России во Франции

Екатеринбург
2010

ББК 66.4
Ф84

«Французский след» на Урале: Материалы круглого стола, состоявшегося 23 июня 2010 года в рамках выставки «Bonjour, Урал!», приуроченной к празднованию в Екатеринбурге года Франции в России и России во Франции — «L’empreinte française» dans Oural: Actes de la table ronde qui a eu lieu le 23 juin 2010 dans le cadre de l’exposition «Bonjour, Oural!» à l’occasion de la célébration de l’Année croisée France-Russie à Ekaterinbourg. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2010. – 200 с.

ISBN 978-5-905095-01-6

В публикации представлены материалы заседания круглого стола, организованного в рамках года Франции в России Генеральным консульством Франции в Екатеринбурге, Свердловским областным краеведческим музеем и Институтом истории и археологии УрО РАН. Авторы докладов — ученые, работники музеев, архивисты — сфокусировали свое внимание на теме исторических взаимосвязей наших стран, присутствия и деятельности французов и их потомков на Урале со времени появления первых подданных Франции в регионе до наших дней.

Сборник предназначен для преподавателей, студентов вузов и всех интересующихся историей взаимоотношений Франции и Урала.

В оформлении обложки использована открытка-сувенир «Кронштадт-Тулон. Да здравствует Россия!» из французской коллекции СОКМ.

Издано по инициативе генерального консула Франции в Екатеринбурге К. Круая при финансовой поддержке Г. М. Перского

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е. В. Алексеева, к.и.н. О. С. Данилова,
д.и.н. В. Н. Земцов, к.и.н. С. А. Корепанова,
К. Круай

© Коллектив авторов, 2010

© Институт истории и археологии УрО РАН,
2010

© Уральское литературное агентство, 2010

ISBN 978-5-905095-01-6

Вместо предисловия Франция и французы на Урале

2010-й — Год Франции в России и России во Франции — предоставил уникальную возможность открыть и лучше узнать историю, культуру, экономику и современную жизнь наших стран. Россия и Франция — две страны с богатейшей и самобытной историей, два давних экономических партнера, два государства, связанных политическими, культурными и просто человеческими узами.

История в координатах Россия — Франция — Урал до сих пор не изучена и ждет своих исследователей... В отличие от других иностранцев, например немцев, французы оставили на Урале несколько иной, отличный от других, след. Так если немцы активно участвовали в процессе строительства, организации торговли и разных ремесел, то французы оказывались на уральской земле либо по воле случая, либо по долгу службы, потому что были отправлены сюда с миссией.

Выставка «Bonjour, Урал!», посвященная взаимоотношениям Урала и Франции с XVIII по XXI в., и проведенный в ее рамках круглый стол «Французский след» на Урале» стали первыми результатами научно-исследовательского проекта «Французы на Урале». Естественно, что это только начало огромного расследования, потому что чем больше мы ищем Францию на Урале, тем больше находим — людей, связей, особенно в области науки, техники, промышленности, географии.

Уверен, что данный сборник материалов о французах на Урале найдет своего читателя и будет интересен не только специалистам и франкофилам, но и всем интересующимся историей и любителям

родного края. А может, даже поможет студентам, которые изучают историю Урала.

2010 г. дал прекрасную возможность для русских и французов поближе узнать друг друга, прикоснуться к богатейшему культурно-историческому прошлому, открыть новые перспективы сотрудничества в целом ряде ключевых направлений. Несмотря на то, что год подходит к концу, работа продолжается. Подобные совместные проекты вне времени, и вовсе необязательно ждать следующего праздничного Года Франции в России, чтобы открыть новые страницы нашей истории.

Открытие Урала французами потребует еще много времени. Свердловская область была недостижима для иностранцев на протяжении десятилетий. Такое долгое отсутствие информации наверстать будет непросто, тем более что сегодня конкуренция среди регионов велика. Нужно приложить еще много усилий, а главное обладать терпением...

Благодарю всех тех, кто принимал участие в работе, оказавшись вовлеченным в орбиту наших интересов. В первую очередь, я выражаю признательность директору Свердловского областного краеведческого музея Наталье Ветровой; сотрудникам музея, членам авторского коллектива выставочного проекта Владимиру Микитюку и Светлане Корепановой и историку, специалисту по истории франко-русских связей XIX–XX вв. Ольге Даниловой. Отдельное спасибо Государственному архиву Свердловской области и Нижнетагильскому музею-заповеднику «Горнозаводской Урал», предоставившим на выставку ряд уникальнейших документов.

Мне очень приятно, что в процессе исследования французского присутствия на Урале (и в частности при организации выставки) сложилась микрокоманда интересных людей, которые искренне и от души хотят сотрудничать с Францией, которые способны реализовывать столь масштабные, интересные и значимые проекты в области культуры. У меня останутся самые теплые воспоминания от этого интеллектуального сотрудничества. Спасибо вам! Желаю всем удачи в дальнейшей научно-исследовательской работе по реализации задуманного нами проекта, интересных планов и замыслов!

*Генеральный консул Франции в Екатеринбурге
(октябрь 2007 – август 2010)
Клод Круай*

Вступительное слово Связи Урала и Франции в документах государственного архива Свердловской области (ГАСО)

Выставка «Bonjour, Урал!» — это очередной проект, в котором принял участие Государственный архив Свердловской области. Само название экспозиции, наполненное французским шармом, говорит за себя, сразу настраивая посетителей на волну дружбы и взаимопонимания между двумя странами. В Год России во Франции и Франции в России архивисты и музейщики не могли не обратиться к истокам, т. е. к истории возникновения связей Урала с Францией. Архивные документы показывают, что история этих контактов насчитывает почти три века. Еще в 1761 г. аббат Жан Шапп д'Отрош, описывая в книге «Путешествие в Сибирь» Екатеринбург и его жителей, отмечал: «...это небольшой городок... он входит в Тобольскую губернию и является центром всех рудников и литейных заводов Сибири... Общество там приятнее, чем в любом другом городе Сибири, так как нравы в нем имеют больше общих черт с европейскими».

Граждане Франции бывали на Урале не только как путешественники, они приезжали в наш край работать. В середине XIX в. инженеры Август Рени Аллори и Эдуард Адам Бержье по контракту на 7 лет были приглашены для производства топографических съемок заводов, городов, лесных дач. Именно они составили знаменитый поквартальный план Екатеринбурга 1856 г., без которого сегодня не обходится ни один исследователь истории и архитектуры столицы области. План этот хранится в ГАСО, а на выставке экспонировался лист, на котором нанесен квартал Покровского проспекта (ул. Малышева) с домами, где ныне рас-

полагаются Министерство культуры Свердловской области и областной краеведческий музей.

Добрую память в сердцах многих уральцев оставили учителя французского языка, которые трудились в гимназиях края. На выставку архив представил несколько личных дел педагогов, в частности дело Эдуарда Львовича Мартена, который, получив образование в Руанском колледже, с 1839 г. почти 40 лет учил русских детей. В Екатеринбурге он преподавал в мужской и женской гимназиях, в реальном училище. В нашем городе Эдуард Мартен оставался до 1882 г., до конца жизни.

Особая страница прошлого Урала — история рода Демидовых, которые в 1840 г. породнились с Наполеоном Бонапартом: на его племяннице, принцессе Матильде де Монфор, женился Анатолий Николаевич Демидов. В экспозиции находился подлинный циркуляр из Санкт-Петербургской конторы Демидовых, предписывающий отслужить в Нижнем Тагиле молебен «о здравии и благоденствии» молодоженов и устроить рабочим заводов «приличное угощение».

Связи демидовского семейства с Францией многогранны, не случайно именно этой теме посвящены еще несколько архивных документов экспозиции. В музейных витринах можно было увидеть деловую и личную переписку заводладельцев на французском языке, «тетрадь на записку паспортов иностранцев», проживавших в Нижнетагильском заводе, и даже годовой отчет уральских предприятий, написанный по-французски.

Всего на выставку «Bonjour, Урал!» Государственный архив Свердловской области представил 12 документов. Они показывают, что Уральский регион и Франция связаны традиционно крепкими взаимовыгодными и дружественными отношениями.

*Заведующая отделом использования и публикации документов ГАСО
Ольга Бухаркина*

Французские элементы в российской цивилизации¹

Елена Алексеева

Еще относительно недавно заниматься исследованием элементов западной культуры в истории нашей страны было не только не слишком популярно, но и небезопасно. Сегодня, в начале XXI столетия, в эпоху теснейших информационных, культурных, экономических контактов и взаимозависимостей, всплеск исследовательского интереса к теме взаимодействия России и европейских стран, в том числе Франции, абсолютно естественен и закономерен. Франция и Россия всегда вызывали сильные взаимные чувства. По словам французского историка Э. Карер Д'Анкосс, «французов Россия завораживала, пугала и привлекала»². В свою очередь, русская элита тянулась к французской культуре, впитывала лучи Просвещения, а народ издавна относился к французам с ласковой иронией, положительно («французик — веселая голова, живет спустя рукава, дымом греется, шилом бреется, сыт крупницей, пьян — водицей»). Значительную часть россиян французский шарм, культура, история неизменно восхищают и сегодня, что дополнительно мотивирует поиски точек соприкосновения русской и французской истории и культуры.

Тема «западного» в российской цивилизации в целом и «французского» в частности многопланова и сложна. В тексте внимание привлечено лишь к трем из ее многочисленных аспектов: значимости инокультурных заимствований

1 Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (Грант для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-5236.2010.6.).

2 Carrère d'Encausse H. Préface // Les sources de l'histoire de France en Russie. Guide de recherche dans les archives d'État de la Fédération de Russie à Moscou (XVIe-XXe siècle). Paris, 2010. P.5.

в российской цивилизации; динамике численности французов в дореволюционной России; французскому вкладу в отечественную цивилизацию.

Итак, первый тезис — межкультурное взаимодействие как фактор развития российской цивилизации. Дифференцируя Россию среди других мировых цивилизаций, большинство исследователей обычно относят к ее сущностным социальным (не природным или географически обусловленным) чертам православие, этатизм, коллективизм, межэтническую и межконфессиональную толерантность. Парадоксальным образом все названные признаки свидетельствуют об огромном значении для России инокультурного влияния, более того, все они некогда были переняты у других цивилизаций. Действительно, «главный столп» российской цивилизации — православие — заимствовано из Византии; этатизм формировался под воздействием Византийской империи, Орды, Османской империи, позднее — в подражание просвещенным монархиям Европы, в том числе Франции; ярчайший пример коллективизма — крестьянская круговая порука — привнесена на Русь монголами (в свою очередь заимствовавшими ее у китайцев), у которых она была одним из основных элементов легистской системы управления. Что касается межэтнической и межконфессиональной толерантности, то она обеспечивала возможность проникновения в российскую культуру новых черт и их адаптацию в ней. Для огромного географического пространства, на протяжении столетий приобретающего очертания российской государственности, нахождение на перекрестке разных миров, постоянное восприятие иноземной материальности и духовности имело огромное значение. Из множества повседневных контактов, как мирных, так и воинственных, складывались цивилизационные координаты и целые эпохи отечественной истории, характеризующиеся историками как норманнская, византийская, тюркская, европейская.

Второй из рассматриваемых аспектов связан с каналами проникновения инокультурного в российскую цивилизацию и агентами этого процесса. Вплоть до XVII в. русская и французская культура соприкасались очень мало, существовали лишь фрагментарные связи. Из них наиболее существенная — замужество царевны Анны (1049–1060), дочери Ярослава Мудрого, в 1051 г. за французским королем Генрихом I и правление Францией в малолетство сына — короля Филиппа I. В XVII в. устанавливаются торговые³ и развиваются политические отношения (посольство во главе с П.И. Потемкиным во Францию 1668 г., в 1689 — разрешение поселения гугенотов в России).

3 Kraatz A. La Compagnie française de Russie, histoire du commerce franco-russe aux XVII et XVIII siècles. Paris, 1993.

Обращаясь к динамике численности французов в дореволюционной России, нужно отметить, что важнейший этап в развитии русско-французских отношений связан с Петром I, в правление которого число французов в России заметно увеличивается. В 1716 г. в Петербург вместе со знаменитым французским архитектором Ж. Леблонем прибыли около 200 семей резчиков, рисовальщиков, литейщиков, камнерезов, ювелиров, плотников и других ремесленников-французов. Рядом с дворцом А. Меншикова на Васильевском острове для них были построены казенные дома, вытянувшиеся вдоль улиц-линий и образовавшие поселение под названием Французская слобода. В 1717 г. сам царь посетил Францию и был избран в Париже членом академии наук. После смерти великого императора происходит некоторое снижение интенсивности контактов, но уже с 1740-х гг. французская культура оказывает устойчивое влияние на сознание и быт дворянского общества России. Дворянство приохотилось к роскоши, часто в ущерб экономическому развитию государства и за счет крепостной деревни (ежегодные расходы на западную, преимущественно французскую, роскошь, соответствующий стиль жизни, образование и путешествия в Европу в 1793–1795 гг. были не менее 18 млн руб., что составляло более 35% доходов помещичьих хозяйств⁴). Распространение французской культуры привело к «офранцузиванию» русского дворянства. Отличаясь от народа привилегиями, образом жизни, одеждой и речью, русское дворянство дистанцировалось от народа, большей части которого их привычки, устремления, интересы были чужды.

На протяжении всего XVIII в. поток французов, направлявшихся в Россию, возрастал, увлекая за собой инженеров, врачей, офицеров, воспитателей, живописцев, зодчих, ремесленников. В «просвещенный век» Екатерины II, переписывавшейся с Вольтером и Дидро, иметь в семье французского гувернера или учителя сделалось признаком хорошего тона. В это время в Петербурге проживало порядка 1500 французов. В основном гувернерами становились люди далеко не лучшего свойства. Французский дипломат при дворе Екатерины II де Корберон ужасался: «Как плохо представлена здесь наша нация! Сюда едут одни подонки нашего общества». Другие французские наблюдатели подтверждали это мнение: «...все гувернеры, которые получают здесь 400-500 рублей в год, имеют бесплатный стол и квартиру, вышли из бывших барабанщиков, лакеев, форейторов и компаньонок»⁵.

4 Kahan A. The Costs of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // *Slavic Review*. Vol XXV. 1966. № 1. P. 46.

5 Артемова Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). М., 2000. С.179.

Накануне Французской революции в России насчитывалось около 10 000 французов⁶. Бурные события рубежа XVIII–XIX вв. привлекли в Россию новую волну французских граждан. От ужасов Французской революции из Франции бежали брат казненного короля граф д'Артуа, принц Ж.Л. Конде, любимая портретистка Марии-Антуанетты Э.Л. Виже-Лебрен и масса рядовых французов. После поражения революции в России оказались ее участники и сторонники, в том числе танцовщик Ш. Дидло, военный инженер, друг Ж.П. Марата С. Сенновер, родной брат Марата Давид. Последний, переименовав фамилию на де Будри, преподавал французскую словесность в Царскосельском лицее, в том числе А. Пушкину. После реставрации Бурбонов в Россию попали сторонники Наполеона, среди которых был наполеоновский гвардеец, будущий знаменитый архитектор О. Монферран. В конце 1810-х гг. численность французской колонии в Петербурге достигла почти 4 000 человек⁷.

Большое число французов оказалось в России вынужденно — как пленные в Отечественную войну 1812 г. В ходе войны русскими в плен было взято около 100 000 человек (больше половины из которых были французы). Они вывозились в отдаленные губернии России: Ярославскую, Костромскую, Вологодскую, Пермскую, Вятскую. Именным указом от 4 июля 1813 г. военнопленным было дозволено вступать в подданство России, а через месяц новый указ предусматривал снабжение вступивших в российское подданство паспортами⁸. Грамотные или сколько-нибудь пригодные распределялись по дворянским усадьбам в качестве гувернеров, работниками в губернские, уездные правления; мастеровые приписывались к казенным заводам и мануфактурам. Сын известного русского экономиста К. Арнольда вспоминал: «Редкий был тогда дом, в котором не встречалось бы пленного француза: иметь у себя «своего» француза — это установилось тогда само собой для каждого «порядочного дома»⁹. Однако не только дворянские семьи принимали в свои стены пленных французов. «Просветителями этой эпохи сделались бессмысленные остатки от разбитой наполеоновской армии, когда пленных французов разбирали нарасхват и вверяли им своих детей. Кухарки, прачки, сапожники и портные начали просвещать русских в разводимых ими пансионах... Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 г.

6 Там же. С. 44.

7 Чеснокова А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703–1917). СПб., 2003. С. 138.

8 ПСЗ. № 25.415; № 25. 432.

9 Цит. по: Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 г. // Вопросы истории. 1974. №3. С. 129.

но оставила губительные последствия на целое столетие»¹⁰. Негласная перепись иностранцев, и прежде всего французов, вступивших в русское подданство в 1813–1825 гг., проведенная III Отделением, показала, что к концу 1837 г. большая часть бывших солдат «великой армии» оказалась в Москве и Московской губернии, где на 350 000 населения приходилось 3 229 иностранцев (в значительной части бывших пленных и их детей). На 1 марта 1836 г. 710 чел. являлись ремесленниками, рабочими-мастеровыми и фабрикантами; гувернеров и слуг было 654 чел., а купцов и приказчиков — 213 чел.¹¹

Развитию иммиграции способствовало установление в 1840 г. паролочного сообщения между Гавром и Санкт-Петербургом. С этого времени в Россию ежегодно приезжало 500–600 французов — преимущественно ремесленников и рабочих, из которых более половины были заняты в портновском и шляпном деле, другая половина включала в себя компаньонов, гувернанток, учительниц, приказчиков.

В 1850 г. число французов в России не превышало 8 000 человек. Из них 3 000 проживало в Санкт-Петербурге, от 600 до 800 в Москве¹². К 1910 г. численность французов в Петербурге составляла 3 700 человек. По данным 1912 г., французов среди москвичей было 2 800 чел.¹³ На протяжении второй половины XIX — начала XX в. они составляли от 0,5 до 0,2% по отношению ко всему населению столицы¹⁴. В 1897 г. на территории Российской империи (за исключением Финляндии) всего находилось 605 000 иностранцев, т.е. 0,5% от всего населения империи разных национальностей. 9 500 из них были французы.

Несмотря на относительную немногочисленность, роль французов в экономическом и культурном развитии Российской империи была заметной. Основная деятельность французов в России сосредоточивалась в торговых домах, ателье, парикмахерских, ресторанах. Во всех скольконибудь крупных городах империи проживали французские модистки, гувернантки, парикмахеры, повара, учителя танцев, музыки, фехтования, рабочие и пр. Первые рестораны в Петербурге в начале XIX в. открыли

10 Там же. С. 130.

11 Там же. С. 136.

12 Rey M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible a Boris Eltsine. Paris, 2002. P.150.

13 Петров Ю.А. Немецкие предприниматели в дореволюционной Москве: торговый дом «Воган и К°»// Экономический ежегодник. 2000. М., 2001. С.241.

14 Чеснокова А.Н. Иностранцы и их потомки... С.138; Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984.

французы, и вплоть до 1830-х гг. все рестораны столицы назывались по-французски — ресторасьон. В 1846 г. современник писал: «По всем главным улицам всего Петербурга все вывески, все надписи — на французском языке»¹⁵.

Представив численность французов в России, мы тем самым сказали лишь об одном канале проникновения инноваций из Франции в Российскую империю. Другим каналом были российские граждане империи: студенты, инженеры, деятели искусства, путешествующие дворяне во Франции, но они заслуживают специального рассмотрения¹⁶.

Переходя к сущностному вопросу о французском влиянии на формирование российской цивилизации, мы обнаруживаем целый спектр направлений: идеологическое, административное, экономическое, культурное. Например, революционная составляющая российской цивилизации. Обозначая ее пунктирно, можно назвать декабризм, источниками которого были сложные общественные процессы, порожденные в том числе влиянием идей французского Просвещения, Французской революции, впечатлениями от заграничного антинаполеоновского похода русской армии в 1813–1814 гг. Далее можно перейти к французским социалистам, к примеру Л. Блану, основу социализма которого составляла идея «общественных мастерских» — производственных кооперативов с выборным руководством и равной оплатой труда и вспомнить в этой связи роман Чернышевского, сформулировавшего вечный русский вопрос «Что делать?». Наконец, завершить наш пунктир следует Парижской Коммуной. Считая, что новой формой государства, созданной по образцу Коммуны, должны стать Советы рабочих депутатов, Ленин писал: «Парижская Коммуна дала нам образец государства типа Совета рабочих депутатов — прямой власти организованных и вооруженных рабочих — диктатуры рабочих и крестьян»¹⁷.

Еще одно направление — государственно-административное. Первые восемь министерств были учреждены в России манифестом 8 сентября 1802 г. Они следовали французской системе министерств, принятой после революции и институализированной Наполеоном. Система министерств, введенная Александром I в первое десятилетие его правления, управляла русской администрацией вплоть до революций XX в. Внедрение министерской системы способствовало расширению и специализации

15 Цит. по: Чеснокова А.Н. Иностранцы и их потомки... С.195.

16 *La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII siècle.* Paris, 1986; Montclos B. de. *Les Russes à Paris au XIXe siècle.* 1814–1896. Paris, 1996; etc.

17 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С. 243.

государственной бюрократии. В 1804–1809 гг. Сперанский много трудился над составлением русского гражданского уложения. «Достаточно сравнить оба уложения, русское 1809 года и кодекс Наполеона, — писал биограф Сперанского А.Э. Нольде, — чтобы убедиться... сходство между ними необычайное»¹⁸.

Следующее направление — французское участие в экономике Российской империи. Французские капиталы вкладывались в тяжелую и добывающую промышленность России, в транспорт. Французские предприниматели контролировали многие металлургические предприятия на Юге России, в Царстве Польском и в Урало-Волжском бассейне. К 1900 г. 38% добычи угля в Донбассе приходилось на долю французов¹⁹. По некоторым оценкам, в 1914 г. французских капиталов было размещено в России на сумму 11,5 миллиарда франков, что являлось четвертой частью от всего количества (45 миллиардов) французского капитала за рубежом²⁰.

И все же представляется, что наиболее существенный вклад Франция внесла в культурную составляющую российской цивилизации. Поскольку «брендом» достижений российской культуры до сих пор является балет (как сформулировал Е. Евтушенко, «... в области балета мы впереди планеты всей»), логично начать с него. Основы русской школы классического балетного танца были заложены в первой половине XVIII в. В 1738 г. для подготовки танцоров придворной балетной труппы в Петербурге была основана балетная школа Ж.Б. Ланде. К 1820-м гг. в России сложилась национальная школа классического танца (одной из ее ярких представительниц была Авдотья Истомина), в чем несомненная заслуга уже упоминавшегося выше француза Ш.Л. Дидло, проработавшего в северной столице в общей сложности четверть века. Вторая половина XIX в. в русском балете — время М. Петипа. Солист балета и хореограф Мариинского театра в Петербурге Мариус Петипа, женившийся на русской балерине М.А. Суворщиковой, стал основателем целой династии танцовщиков и актеров. Приглашенный танцовщиком-премьером в императорскую труппу в 1847 г., А.В.М. Петипа прожил в России всю жизнь. Более полувека Петипа содействовал развитию российского балета, будучи танцовщиком, балетмейстером, педагогом. Как балетмейстер он поставил свыше 60 балетов. (Свой лучший балет-феерию «Спящая красавица» он поставил в возрасте

18 Нольде А.Э. М.М.Сперанский. Биография. М., 2004. С.91–92.

19 Бовыкин В.И. Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997. С.164.

20 Rey M.-P. Le dilemme Russe...P.194.

72 лет, а «Раймонду» — в 80). Таким образом, несомненно большая роль французов в становлении и развитии балетного искусства в России. Неудивительно, что в русский язык органично вошло множество французских слов, связанных с балетом, танцевальной культурой, а также театром²¹ и музыкой: балет (фр. ballet); антраша (фр. entrechat, прыжок в воздухе); вальс (фр. valse); абонемент (фр. abonnement); актер (фр. acteur); афиша (фр. affiche); бенефис (фр. bénéfice); водевиль (фр. vaudeville) и др.²²

Архитектурный образ России, как его представляют в мире, это, конечно, исторический ансамбль Красной площади в Москве, но также и классицизм Петербурга. Его дворцы строились в подражание Версалию и соперничали с ним²³. Велики заслуги французских архитекторов, скульпторов, оказавшихся в России. Образцами для знаменитого петербургского Исаакиевского собора (1817–1857), построенного архитектором французом О. Монферраном, были собор Св. Павла в Лондоне и Пантеон в Париже. Александровская колонна, возведенная О. Монферраном на Дворцовой площади, по замыслу Николая I должна была превзойти наполеоновскую (Вандомскую) колонну.

Любопытна история создания самого символического памятника Санкт-Петербурга — «Медного всадника». Будущего знаменитого скульптора Э.-М. Фальконе порекомендовал русскому правительству Д. Дидро как своего друга, сотрудничавшего в «Энциклопедии». Именно в Париже, в доме Дидро будущий автор «Медного всадника» выполнил его первый эскиз. Философ перед отъездом Фальконе из Парижа предлагал ему следующий образ памятника: «Покажите им вашего героя на горячем коне, поднимающегося на крутую скалу, служащую ему основанием, и гонящего перед собой варварство...»²⁴ Фальконе был автором лаконичной надписи на постаменте «Медного всадника», открытого в 1782 г.: «Петру Первому Екатерина Вторая». Образцом монументальной фигуры всадника в римской тоге послужила статуя Людовика XIV работы Бернини²⁵.

21 Гительман Л.И. Французский театр в Санкт-Петербурге XVIII–XIX веков // Вестник истории, литературы, искусства. Альманах. Т.1. М., 2005.

22 Под обозначением «фр.» указан наиболее вероятный путь проникновения слова в русскую лексику. Очевидно, что многие слова западноевропейских языков восходят к греческому, латыни и другим языкам. В данном случае нас интересует страна непосредственного заимствования, откуда понятия проникали в русский язык.

23 Швидковский Д.О. Франция и развитие русской архитектуры в эпоху классицизма // Вестник истории, литературы, искусства. Т.2. М., 2006.

24 Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов, 2003. С.150.

25 Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. М., 2004. С.183.

Камень, на который установили памятник, был найден находившимся на русской службе инженером М. Карбюри. Он же придумал приспособление для его перевозки и возглавил работы по установке статуи на постамент. Разногласия между Фальконе с одной стороны и Екатериной с Бецким с другой по поводу вида этого камня послужили причиной скоропалительного отъезда скульптора из России. Он так и не увидел свое творение установленным на площади²⁶.

Следование за французским стилевым образцом явственно ощущимо в первой трети XIX в. даже в производстве традиционно тульских самоваров. Форма и отделка парадных императорских самоваров свидетельствует о том, что они создавались в стиле ампир. Наиболее яркий пример французского влияния являет Санкт-Петербургская императорская фарфоровая мануфактура, основанная Елизаветой и достигшая больших высот к концу XVIII в. под руководством французского мастера, главного модельера Императорского фарфорового завода Ж.Д. Рашетта, проведшего в России последние 30 лет жизни (до него эту должность занимал Фальконе). Под непосредственным впечатлением от северского «Олимпийского» и «Египетского» сервизов, подаренных Наполеоном Александру I по случаю Тильзитского мира в 1807 г., был создан так называемый «Гурьевский» сервиз, по цветовой гамме, типу декора и форме практически копирующий знаменитый «Олимпийский» сервиз Наполеона. Парадное великолепие этого сервиза было выполнено как русскими, так и европейскими мастерами (А. Адам, П.-Ш. Ландель, Ф. Давиньон, Д.-Ж. Моро, Ж.-Ф.-Ж. Свебах)²⁷.

Велико было французское влияние на одежду, моду рассматриваемой эпохи. На протяжении всего XVIII столетия основными частями мужского дворянского костюма были рубашка, кафтан, камзол и кюлоты. Под кафтан надевался заимствованный не позднее 1700 г. из Франции камзол (фр. *camisole*). Также из Франции в гардероб русского дворянина пришел сюртук (фр. *surtout* — «поверх всего»). Дополняли наряд русского аристократа кюлоты — короткие штаны длиной до колен. После 1700 г. на Руси стали носить парики. Поначалу в моде были парики «алонжевые» (от французского слова *allongement* — удлинение). В начале XVIII в. из Франции в Россию пришло жабо (*jabot* — «птичий зоб»), в первой четверти столетия очень популярны были кружевные манжеты (фр. *manchette* — рукавчик). С начала века используются и мушки (фр. *mouche* — муха).

26 Артемова Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов... С.194.

27 Paris — Saint-Petersbourg. 1800–1830. Quand la Russie parlait français. Paris, 2003.

О пагубности легкомысленного следования европейской моде образно писал А.И. Герцен: «Париж, с бесчувствием хирурга, целое столетие под пыткой русского мороза рядит наших дам, как мраморных статуй, в газ и блонды, отчего наши барыни гибнут тысячами как осенние мухи; а наблюдательный Париж по числу безвременных могил определяет количество первоклассных дур в России». В 1790-х гг. из Франции в Россию привозятся яркие шали, ставшие необходимым дополнением в русском климате к светлым платьям-туникам, сшитым из легких тканей. В 1804 г. князь Н.Б. Юсупов открыл на своей фабрике в Купавне производство «кашмирских» шалей на шелковой основе с утком из козьего пуха²⁸. Вся модная терминология, относящаяся к одежде, прическам и косметике, заимствовалась из главного источника — французского языка. В нашем отечестве воплощали в жизнь последние достижения французского парикмахерского искусства, выписанные из Франции «парук-макары» или перенявшие их мастерство «тупейные художники» (от французского слова *toupet* — взбитая челка или волосяная накладка). Р.М. Кирсанова отмечает, что русские портные начали создавать собственную моду, не копируя парижские и лондонские образцы, только в 1880-е гг. (примером служит мантио «скобелев»)²⁹.

История костюма после Петровских реформ позволяет найти немало примеров того, как вместе с формой приходит в русский язык и название предмета. Могла изменяться семантика названия, но слово прямо указывало на источник заимствования. Так случилось с фраком и тальмой, турнюром и кринолином. Это естественно, если учесть, что всех этих видов мужской и женской одежды прежде в российском быту не существовало. А вот французский драп и сатин лишь потеснили старинное сукно и атлас. Примерами французских слов, относящихся к одежде и внешнему виду, являются: батист (фр. *batiste*), берет (фр. *béret*), ботинки (фр. *bottine*), галифе (фр. *Gallifet*), гардероб (фр. *garderobe*), гетры (фр. *guêtre*), декольте (фр. *décolleté*), кальсоны (фр. *caleçon*).

Из Франции пришли в Россию многие кулинарные традиции и, конечно, вина. В нашу повседневность прочно вошли: антрекот (фр. *entrecôte*), бисквит (фр. *biscuit*), бланманже (фр. *blancmanger*), бульон (фр. *bouillon*), гастроним (фр. *gastronome*), галеты (фр. *galette*), десерт (фр. *dessert*), желатин (фр. *gélatine*), желе (фр. *gelée*), созданный французским кулинаром Л. Оливье в 1860-х гг. в Москве салат «оливье». Французские вина появляются в России на рубеже XVII–XVIII вв. При императрице Анне Иоанновне

28 Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М., 2002. С.146.

29 Там же. С.169-170.

(1730–1740 гг.) французские вина вместе с французской кухней входят в моду. В последний год царствования Анны Иоанновны в Петербург приехал французский посланник маркиз де ла Шетарди. В его огромном обозе среди прочего находилось 100 тысяч бутылок тонких французских вин (из них 16 800 бутылок шампанского)³⁰. Во втором десятилетии XIX в., сразу после отречения Наполеона, Николь-Барб Понсардэн, вдова Клико тайно загрузила в Руане голландское таможенное судно, названное ею «Добрые намерения», 12 180 бутылками шампанского и отправила его в Россию. 15 октября 1814 г. судно прибыло в Санкт-Петербург. Вслед за первым в Россию было направлено второе судно с шампанским. Успех был таков, что на протяжении всего XIX в. русское дворянство не мыслило праздничного стола без искрящегося вина, а русские поэты и писатели воспевали божественный напиток в своих лучших творениях.

Вдовы Клико или Мозта благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.

(Пушкин А.С. Евгений Онегин).

В XIX в. французское вино и особенно шампанское прочно вошло в обиход русского двора и светского общества, стало своеобразным клише, синонимом бурной молодости и безрассудной отваги.

Аи любовнице подобен,
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной и пустой...
Но ты, Бордо, подобен другу,
Который в горе и беде,
Товарищ всегда, везде,
Готов вам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо,
Наш друг!

(А.С. Пушкин).

В начале XX столетия искрящееся шампанское ассоциируется с изысканностью и утонченностью, воспевавшимися поэтами Серебряного века.

Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

(А. Блок).

Еще одна традиционная французская отрасль — парфюмерия — имела своих ярких представителей в России. Появившиеся во второй

половине XIX в. в Москве и других российских городах французские фирмы заполняли пустовавшие ниши в парфюмерном и мыловаренном производстве. В 1843 г. А. Ралле основал мыловаренную и парфюмерную фабрику, а спустя несколько лет стал крупнейшим в России производителем духов и мыла. В 1855 г. «А. Ралле и К^о» добилась звания «поставщика Двора Его Императорского Величества». Колоритной фигурой среди французских предпринимателей — основателей новых производств в России был Анри (Генрих Афанасьевич) Брокер (1836–1900). Приехав в Россию в 1861 г., он смог основать небольшую мыловаренную мастерскую в 1864 г., стратегически правильно ориентированную на производство недорогой массовой продукции. Сейчас в это трудно поверить, но история легендарной парфюмерной фабрики «Новая Заря — Nouvelle Etoile» начиналась в конюшне, расположенной в одном из переулков Москвы. Оборудование состояло из трех кастрюль, ступки для растирки компонентов и плиты. Трудились втроем: сам Брокер, его «правая рука по техническим вопросам» Иван Бурдаков и рабочий Герасим. Начавшись с выпуска дешевого мыла для детей, на каждом куске которого стояла буква алфавита, производство быстро развивалось и расширялось. В начале 70-х гг. Брокер приступает к выпуску «высокой парфюмерии» — духов и одеколонов. Постепенно он становится безоговорочным лидером на российском рынке парфюмерии, его продукция завоевывает признание и за пределами России.

«Товарищество Брокер и К^о» было наиболее известной парфюмерной фирмой России. Со временем из нее выросла крупная фабрика (1869), в 1872 г. был учрежден торговый дом, а в 1893 г. — фирма «Брокер и К^о». В советское время его фабрика стала называться «Новая Заря». Брокеровские духи под новым названием «Красная Москва» стали «парфюмерным ароматом» русской цивилизации. Владелец крупного парфюмерного предприятия в Москве и меценат А. Брокер на основе собранной им коллекции картин русских художников открыл в Москве музей. Ему принадлежала идея экспонировать собранные картины в самом людном и посещаемом месте Москвы — в Торговых рядах на Красной площади³¹. Традиция французского участия в парфюмерном производстве России возобновилась в новейший период нашей истории. С сентября 2004 г. совместная российско-французская деятельность на базе «Новой Зари» зарегистрирована под торговой маркой «Nouvelle Etoile».

31 Полякова О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Франция XVIII–XX веков. Вып. 4. М., 2001. С.190.

Важной чертой цивилизации является язык. Создавая в России европейскую по типу литературу, Тредиаковский создавал и европейский литературный язык. В обоих случаях образцом служила Франция, точнее, теория литературы и литературного языка, сложившаяся во Франции. План работ Российского собрания, предложенный Тредиаковским (учившимся в Сорбонне в 1727–1730 гг.), в точности напоминал планы Французской академии, его программа была точной копией устава Французской академии³². Деятельность Российской академии (созданной в 1783 г. по аналогии с Французской академией), выдающихся умов России (Н.М. Карамзин и др.) по развитию национального языка имела огромное положительное значение, но в то же время увеличивала пропасть между основным населением и образованной элитой, между светским обществом и церковью. Французские слова вошли в русский язык вместе с привнесенными вещами и понятиями, обогатив его, давно перестав осознаваться как чуждые³³. (У большинства населения кроме школьников, пишущих диктанты, слова шофер, вояж, фойе, шевелюра и т.д. не вызывают негативного отношения).

Таким образом, французы внесли большой вклад в формирование представлений россиян о европейской культуре и в развитие высокой и повседневной культуры в модернизирующейся России. Даже беглое перечисление сфер деятельности французов свидетельствует о значимости их присутствия в дореволюционной России. Франция служила ориентиром для просвещенной части русского общества, влияла на его умонастроения, политические пристрастия, экономику и быт, участвуя в определенной степени в формировании своеобразной российской цивилизации.

32 Живов В.М. Язык и культура в России 18 века. М., 1996. С.173.

33 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996; Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Французские естествоиспытатели и Урал

Владимир Литовский

Географические исследования на Урале неразрывно связаны с именами ряда выдающихся иностранных и отечественных ученых¹. Концептуальная основа при формировании первых направлений уральских географических исследований в первую очередь принадлежит французской естественнонаучной школе². В ряде случаев французским исследователям принадлежит и честь первых научных геофизических измерений на территории Предуралья, Урала и Западной Сибири³.

- 1 См.: Литовский В.В. Естественно-историческое описание исследований окружающей среды на Урале. Екатеринбург. 2001.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 50–64, 65–91; Литовский В.В., Михалева Н.В. Российские памятники «Архимеду» (о Ж.Н. Делиле) // Наука Урала. 1999. № 19; *Они же*. Уральский след российского «Колумба» (о Л. Де ля Кройере) // Наука Урала. 1999. № 24; Литовский В.В. Аббат и гром небесный: Первые электрические и магнитные исследования в Урало-Сибирском регионе: французский аббат Жан Шапп д'Отрош // Наука Урала. 2000. № 3. С. 6–7. (URL: <http://www.uran.ru/gazetanu/2000/02/Nu-03.pdf>); *Он же*. «Поцелуй Венеры»: Каррер д'Анжусс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша // Урал. 2005. № 6. С. 252–254. (URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/6/li16.html>); *Он же*. К истории первых электрических и магнитных исследований в урало-сибирском регионе: французский аббат Жан Шапп д'Отрош // Исследования по истории физики и механики. 2001. М., 2002. С. 143–153; Litovskiy V., Akhunova E. Development of meteorological and geomagnetical researches on point of two continents. Europe and Asia, at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries // 7 European Conference on the meeting of Meteorology, Utrecht, Netherlands, 12-16 September 2005. (URL: www.cosis.net/abstracts/EMS05/00379/EMS05-A-00379-1.pdf); Kamenskaya S.P., Litovskiy V.V., Poruchikova S.S. Adolf Kupfer, explorers of the New world and the Urals: Historical-scientific issues // 170 лет обсерваторских наблюдений на Урале: история и современное состояние:

В этом отношении, прежде всего, следует выделить заслуги одного из выдающихся ученых, приглашенных в Санкт-Петербургскую академию наук, Жозефа-Николя Делиля⁴. В частности, благодаря его стараниям и таланту в Санкт-Петербургской академии наук была создана первая астрономическая и метеорологическая обсерватория, открыт Географический департамент, начали утверждаться точные методы в геодезии. Под его руководством была составлена первая генеральная карта России (1745), для которой был разработан специальный метод (конических проекций), сыгравший фундаментальную роль в истории картографии. Не менее значительным является его вклад в научное приборостроение. В частности, в 1731–1733 гг. им были созданы первые в мире термометры с двумя постоянными термометрическими точками (таяния льда — 150° Делиля) и кипения воды (0° Делиля), а также налажено их серийное производство как для Европы, так и для России. Это обеспечило принципиальное изменение положения дел в термометрии и привело к построению используемой до сих пор шкалы Цельсия.

История первых исследований окружающей среды на Урале и в Сибири также тесно связана с именем Жозефа Николая Делиля⁵, который осуществил подготовку участников академической группы Великой Северной экспедиции Беринга по астрономо-геодезической, картографической и метеорологической части. По инициативе Жозефа его брат Людовик Делиль де ля Кройер принял непосредственное участие в работе этой экспедиции и стал руководителем астрономо-геодезических и физических измерений. Он, как полагают некоторые авторы, впервые измерил протяженность Российской империи, оценил ее масштабы, дал первые координаты Русской Америки и совместно с Иоганном Георгом Гмелиным стал основателем первых системных метеорологических исследований в Екатеринбурге (январь 1734 г.). Благодаря его участию на Урале впервые начались системные инструментальные метеорологические наблюдения, для чего была организована первая региональная академическая станция (смотрители Андрей Артамонович Татищев, а чуть позже — Федор Иванович Санников). Ее оснащение было произведено первоклассными, передовыми по тому времени метеорологическими приборами, в том числе и совершенно оригинальными, такими как термометры Делиля, которые в модифицированном виде и ныне используются в геофизическом мониторинге окружающей среды.

Материалы междунар. семинара. Екатеринбург, 17–23 июля 2006 г. Екатеринбург, 2006. С. 81–86. (URL: <http://www.igeoph.net/seminary/Arty170/001-098.pdf>)

- 4 Наиболее известным исследованием, затрагивающим деятельность Делиля в России, до сих пор является монография Н.И. Невской (Невская Н.И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984) (*Прим. ред.*).
- 5 См.: Литовский В.В. Естественно-историческое описание исследований... С. 41–49, 65–71.

Материалы наблюдений первых сибирских метеорологических станций (в том числе и Екатеринбургской) также обрабатывались и концептуально осмыслялись Жозефом Николя Делилем.

Персональной заслугой Людовика Делиля де ля Кройера, помимо непосредственного руководства астрономо-геодезической и геофизической программами экспедиции, являются инструментальное установление размеров России, первые академические измерения широт и долгот в ключевых урало-сибирских пунктах, в частности в «столице Сибири» — Тобольске.

Это же относится к его брату — Жозефу Николя Делилю. В 1740 г. он также побывал на Урале (Верхотурье, Туринск) и в Сибири, где в г. Березове пытался наблюдать прохождение Меркурия по диску Солнца. И хотя наблюдения из-за погодных условий не удались, зато были проведены важные астрономо-геодезические определения, что позволило привести картографические измерения на Урале и в Сибири к выдающейся для XVIII в. точности, а затем, в 1745 г., создать первый академический Атлас России. В ходе этой экспедиции Делиль также делал гравиметрические замеры, наблюдал наводнения и грозы.

В целях изучения естественно-исторического наследия по освоению Урала было бы очень важным осуществить перевод книги Жозефа Николя Делиля «*Mémoires pour servir à l'histoire et au progrès de l'Astronomie, de la Géographie, et de la Physique*» (Мемуары в пользу истории и развития астрономии, географии и физики)⁶, издать материалы, связанные с уралистикой, из его архива⁷, который был исследован А.В. Постниковым⁸, опубликовать на русском языке статью Ж.Н. Делиля «Расчет движения маятников по наблюдениям, сделанным в Березове»⁹. Была бы очень важна публикация работ и материалов из архива его брата¹⁰. К счастью, первые важные шаги в этом направлении уже сделаны¹¹.

6 De L'Isle J.N. *Mémoires pour servir à l'histoire et au progrès de l'Astronomie, de la Géographie. et de la Physique.* SPb., 1738.

7 См.: Les archives nationales de la France (CARAN). 2 JJ/74 à 77, 2 JJ/80 et 81.

8 См.: Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию. (URL: <http://www.vostlit.info/TexTs/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1720-1740/Unkovskij/landkarta.htm>).

9 См.: De L'Isle J. N. Calcul du mouvement des pendules par les observations faites a Berезov. Рукопись из труда «Voyage de M-r. De L'Isle en Siberie en 1740». Сведения о данной работе приводятся в работе: Струве В.Я. О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому географическому обществу кн. И.А. Долгоруковым // Записки Русского географического общества. 1849. Кн. 3. С. 55 со ссылкой на ее нахождение в портфеле Делиля № 124.

10 См.: Louis de l'Isle de la Croyère / *Observatio longitudines penduli simplicis facta Archangelopoli* // Comm. Acad. Sci. Imp. Petrop., T.IV (1729), 1735. P. 322–328; CARAN. 2 JJ/88 et 89.

Последователю Ж.-Н. Делиля, аббату Жану Шапп д'Отрошу, совершившему от имени Парижской Академии наук путешествие в Сибирь в 1761 г., принадлежит честь и непосредственного проведения первых в Урало-Сибирском регионе комплексных геофизических измерений¹². Успех этих исследований был предопределен тем, что они осуществлялись по научной программе, предложенной Ж.-Н. Делилем, и учитывали его опыт экспедиции в Березов. В частности, в Екатеринбурге и Тобольске Жаном Шапп д'Отрошем впервые было измерено магнитное склонение, были выполнены альтиметрические замеры, а также проведены уникальные в истории Сибири натурные измерения интенсивности электричества во время гроз и при нормальных атмосферных условиях¹³. Поразительные по своей смелости и «свежести» они были проведены в то время, когда и в просвещенной Европе далеко не все страны проводили аналогичные исследования. Эти эксперименты, поставленные в лучших традициях французской геофизической школы, содержали элемент научной новизны не только для России, но и для науки об атмосферном электричестве в целом. Так, они впервые позволили получить данные о земном электричестве в глубоко континентальной евроазиатской зоне и стали, по всей видимости, одними из первых в мире исследований явления «восходящих молний». Кроме того, в их ходе впервые применительно к условиям Сибири и Азии были апробированы ставшие позднее «классическими» такие универсальные электроизмерительные приборы, как электрометры Нолле.

Можно отметить, что эксперименты Жана Шапп д'Отроша на Урале и в Сибири являются и первым в России образцом научного «шоу», которое с середины XVIII в. стало успешно использоваться французскими исследователями для развития науки.

Из других достижений Шапп д'Отроша в Сибири следует отметить его успешные наблюдения за прохождением Венеры по диску Солнца, что позволило определить его параллакс. Вместе с тем им впервые в России была предпринята и попытка сравнительного определения высоты над уровнем моря большого числа российских географических пунктов по

11 См.: Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection des cartes geographiques a la Bibliotheque nationale. Comite des travaux historiques et scientifiques // Bull. de la sect. de geographie. Paris, 1915. Vol. XXX; Невская Н.И. Источники по истории астрономии России XVIII в. Т. 1. СПб., 2000; Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.: Дневник Т.Кенигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. СПб., 2008.

12 См.: Литовский В.В. Аббат и гром небесный...; *Он же*. «Поцелуй Венеры»...

13 См.: Литовский В.В. К истории первых электрических и магнитных исследований в урало-сибирском регионе: французский аббат Жан Шапп д'Отрош // Исследования по истории физики и механики. 2001. М., 2002. С.143–153.

всему маршруту его следования, выполнены широтные и долготные измерения, минералогические описания.

Тем не менее отказ от предложения работать в России в знак солидарности с несправедливыми санкциями, незаслуженно предпринятыми в отношении Жозефа Николя Делиля российскими сановниками, несоответствие личных впечатлений о жизни российской провинции, их «неудобность» для просвещенной российской Императрицы привели к санкциям и в отношении него самого. Он лично и его книга «Путешествие в Сибирь»¹⁴, изданная в Париже в 1768 г., подверглись резкой критике со стороны Екатерины II. В итоге сочинение Шапп д'Отроша «Путешествие в Сибирь» было переведено на русский язык лишь недавно¹⁵, а его вклад в уралоистику более двух веков не освещался.

Практическое воплощение идей Ж.-Н. Делиля о триангуляции России, а также иных достижений французской школы исследования окружающей среды обнаруживается на Урале в течение всего XIX в. В геодезическом аспекте для России в целом это нашло отражение, прежде всего, в подходах и действиях отца и сына Струве, а непосредственно на Урале — в трудах французских инженер-топографов Аллори и Бержье¹⁶. В частности, первые системные топографические съемочные работы с рельефом, выраженным в штрихах, — это работы корпуса военных топографов и французских съемщиков — Аллори и Бержье¹⁷.

Важную связующую роль в развитии концептуальной основы уральских геофизических исследований сыграл Доминик Франсуа Араго, который неустанно искал и находил новые геофизические явления и закономерности, создавал методические и технические средства их изучения. Например, Араго принадлежит приоритет в установлении связи между полярными сияниями и магнитными бурями.

Обращаясь к непосредственному и косвенному влиянию Араго в изучении окружающей среды России, включая Урал, отметим, что оно в основном шло по линии основателя Екатеринбургской магнитно-

14 См.: Charpe d'Auteroche J. Voyage en Sibirie, fait par ordre du Roi en 1761. Paris. 1768. Vol. 1 (хранится в фондах редкой книги Свердловского областного краеведческого музея: с/м 14344, ПИ 4184); Vol. 2 (хранится в фондах редкой книги Свердловского областного краеведческого музея: с/м 14344, ПИ 3064).

15 См.: Каррер д'Анжос Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отроша. М., 2005; Шапп д'Отрош Ж. Атлас к путешествию в Сибирь (Charpe d'Auteroche Jean. Atlas au Voyage en Sibirie, fait par ordre du Roi en 1761). Факсимильное издание 1769 г. СПб., 2008.

16 См.: ГАСО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1–409.

17 См.: Кондратьев Ф.Я. Физическая география и топогеодезическая изученность Урала // Уральская геологическая выставка. Свердловск, 1937. С. 55–62.

метеорологической обсерватории (ЕММО) Адольфа Яковлевича Купфера и Александра фон Гумбольдта, принявших в организации ЕММО самое деятельное участие.

Поводом к этому стало обнаружение Араго в 1814 г. замедления векового хода магнитного склонения. В 1819 г. он начал организацию синхронных наблюдений этого явления в Европе, а в 1823 г. предложил развернуть такие исследования в России молодому профессору Казанского университета А. Купферу на основе той же методики и технических средств.

Подобно Гумбольдту, Купфер быстро осознал масштаб дарования Араго и значение поставленных им задач, фундаментальную естественнонаучную значимость создания глобальной системы мониторинга окружающей среды на основе новейших достижений. В 1828 г. он предпринял путешествие на Урал, а в 1833 г. в Париже опубликовал об этом свою книгу¹⁸.

В результате концептуальные подходы Араго при активном содействии и научном протекционизме Александра фон Гумбольдта были приняты в России за основу и благодаря энергичным действиям Адольфа Купфера нашли свое отражение в программе работ, методической и технической базе ЕММО.

Так, в программе работ ЕММО важное место уделялось измерениям векового хода магнитного склонения и наклонения, для чего был использован деклинатор Гамбея из Парижа, такой же, каким пользовался в Париже сам Араго. В духе исследований Араго Купфером стали тщательно фиксироваться северные сияния, а наблюдателям при их возникновении было рекомендовано следить за поведением магнитной стрелки. Во время посещения в 1828 г. Екатеринбурга Ганстином и Эрманом в городе не без учета работ Араго были начаты пробные исследования по выявлению местных магнитных аномалий, а в шахтах Богословска впервые на Урале, а возможно и в России, Купфером были предприняты измерения земного тепла.

В 1829 г. Гумбольдт также исследует Урал, преимущественно придерживаясь французских методик и технической базы. Так, долготы, видимо по рекомендации Араго, он определяет, пользуясь экспресс-методикой Делиля, а именно: находя их по разности времени восхождения Луны и ряда звезд в месте замера с соответствующими известными моментами их восхождения в Тобольске.

Как и Купфер, он уделяет повышенное внимание измерениям температуры вод из различных подземных источников, ключей, а также в

18 См.: Kupffer A.Th. Voyage dans l'Oural entrepris en 1828 par A.Th. Kupffer... Paris, 1833.

шахтах. В его техническом арсенале обнаруживаем преимущественно французскую технику: барометры Фортэна и Бунтана, термометры Бесселя и Гей-Люссака, психрометр Августа со шкалой Реомюра, большой инклинатор Гамбея для измерения магнитного наклона и т. д.

Примечательно, что результаты, полученные в созданной им же системе русского геофизического мониторинга, Адольф Яковлевич Купфер начинает публиковать, прежде всего, на французском языке в так называемом «*Annuaire magnétiques et météorologiques du corps des ingénieurs des mines de Russie ou Recueil d'observations magnétiques et météorologiques faites dans l'étendue de l'Empire de Russie et publ. Par ordre de S.M. L'Emp. Nicolas I par A. T. Kupffer. Année. St.-Petersbourg*», то есть в «Ежегоднике (или своде) магнитных и метеорологических наблюдений на просторах Российской империи».

Действительно, публикация «Свода» стала очень важным и знаменательным для мирового сообщества событием. Именно поэтому первоначально, с 1837-го по 1846 г., он начал печататься на французском языке, и только с 1845 г. одновременно на русском и французском языках. Треть данных «Свода» относилась к Уралу.

Спустя 16 лет с начала активного взаимодействия с Араго, в сентябре 1839 г., Купфер снова встречается с ним в Париже и обсуждает планы дальнейшей унификации и стандартизации русской системы геофизического мониторинга с учетом интересующих его соратника фундаментальных задач. В 1856 г., уже после смерти Араго, когда благодаря последователю Араго Урбену Жану Жозефу Леверье во Франции была организована служба погоды и штормовых оповещений (телеграфная метеорологическая сеть), Купфер незамедлительно откликнулся на призыв создания международной службы метеорологического оповещения и приложил максимум усилий для создания по французскому образцу соответствующей инфраструктуры в России. Это кардинально изменило положение дел в сфере прецизионных геодезических измерений, что заметно обесценило роль традиционных методов.

Таким образом, концептуальные французские подходы длительный период оставались доминирующими в России и в XIX в. Центральное место при этом принадлежит Доминику Франсуа Араго. Ряд его идей не утратил своей актуальности и сегодня, частности, исследования природы шаровых молний и их экологическое содержание.

Серьезное отражение некоторые из идей Араго нашли в уральских изысканиях обрусевшего француза Алексея Андреевича Тилло (1839–1899). После окончания Михайловской артиллерийской академии и двухгодичных курсов по высшей геодезии и астрономии при Пулковской

обсерватории у Отто Васильевича Струве, Тилло оказывается в Оренбурге при Военно-топографическом отделе Оренбургского военного округа. Там, исходно в рамках топографических задач, он приступил к первым на Урале системным полевым магнитометрическим исследованиям. Результатом этого стало появление в 1872 г. его монографии «Земной магнетизм Оренбургского края». Основной исследуемой характеристикой в ней стало магнитное склонение, определенное в 27 пунктах Оренбургского края на обширной территории в 180 тыс. квадратных верст. Эти исследования выполнялись также в контексте фундаментальных подходов Араго. В последующем Тилло обращается к различным проявлениям связи геомагнетизма с особенностями залегания неоднородных геологических пород, также в свое время замеченных Араго.

В 1882 г. итогом этой работы становятся две выдающиеся публикации Тилло «О магнитных картах России» и «О вековом изменении склонения и наклона магнитной стрелки на пространстве Европейской России и на морях к ней прилегающих». В них на основании всех известных Тилло с 1820-го по 1880 г. наблюдений были проанализированы данные о склонении и наклоне в 669 пунктах России. В дополнение, а точнее в развитие идей Араго, в последней работе Тилло было показано, что вековые изменения склонения и наклона в западной части Европейской России отличны от тех, которые имеют место в ее восточной части. Тем самым указывалось на важность дальнейшего геофизического исследования Урала, выявлен ряд местных аномалий, связанных со спецификой его геологических формаций, например, в Кушве и Златоусте. По существу, геомагнитные исследования он стал превращать не просто в фиксацию магнитных руд, но в средство промышленной оценки таких залежей. Однако в данном деле ему пришлось убеждать своих оппонентов вплоть до 1896 г., для чего пришлось снова обращаться к авторитету французской геофизической школы.

Импульс к промышленному использованию геомагнитных методов (в частности, к освоению залежей Курско-Белгородской магнитной аномалии, открытой еще в 1871 г. И.Н. Смирновым) дал приглашенный в 1896 г. Алексеем Андреевичем Тилло и направленный туда французский магнитолог — профессор Т. Муру.

Важно отметить при этом, что привлечение к поверочным работам Т. Муру привело к тому, что и в первой трети XX в. магнитный теодолит Муру-Шасселона продолжал использоваться в России в качестве эталона, в том числе и на Урале, в частности в Свердловской магнитно-метеорологической обсерватории. В 1889 г. А.А. Тилло завершил объемную работу по созданию гипсометрической карты России и Урала,

где рельеф Урала был наглядно представлен в его разрезе с севера на юг. В результате были существенно уточнены более ранние данные, в том числе Жана Шапп д'Отроша. Это позволило А.А. Тилло, вслед за А. фон Гумбольдтом, обнаружить явившуюся крайне важной для последующего развития представлений о геотектонических процессах тенденцию поднятия гор в районе 60-х параллелей. Вместе с тем им впервые в мире был исследован вопрос о местоположении геометрических центров материков и определены соответствующие расстояния от них до океанов, которые он стал считать главным мерилем континентальности климатов. Таким образом, исследования А.А. Тилло стали первой серьезной заявкой к появлению феномена русского биосферного естествознания, особенно отчетливо проявившегося в XX в.

Еще одним выдающимся научным событием для Урала XIX в. стала экспедиция на Урал в 1841 г. французского палеонтолога Филиппа Эдуарда де Вернейля (Phillippe Edouard Pouletier de Verneuil) и английского геолога Родерика Эмпи Мэрчисона. Основным ее результатом было, как известно, открытие Пермской системы и составление Геологической карты Европейской части России и Урала, фундаментальное описание Уральского хребта в книге «Геологическое строение Европейской России и хребта Уральского», вышедшей в 1849 г. в Петербурге, а ранее (1845–1846) изданной в Англии и Франции¹⁹. Первый том был подготовлен Мэрчисоном, а второй — де Вернейлем (издан на французском языке).

В Предуралье исследователи выделили неизвестную ранее толщу пород, которая была отнесена к шестому (последнему) периоду палеозойской эры — Пермскому периоду, имевшему место в истории Земли 285–230 млн лет тому назад. Это позволило Р.И. Мэрчисону завершить разделение на периоды палеозойской эры. С помощью русских ученых этими авторами была составлена геологическая карта Европейской части России и Урала.

Помимо важных и понятных прикладных задач, таких как оптимальная оценка природных ресурсов, размещение производственно-хозяйственной инфраструктуры для добычи каменного угля, а также отмеченных выше фундаментальных выводов Мэрчисона, на новом витке развития естествознания должны были также быть более глубоко проанализированы и фундаментальные следствия, вытекающие из изысканий Эдуарда Филиппа де Вернейля. Это было актуально, поскольку вовсе

19 Roderick Impey Murchison, Edouard de Verneuil and Count Alexander von Keyserling. The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains (1845). London; Paris, 1845. Vol. 1: Geology; Vol. 2: Palaeontologie.

не была очевидна пригодность по отношению к Уралу бытующей тогда «морской (нептунической) гипотезы» образования солей, выдвинутой еще Палласом, а также пригодность к Уралу вулканических (плутонических) теорий горообразования.

Фундаментальное открытие Антуаном Анри Беккерелем явления естественной радиоактивности (1896 г.) и последующие блестящие работы французских ученых в этой области (Мария Кюри-Склодовская и Пьер Кюри, Поль Виллар, Адрэ Дебьерн, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри и др.) существенно расширили представления об абиотических факторах окружающей среды, привели к новым геофизическим воззрениям, концептуально изменившим естествознание XX в.

Эти принципиальные сдвиги не могли не затронуть и Урал, привели к поискам здесь радиоактивных элементов. В 1905 г. эти поиски были предприняты в рамках Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), а затем и на академическом уровне (1909–1916 гг.) Радиевой экспедицией В.И. Вернадского, тесно связанного с французскими коллегами (М. Кюри и др.). В 1918 г. в Приуралье организуется первое отечественное производство радия.

К этой работе непосредственное отношение имел Леонид Николаевич Богдавленский. Вскоре после революционных событий 1905 г. он оказался во Франции, получил там прекрасное университетское образование и работал в лаборатории по испытанию радиоактивных веществ у одного из сотрудников Марии Кюри — Жана Данна в Жифе (близ Парижа), где приобрел бесценный практический опыт получения чистого радия.

Этот опыт вскоре (конец 1918 г.) после возвращения на родину (июнь 1917 г.) был использован им для организации первого отечественного производства радия на Урале (Усолье-Соликамское или ныне г. Березники Пермской области). Существенную роль в этом деле сыграл и другой крупный дореволюционный специалист по радиоактивным исследованиям, также прошедший школу Марии Кюри, Лев Станиславович Коловрат-Червинский.

Важно подчеркнуть, что оригинальные отечественные элементы такого производства (технология Бородавского) соседствовали с французскими. В частности, для переработки радиоактивных остатков первого сорта использовался так называемый метод Кюри-Дебьерна. Таким образом, первый советский радий, производство которого чуть позже из Березников было перемещено в низовья Камы (пос. Бондюжский или современный г. Менделеевск, Республика Татарстан), был получен с использованием не только отечественных, но и французских технологий (1921 г.).

Благодаря французским ученым и настоянию Л.Н. Богоявленского в середине двадцатых годов XX в. во Франции были изготовлены, а затем переданы в СССР несколько эталонов радия. В частности, для СССР в начале 1923 г. там были сделаны первые рабочие эталоны радия, а в конце 1923 г. и международный эталон радия. Все они были изготовлены французской фирмой «Материал радиоложик», принадлежащей братьям Данн, из иоакимсталевского радия, которым ранее фирма расплатилась с Леонидом Николаевичем Богоявленским. Калибровкой международного эталона радия для СССР занималась собственноручно Мария Кюри-Склодовская (конец 1923 г.). Спустя четыре с лишним года (5 июня 1928 г.) этот эталон после длительных сверок с другими эталонами стал главным официальным эталоном радия СССР.

В конце 20-х — начале 30-х гг. это позволило Л.Н. Богоявленскому и его сотрудникам создать ряд высококачественных эталонов для калибровки радиометрических приборов в полевых условиях и прийти к фундаментальному и чрезвычайно актуальному для современного естествознания результату о непостоянстве постоянной радиоактивного распада.

Принимая во внимание известные работы Ле Бея, обнаружившего месячные колебания при исследовании распада радия, Л.Н. Богоявленский пришел к заключению, что напряжение земной радиации должно иметь флуктуации и такой длительности, т.е. колебаться даже при нахождении в одном и том же месте. Причиной такого поведения он считал высокочастотные излучения, идущие из недр Земли, возникающие вследствие локальных процессов «уплотнения», в современной терминологии — вследствие ядерного синтеза.

Не касаясь этого исторически обусловленного объяснения, чрезвычайно важно подчеркнуть, что вопрос об изменении скорости радиоактивного распада и возможности влияния на нее внешних факторов до сих пор остается дискуссионным и чрезвычайно актуальным для Урала в связи с полноценным расчетом доз для всех элементов биогеоценозов, подверженных дополнительно искусственным радиоактивным загрязнениям.

Непосредственно на Урале Богоявленский провел важные исследования, в которых были синтезированы его идеи по применению радиометрической съемки для выявления не только радоновых вод, но и мест, поражаемых молниями. Для этого он широко использовал концептуальный арсенал французской геофизической науки. Так, основываясь на идеях Араго о поражаемости молниями участков с геологически неоднородными средами, он пришел к мысли о возможной причине этого: выделении в разломах и по границам геологически неоднородных пород газа — радона, а стало

быть, о целесообразности применения для обнаружения мест, поражаемых молниями, радиометрического метода. При обследовании участков линии электропередач Златоуст — Челябинск, наиболее часто поражаемых молниями (недалеко от Златоуста), в ходе радиометрических съемок 1930 г. он экспериментально убеждается в этом. Следует отметить, что несколько ранее, а именно в 1924 г., используя выше отмеченные соображения Араго, сходные исследования предпринял и французский геофизик Дозер (Dauzere). Однако первопричину этого явления так и не вскрыл, указав лишь в общем, что причиной поражаемости является повышенная ионизация воздуха.

В последующем Л.Н. Богоявленский сконцентрировал свое внимание на факторах, обуславливающих экологический комфорт, и занялся проблемами прикладной курортологии. В частности, вместе с другим выдающимся русским ученым Александром Леонидовичем Чижевским им были созданы уникальные приборы комплексного действия для обеспечения экологического комфорта человека, что обусловило блестящие перспективы для практического внедрения и развития теоретических основ науки об экологическом комфорте, аэроионотерапии. К сожалению, творческий союз Л.Н. Богоявленского и А.Л. Чижевского по аэроионификации коммунальных учреждений СССР с перспективой соответствующего оборудования коференц-залов Дворца Советов в Москве был прерван Великой Отечественной войной, а также их личными трагическими судьбами.

В настоящее время идет возвращение к их идеям, предпринимается повторно попытка воссоздать науку об экологическом комфорте. Следует подчеркнуть, что в своих исследованиях Л.Н. Богоявленский и А.Л. Чижевский опередили французских коллег.

Отметим, что основатель современной гелиобиологии, науки об экологическом комфорте и электронной медицины, Александр Леонидович Чижевский в своих достижениях во многом был обязан активному привлечению французского естественнонаучного наследия. Впрочем, в отечественной литературе есть указания, что по линии матери он имел французские корни. Прекрасное домашнее воспитание, занятия с гувернером-французом, неоднократные посещения Франции в детские и юношеские годы привили в нем живой интерес к французской культуре, а также дали мощный импульс к знакомству с историей французской науки.

Так, знакомство с трудами Жана Батиста Ламарка, Огюста Конта, Поля Бертолона, Жана Нолле и других выдающихся французских ученых уже в раннем возрасте привело его к пониманию значимости учета всех компонентов физической среды, включая электрические, для полноценного уяснения функционирования биосистем.

Одним из следствий этого стало обращение Чижевского в 1919 г. к проблеме влияния знака ионов воздуха на состояние организма. В итоге им было сделано фундаментальное открытие о положительном действии на организм отрицательных ионов кислорода (аэроионов по Чижевскому), и к 1922 г. после многочисленных проверок это было окончательно доказано. В том же году он впервые заявил о «влиянии электрических, магнитных и электромагнитных пертурбаций во внешней физико-химической среде на возникновение, распространение и интенсивность эпидемий», где высказал ряд принципиально новых соображений²⁰, касающихся действия активности Солнца не только на биосферу, но и на общественные явления.

Вместе с тем ученый отмечал, что благоприятность для человека различных курортных зон определяются и их благоприятным аэроионным режимом — так называемой аэроионной розой ветров, характерной для каждой избранной территории. Этот вывод, сделанный Чижевским, стал качественно новым этапом развития современной курортологии, урбоклиматологии и метеорологии. Аэроионная роза ветров должна обязательно учитываться для обеспечения экологического комфорта в том или ином месте, избранном для создания населенных пунктов, строительства санаториев, курортов, домов отдыха и т.д. В прикладном аспекте это особенно актуально для северных (в том числе уральских) территорий.

В период с 1924-го по 1931 г. Чижевский пытается использовать данные выводы для внедрения в практику и приступает к разработке электрокурортов с достаточным числом аэроионов непосредственно в бытовой среде. К реальному воплощению этой идеи он приступил в Практической лаборатории зоопсихологии Главнауки Наркомпроса — «Уголке Дурова» на Старой Божедомке (1924–1931 гг.). По сути дела, с этого этапа он приступил к грандиозному плану аэронификации СССР. Дворцу Советов в нем отводилась роль самого яркого и монументального пропагандистского элемента. К сожалению, по не зависящим от него причинам этим планам не суждено было сбыться. Началась Великая Отечественная война, Александр Леонидович был эвакуирован на Урал в г. Челябинск, где вследствие подлой интриги был необоснованно репрессирован и стал узником сначала Ивдельлага (Свердловская область), а затем Карлага (Казахстан). В результате этого он практически на двадцать лет был оторван от полноценной научной деятельности и реализации своего плана. Тем не менее в 1960-е гг. в теоретическом аспекте он все

20 См.: Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995.

же сумел реализовать свою идею и опубликовал монографию «Аэронификация в народном хозяйстве»²¹, подготовил и другие монографии, которые, к сожалению, вышли уже после его кончины.

В контексте фундаментального направления «кибернетической биологии» следует ныне рассматривать и созданную им гелиобиологию. Его труды по выявлению многочисленных солнечно-земных связей и вскрытию механизмов земного отклика биосферы на различные солнечные возмущения, как известно, сыграли главенствующую роль в формировании этой науки. Начало таких исследований им было положено в 1915 г., а последующее развитие осуществлялось в течение всей жизни.

Следует отметить, что судьба А.Л. Чижевского и его идей в области аэронификации и гелиобиологии могла быть еще более драматической, если бы уже в конце 1920-х гг. его идеи не стали широко известны за границей, где вызвали должный научный резонанс. Так известно, что часть материалов, которые в середине 20-х гг. он собрал для задуманной им монографии под условным названием «Солнечный пульс Земли (жизни)» или «Солнце и человечество», в период с 1927-го по 1928 г. в виде статей он опубликовал в «Русско-немецком медицинском журнале».

Одними из первых на Западе повышенный интерес к его идеям проявили французские медики (профессора Жюль Реньо и Рафаэль Дюбуа из Тулона). В 1929 г. именно благодаря их содействию во Франции появляется ряд его статей, а в научный лексикон прочно входит термин «аэроионотерапия», начинает развиваться одноименное научное направление.

Еще большее внимание французские исследователи проявили к гелиобиологическим работам А.Л. Чижевского после появления в СССР в 1930 г. его книги «Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца». После этого Александр Леонидович Чижевский вводится в число членов Тулонской Академии наук (1930). Так он получает трибуну в европейском научном сообществе для изложения своих предложений о необходимости создания экранированных больничных палат, защищающих больных от губительных лучей солнечно-земной среды. Благодаря этому во Франции ему удается организовать первую в мире «Медицинскую службу Солнца» (1932–1938 гг.) и передать это важное начинание своим французским единомышленникам: профессору Морису Фору (M. Faure) и Гастону Сарду (G. Sardou).

В 1938 г. издательство «Гиппократ» на французском языке издает его книгу под названием «Les Epidémies et les perturbations electromagnétiques

21 См.: Чижевский А.Л. Аэронификация в народном хозяйстве. М., 1960.

du milieu exterieur» («Эпидемии и электромагнитные возмущения внешней среды»). На самом деле эта книга содержала лишь фрагмент еще более основательного труда Александра Леонидовича, подготовленного им в 1931 г. по просьбе этого издательства. В полном объеме под названием «Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца» она появилась лишь в 1995 г., спустя 64 года после ее написания. Французское же издание 1938 г. к русскому читателю возвратилось в обратном переводе лишь спустя 35 лет под названием «Земное эхо солнечных бурь» (1973 г.)²², чему существенно поспособствовала, сделав обратный перевод, его супруга — Нина Вадимовна Чижевская (Энгельгард).

Таким образом, с одной стороны, понимание и поддержка французских коллег сыграли важную роль в продвижении идей Чижевского не только на Западе, но и на родине, позволили ему более полно реализовать свой творческий потенциал, сохранить творческое наследие и обогатить мировую науку новыми концептуальными идеями. С другой стороны, непосредственное общение с зарубежными коллегами в советский период оказалось для него невозможным, а выезд его за границу был исключен.

Следует отметить, что третья четверть XX в. для изучающих окружающую среду стала примечательна не только исследованиями в области гелиобиологии, но и в области микроэволюции.

Однако если биологические аспекты микроэволюции, т.е. существование биологических мутаций, и биомолекулярные теории, объясняющие их, сразу же оказались в русле «серьезных» (академических) научных исследований и в этой связи сегодня уже ни у кого не вызывают сомнений, то существование мутаций химических элементов в форме нерадиоактивных превращений атомных ядер и ныне ставится под сомнение, так как это непонятно в рамках утвердившихся теорий и по достоинству не оценено в связи с большими финансовыми выгодами для исследователей высокобюджетной тематики по классической ядерной энергетике.

Тем не менее во второй половине XX в. исследования в области нерадиоактивных превращений химических элементов уже перестали ограничиваться эмпирическим материалом и перешли в фазу теоретических обобщений. Первопроходцами в этой фундаментальной области биосферного естествознания стали французский биолог Луи Кервран и уральский геофизик Петр Александрович Корольков. Существенный вклад в накопление эмпирического материала сделали французские геологи Жорж Шубер и Жан Ломбар. Выдающейся заслугой Луи Керврана является то, что он ранее других понял, что нерадиоактивные превраще-

ния — новое свойство материи, и показал это исходя из известных биологических принципов на основе богатого эмпирического биологического материала. Заслугой же Петра Александровича Королькова является то, что он, с одной стороны, независимо от Луи Керврана пришел к пониманию универсальности трансформации ядер всех без исключения химических элементов, а с другой стороны, подвел под это теоретическую физическую базу, развив оригинальные представления о мире как о спонтанном потоке материи. Укажем, что научные контакты между учеными возникли после опубликования П.А. Корольковым в 1971 г. в сборнике научных трудов работы «Спонтанный метаморфизм минералов и горных пород»²³. Его имя сразу становится известным французскому геологу Жоржу Шуберу, директору службы Геологической Карты Мира, и биологу Луи Керврану. Последний в своей книге «Естественные (природные) и биологические трансмутации слабых энергий»²⁴ уделил большой раздел анализу работы П.А. Королькова, назвал его, наряду с Ж. Шубером и Ж. Ломбаром, пионером нового фундаментального естественнонаучного направления — природных слабознергетических преобразований химических элементов. Удивительно для той эпохи: Шуберу и Королькову вскоре даже удается сделать совместную публикацию²⁵. В настоящее время в русскоязычных опубликованных материалах сведения о биографии Ж.Шубера автору данной статьи неизвестны, во французских же есть лишь указание на некролог, посвященный памяти Ж. Шубера в «Геологическом обществе» (Choubert, Georges 1986 Ann. rept.), который для нас недоступен. Конечно же, в рамках более полновесного раскрытия научных урало-французских отношений хотелось бы найти фото Ж. Шубера и представить эти материалы уральской общественности вместе с имеющимися в Екатеринбурге материалами о П.А. Королькове.

К сожалению, столь необходимое для развития этого направления науки объединение усилий Луи Керврана и Петра Александровича Королькова в силу не зависящих от них обстоятельств оказалось невозможным. Возникший между ними в 1970-е гг. (незадолго до кончины Петра Александровича) письменный диалог не мог даже отчасти восполнить эту

23 См.: Корольков П.А. Спонтанный метаморфизм минералов и горных пород // Вопросы превращений в природе. Концентрация и рассеяние. Ереван, 1971. С.93–136.

24 См.: Кервран К.Л. Трансмутации слабой энергии / Пер. гл. «Биологические трансмутации и петрогенез». Рукопись. 30 с.; Оригинальный источник: Kervran C. L. Transmutations a Faible Energie. Paris, 1972. P. 225-244, либо Kervran C.L. Transmutations a faible energie naturelles et biologiques. Paris, 1973.

25 См.: The Alchemy of Rocks — the Transmutation of Elements in Geology, with contributions by George Choubert, P.A. Korolkov, Eugene A. Velitchko, C. Louis Kervran and Solomon Goldfein // Catastrophist Geology Year 3. Number 2. December 1978.

потребность. Приехать для проведения совместной работы во Францию (на чем настаивал Луи Кервран) Петр Александрович Корольков не мог из-за существовавшего тогда «железного занавеса», а на родине публиковать свои работы не имел возможности по причине своей открытой оппозиции влиятельным научным временщикам и вытекающей из этого обструкции. Вследствие этого его физико-теоретическое обоснование нового направления так и осталось известным лишь единицам в рукописях и до сих пор не доведено до широкого круга научной общественности. В целом же, благодаря разносторонним подходам отечественных и французских ученых, к середине 1970-х гг. необходимая платформа для развития наиболее широких представлений о превращениях химических элементов в природе и роли в том различных сред, включая биологические, была все-таки заложена.

В завершение необходимо отметить, что в постперестроечное время урало-французские культурные связи стали более активными, что нашло, например, свое отражение в проведении в Екатеринбурге Всемирного конгресса ВФАК ЮНЕСКО «На рубеже веков, на стыке континентов» (июль 1999 г.)²⁶, в проведении данного круглого стола. За это, а также за предоставление возможности ознакомления с материалами переписки Ж.-Н. Делиля во время его экспедиции в Березов²⁷ особую признательность хотелось бы выразить Генеральному консулу Франции Клоду Круаю.

26 См.: Litovskij V. L'histoire des etudes a l'Oural comme un probleme de la culture au tournant des millenaires // Le Developpement et la culture de la Paix: strategies et programmes. La protection de l'environnement. V Congres de la FMAU. Ekaterinbourg, 1999. P.21–22.

27 Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.: Дневник Т. Кенигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. СПб., 2008

Французское «нашествие» на Урал в 1812–1814 гг.

Владмир Земцов

Наполеон не дошел до Урала, но многие солдаты его Великой армии, попав в русский плен, все же побывали в горах Рифея. Многие из них (полагаем, что не менее 1 тыс. человек) так и остались лежать в уральской земле, немногие «обрусели» или «оказались», превратившись в местных жителей, и, наконец, большая часть (примерно до 7 тыс. человек) все же возвратилась на родину, до конца жизни вспоминая далекий и суровый край. Если исходить из современных данных о национальном составе Великой армии 1812 г., то получается, что около половины ее составляли либо природные французы, либо люди из так называемых «новых департаментов» Франции. Следовательно, на Урале (включая Пермскую, Вятскую и Оренбургскую губернии) в 1812–1814 гг. побывало от 3,5 до 4 тыс. французов¹.

Однако первое массовое «нашествие» французов на Урал произошло несколькими годами раньше. В ходе войны 1805–1807 гг. несколько сотен военнопленных армии Наполеона оказались перемещены в Вятскую и Пермскую губернии. Правда, произошло это уже к окончанию военных действий — к лету 1807 г. Помимо губернских городов — Вятки и Перми — было решено разместить пленных французов и в ряде уездных городов, а именно в Соликамске, Чердыни, Шадринске, Ирбите и

1 Подсчеты сделаны по данным: Бессонов В. А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; *Он же*. Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С. 18–34.

Верхотурье. В июле 1807 г., когда военные действия между Россией и Францией были уже прекращены, но известие об этом еще не достигло далекого края, партии французских военнопленных были отправлены по маленьким уральским городам². Подписание мирного Тильзитского договора открыло военнопленным путь к быстрому освобождению.

К началу новой войны между Россией и Францией в 1812 г. французская разведка смогла аккумулировать многочисленные сведения не только о западных и центральных губерниях Российской империи, но и об уральском крае. Среди множества бумаг, которые были захвачены русскими войсками во время отступления Наполеона, оказался массивный рукописный фолиант на французском языке, называвшийся «Статистический очерк Российской империи». Он был составлен на основе работ немецких исследователей — И.Г. Хасселя, Г. Шторха и К. Плото. Вероятно, были привлечены и уже обработанные перед войной данные французской разведки. Эта книга содержала самые разнообразные сведения об Урале. Так, в общем обзоре авторы «Очерка» отметили, что «русское правительство расценивает Уральские горы в качестве естественной границы между Европой и Азией». Перечислялись отдельно губернии азиатской России: Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская и Иркутская, «которые носят общее название Сибирь». При характеристике Пермской губернии, например, указывалось, что она составляет 5954 квадратных мили, или 16541 лье, и подразделяется на 12 уездов — Пермский, Кунгурский, Красноуфимский, Осский, Оханский, Соликамский, Чердынский, Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Верхотурский (в качестве 13-го уезда к этому списку был по не вполне понятной причине добавлен Киргишанский).

Авторы фолианта отдельно остановились на описании Уральских гор (*les Mounts Oural*), «которые образуют естественную границу Европы и Азии, разрезают Россию по всей ее ширине и протягиваются на более чем 300 миль или 500 лье». Была приведена даже этимология самого топонима: «Урал, на языке башкир и татар, означает центр земли... Русские также... называют его еще Каменный и Земной Пояс (*Kamennoi et Semnoi-Poias*)». Далее следует почти художественное описание Уральских гор: «Основная часть этой огромной цепи, начинающейся между Каспийским морем, Аральским озером, расстилающаяся от Оренбурга

2 Государственный архив Пермской области. Ф. 65. Оп. 4. Д. 62. Благодарим Д.А. Лобанова за возможность познакомиться с документами этого дела. История о пребывании французских военнопленных в 1807 г. в Вятской и Пермской губерниях никогда ранее не только не изучалась, но даже и не упоминалась в литературе.

до Перми, между Тобольском и Архангельском до Карского (Karich) залива, образуя Ледовитое море Павла (?) и разветвляясь разными образами на Восток и на Запад, замечательна». Имелись также многочисленные данные об Урале геологического и гидрографического характера: «Плато сформировано в основном гранитом, на склонах есть... кварцы и разные минералы, свойственные основным горным породам. Основа состоит из гравия, глины и из песка. но этот порядок не обязательно в точности такой. Возвышаются некоторые вершины. Павдинская имеет 6397 футов или 1060 туазов над уровнем Каспийского моря. Из всех гор России эти горы Урала наиболее богаты. Они изобилуют прекрасными породами гранита или порфира... красивым кварцем, отборной нефтью, щебнем, точильным камнем, кремнем, халцедоном, большими кристаллами горного хрусталя, топазами, прекрасными аметистами, хризолитами; в земле имеются залежи глины, пригодной для производства фарфора, жирной глины, железного шпата, змеевика, слюды, асбеста, изящного мрамора, гипса, плавикового шпата, минеральных масел, каменного угля... Они богаты рудным золотом, серебром, медью, железом, которые прекрасно разрабатываются. В скалах имеются многочисленные пещеры, находящиеся на склонах. Сами горы покрыты лесом. Сверх того замечательны в этой цепи многочисленные водоемы, полные рыбой и очень чистые. Главные водоемы и реки, которые там протекают, — Сосьва, Исеть, Уй, Тобол, Эмба, Урал или Яик, Белая, Чусовая, Кама, Печора, Большая (?! — la Volchaïa)». В тексте также содержатся неполные и не во всем точные сведения о Северном Урале, «который занимает территорию от Ледовитого моря до реки Тавды» и к которому авторы отнесли также «цепь Новой Земли». Видимо, с целью придания этнического колорита имеется указание на то, что «Урал — это страна башкир (Bachire)». Наконец, отмечая культурное значение Урала, авторы вновь подчеркивали: «Урал помимо прочего сегодня является демаркационной линией между европейской цивилизацией и грубостью дикаря (l'homme sauvage)».

Нам неизвестно, был ли знаком сам Наполеон с этим фолиантом, но очевидно, что все эти сведения об Урале могли быть им востребованы в случае реализации «индийского проекта»³.

К началу открытия военных действий в 1812 г. на Урале проживало некоторое число выходцев из Франции. Все они были подвергнуты местным начальством и полицией проверке на предмет благонадежности. Судя по

3 Essai de statistique de l'Empire de Russie // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 961. Франция. FIV. №160.

известным нам материалам, каких-либо дальнейших мер репрессивного характера к ним применено не было⁴.

Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. потерпело полный крах. В ходе военных действий в русском плену оказалось примерно 110 тыс. человек, из которых, однако, уже к началу 1813 г. умерло более 60 тыс.⁵ Для размещения военнопленных первоначально были назначены Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Вятская губернии. Позже стали размещать военнопленных и в других губерниях. Вместе с тем, в связи с отдаленностью Пермской губернии, в ноябре 1812 г. было решено максимально ограничить присылку туда пленных. В целом, в период 1812–1814 гг. в уральских губерниях наибольшее количество военнопленных оказалось в Вятской (к октябрю 1813 г. — 1954 человека, позже их количество возросло до 5851), затем в Оренбургской (на февраль 1813 г. — 1583 человека; затем их количество стало расти и составило не менее 4 штаб-, 167 обер-офицеров, 1663 нижних чинов, 41 дезертира и 2 женщин; наконец, через Оренбургскую губернию прошло, направляясь в г. Ишим Тобольской губернии, не менее 9 партий пленных поляков общим числом в 1586 человек)⁶. Менее всего пленных было в Пермской губернии. На 15 февраля 1813 г. в Перми и ее окрестностях оказалось 225 военнопленных, включая 3 обер-офицеров⁷. В дальнейшем их присылка сюда должна была быть остановлена. Однако в сентябре 1813 г. из г. Уржума Вятской губернии на Воткинский железодельный завод, который находился на территории Пермской губернии, оказалась отправлена еще одна партия военнопленных, которая пробыла здесь до октября 1814 г.⁸

Первые партии военнопленных на Урал, а именно в Оренбург, были отправлены уже в августе 1812 г., позже — в Вятку, еще позже — в Пермь. Военнопленные несли в пути огромные потери. Так, в партии ополченческого подполковника Языкова, отправленной из Казани в Бузулук и Бугульму с 864 конвоируемыми, он «потерял» по дороге 409 человек, а затем еще умершими «на месте» — 25. Оренбургский дивизионный доктор

4 См., например, документы Воткинского железодельного завода о проверке помощника надзирателя лесов И.И. Эльсера, «французской нации» и чиновника В.А. Деза также о «французской нации», в августе 1812–1815 гг. (Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1. Д. 407, 753, 984).

5 См.: Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России; *Он же*. Численность военнопленных 1812 года в России.

6 Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. С.29–33.

7 Бессонов В.А. Численность военнопленных... С. 35. Приложение 1.

8 См.: ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 458.

Пятницкий, освидетельствовавший в Бузулуке прибывшую с Языковым партию, написал: «Жалостное состояние бедных военнопленных столь велико, что я не могу... одного изобразить, скажу только, что ни один из них кроме изорванного мундира ничем не одет, а обуви у редкого и лапти есть, многие уже обморозились». Шедших медленно конвойные погоняли палками как скотину, падавших также били палками⁹.

Огромные потери были и в партиях, прибывших в конце января 1813 г. в Пермь. Автор летописи г. Перми Ф.А. Прядильщиков писал, что привезенные в морозы военнопленные являли собой жалкое зрелище: «Полумертвые от стужи и голода, несчастные почти не походили на людей. Одежда их состояла из ветхих мундиров-шинелей, едва прикрывавших наготу; обувью служили всякого рода обноски. Тут видны были представители разных европейских наций: французы, поляки, немцы, итальянцы, даже обитатели Пиренейского полуострова. Между старыми солдатами находились и юноши, только что преступившие предел отроческих лет»¹⁰.

В целом, по данным на 15 февраля 1813 г., среди пленных, отправленных в Вятскую губернию, умерло 452 человека, в Оренбургской — 325, в Пермской — 23 человека¹¹.

При размещении военнопленных в трех уральских губерниях в большей степени повезло тем, кто попал в Вятку и в Пермь, — почти все они оказались в городах. Что же касается попавших в Оренбургскую губернию, то основная масса была отправлена по крепостям вдоль Оренбургской пограничной линии, в станицы и деревни. Смертность военнопленных и на местах продолжала оставаться очень высокой.

29 декабря¹² 1812 г. император Александр I утвердил мнение Комитета министров, согласно которому для сокращения казенных издержек и облегчения положения военнопленных предполагалось их использовать в различных сферах хозяйства и для государственных нужд. На основе этого документа 7 февраля 1813 г. Департамент горных и соляных дел обратился к губернаторам с циркулярным предписанием выявить военнопленных, знающих различные мастерства, работавших на фабриках при горных заводах и рудниках, и всех тех, кто происходил из герцогства Берг, для определения их на заводы и фабрики. При этом, согласно предписанию исполнявшего функции председателя Комитета министров

9 Хомченко С.Н. Указ. соч. С.95.

10 Урал в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов. Свердловск, 1945. С.27.

11 Бессонов В.А. Численность военнопленных... С. 36. Приложение 2.

12 Даты, кроме особо указанных, даны по старому стилю.

С.К. Вязмитинова, военнопленным на заводах хребта Уральского должно было выплачиваться от 24 до 150 руб. год. Сверх того они обеспечивались провиантом. Спрос на труд военнопленных оказался очень высоким. Сразу по получении циркуляра Департамента горных и соляных дел, 29 марта 1813 г., горный начальник Богословских заводов обратился к Пермскому гражданскому губернатору Б.А. Гермесу с просьбой отправить к нему 329 человек из числа военнопленных. Однако оказалось, что желание быть определенным в работы из числа военнопленных, прибывших в Пермь, выразили только 2 столяра, 8 плотников, 2 слесаря, 1 кузнец, 1 медик и 1 рудоплавщик. Гермес в этой связи еще 27 февраля 1813 г. отправил соответствующую бумагу в Санкт-Петербург, прося утвердить это решение. Но ответ из столицы пришлось ожидать долго, тем более что уже тогда началось постепенное освобождение тех пленных, которые состояли в контингентах стран, разорвавших отношения с Францией¹³. Все это заставляет нас предполагать, что использование труда военнопленных на заводах «хребта Уральского» хотя и имело место, но носило (за малым исключением) единичный характер.

Что же касается выполнения военнопленными других работ, то это имело место в большей степени. Так, в г. Сарапуле Вятской губернии пленные занимались земляными работами при сооружении каменной ограды Воскресенского собора и при постройке колокольни Покровской церкви. Одному из пленных — Леонарду Мишелю — было разрешено заниматься в Вятке преподаванием наук.

С проблемой определения военнопленных к различным занятиям оказался тесно связан вопрос о переходе их в российское подданство. В Оренбургской губернии желающих принять российское подданство оказалось 40 человек, из которых 24 были французами, 5 — итальянцами, 4 — венграми, 4 — немцами, 1 — австрийцем, 1 — хорватом и 1 — испанцем. При этом как минимум 12 человек из этих 40 пожелали вступить в Оренбургское казачье войско¹⁴. Нам известны имена некоторых французов, ставших оренбургскими казаками: А. Берг, Ш.Ж. Бушен, Ж.П. Биньелон, А. Виклер, Э. Ланглоа. Причем были случаи, когда некоторые военнопленные, находившиеся в других регионах, специально переезжали в Оренбург и становились казаками. Так, к примеру, произошло с французами Бацем и Вослером, перебравшимися сюда в 1814 г.

13 Урал в Отечественной войне 1812 г. С. 101–103.

14 Юдин П. Из прошлого. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32; Иванов К.В. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 г. Самара, 1997. С. 91–95; и др.

из Казанской губернии. Значительно позже, в 1829 г., еще один бывший военнопленный француз — Дезире Дандевиль — также перебрался из Казанской губернии в Оренбург, где был принят в Николаевское военное училище на должность учителя французского языка. Нашлись также французы, пожелавшие остаться на Среднем Урале. В этом нас убеждают даже те фрагментарные материалы, которые нам известны на сегодняшний день¹⁵.

И все же желающих принять российское подданство, тем более поступить на военную службу, оказалось значительно меньше, чем предполагали власти. Так, 18 января 1813 г. земский исправник г. Глазова Вятской губернии доносил губернатору, что военнопленные приняли «повеление о приглашении их на нашу военную службу» «с надменностию, отозвались презрительно, что Российская служба по дисциплине и по числу жалованья им не нравится и потому никто желания своего вступить в ону не изъявил»¹⁶.

Как жилось военнопленным, которым удалось избежать жестокой смерти при конвоировании в далекие уральские края? Определенно можно сказать, что пленным офицерам жилось в наших краях весьма неплохо, тогда как солдатам и унтер-офицерам нередко приходилось бороться за выживание (так, в Вятской губернии в 1812–1814 гг. умерло не менее 623 военнопленных; в Оренбургской скончалось не менее 331 человека; по Пермской губернии сведений нет).

О жизни пленных офицеров в Оренбургской губернии нам известно благодаря сохранившимся воспоминаниям, по крайней мере, двух французов: капитана 2-го конно-егерского полка П. Ноказа и лейтенанта 36-го линейного полка О. Белэ. Они были хорошо приняты дворянством Оренбурга, Уфы, Бузулука, Бугуруслана и Бирска. Уфимский городничий Караулов и местные помещики не только устраивали бесконечные ужины и охоты для пленных офицеров, но и оспаривали право пригласить их к себе. На прощание Караулов подарил французам карету, наполненную съестными припасами, водкой и французскими винами¹⁷.

Военнопленным-солдатам пришлось несравненно хуже. Поэтому многие из них изыскивали различные способы улучшить свое материаль-

15 См., например: ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д.87. Л. 48.

16 Валитова Ф.Х. Пленные французы в Вятской губернии и в г. Елабуге в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005. С.262.

17 Интересно, что Пьер Ноказ (P. Noucaze) опубликовал свои мемуары анонимно (*Voyage d'un officier français, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet Empire, du cote de l'Asie. Paris, 1817*). Только несколько лет назад С.Н. Хомченко смог установить авторство этой книги.

ное положение. Были случаи, когда они пекли хлеб на продажу, изготавливали различные предметы быта, занимались врачевательством и даже предсказывали доверчивым крестьянам будущее по картам. Несмотря на то что пленные в конце концов обживались и сносно устраивались, они до конца плена не могли свыкнуться с грязью крестьянских жилищ, огромным количеством тараканов и других насекомых, а также с обычаем спать в холодное время года в одной избе с домашней скотиной.

Уже весной 1813 г. начался процесс освобождения военнопленных: в мае 1813 г. из Вятки были отправлены 13 австрийцев, в ноябре–декабре того же года из Вятки выехало 2 штаб-офицера, 104 обер-офицера, 393 нижних чина и 2 женщины. Позже всех — в октябре 1814 г. — стали освобождать из уральских губерний французов. Причем, в связи с возвращением к власти Наполеона в период «Ста дней», поступило повеление вернуть обратно тех пленных французов, которые еще не выехали за пределы России. Так, в сентябре 1815 г. в г. Орлове Вятской губернии оказалась партия в 122 нижних чина и 15 офицеров, присланных из Пскова. Впрочем, в январе 1816 г. и они получили свободу. К этому времени в Пермской губернии военнопленных уже не осталось. В Оренбургской губернии оставался только один военнопленный — некто унтер-офицер Куртезио, сардинец на французской службе, живший до августа 1814 г. в Вятке. Там он в пьяном виде подрался с квартировавшим вместе с ним солдатом внутреннего батальона Табанаковым, который также был пьян, и ранил его ножом в бок. Куртезио прогнали дважды сквозь строй и отправили навечно на крепостные работы в Оренбургскую крепость. Однако по высочайшему повелению он был прощен и в феврале–марте 1816 г. выслан за границу¹⁸.

Хотя пребывание военнопленных в 1812–1816 гг. на Урале было кратковременным, а в Пермской губернии в численном отношении скромным, этот факт оставил по себе настолько глубокую память, что по сию пору встречаются уральцы, ведущие свою родословную от пленных французов, настоящих или мнимых.

На протяжении большей части XIX в. в Западной Европе и Америке получила широкое хождение история о том, как 70 военнопленных было распределено для работ на «заводы Демидова». Благодаря фантазии двух французских авторов, Ш.О. Барбару и Ж.А. Лардые, в 1826 г. был рожден легендарный персонаж — сержант 9-го линейного полка Р. Гийемар, который оказался в Нижнем Тагиле и Черноисточинском заводе, с интересом и приятностью познавая до 1814 г. жизнь горноза-

18 Хомченко С.Н. Указ. соч. С.51.

водского Урала¹⁹. Согласно мемуарам, Гийемар попал в русский плен в ходе Бородинского сражения. После многонедельных переходов он в составе большой партии военнопленных прибывает в Пермь, «наиболее крупный город в Европе, который можно встретить на этом направлении». Город, продолжает мемуарист, «расположен в горном крае, составляющем часть Уральских гор, которые, однако, оказались ниже, чем мы предполагали, но именно они создают реальную линию разграничения между Европой и Азией».

Выехав из Перми, пленные, как можно понять, уже через полтора дня (!) оказались в Екатеринбурге, «очень красивом городе, с домами, крыши которых покрыты листовым железом, с Монетным двором и с государственной конторой для общего управления рудниками Перми, Казани, Оренбурга и Сибири». Примечательно, что в Екатеринбурге «никто вовсе и не думал о войне, будучи убежден, что она далеко», и жители города относились ко всем событиям с явным безразличием. Здесь, в Екатеринбурге, в соответствии с соглашением между «представителями короны» и «агентом г-на Демидова, одного из самых богатых людей в России»²⁰, партия в 70 военнопленных была разделена на группы по 10 человек, которые были отправлены «на рудники этого могущественного производителя железа». Будучи уже в Екатеринбурге, полковник Лаплан, в одной партии с которым оказался Гийемар, узнал, что «кузнечный завод» Нижнего Тагила, расположенный примерно в 10 лье²¹ к северу, находится под управлением француза, и попросил отправить туда небольшую партию. 31 декабря 1812 г. пленные французы достигли Нижнего Тагила.

По приезду в Нижний Тагил французы были встречены «одним из мастеров кузницы», который, в ожидании дальнейших распоряжений от своего начальства, выделил им дом для жилья. На следующее утро пленные были «приятно удивлены приходом г-на Мазэна (Mazin), француза, помощника директора работ (directeur en second de l'usine)». В дальнейшем Мазэн неизменно покровительствовал пленным, в осо-

19 *Mémoires de Robert Guillemard, Sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inédits, de 1805 à 1823.* P., 1826. T.1-2; *Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823.* Written by Himself. L., 1826. P. VI, VIII; *Adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823.* Written by Himself. Philadelphia, 1826; *Memoiren Robert Guillemard's verabschiedeten Sergenten.* Leipzig, 1827. Bd. 1-2; *The adventures of a French Serjeant, during his Campaigns in Italy, Spain, Germany, Russia, etc. from 1805 to 1823.* Written by Himself. L., 1898; etc.

20 Примечательно, что пленные, живя на Урале, так и не встретились с Демидовым, что вполне правдоподобно, так как Н.Н. Демидов только единожды, в 1806 г., посетил Урал.

21 В то время лье равнялась примерно 4 км.

бенности полковнику Лаплану и Гийемару. Им был дан русский слуга по имени Федор, и они были устроены «в очень хорошеньком небольшом теплом домике, находившемся рядом с церковью». Остальные пленные были первоначально поселены в здании при мастерских, где вскоре стали руководителями на отдельных участках работ.

Далее Гийемар дает описание Нижнего Тагила на р. Тагил, в котором находится железоделательный завод. Река Тагил, как справедливо указано в мемуарах, «впадает в Туру, Тура в Тобол, Тобол в Иртыш, а Иртыш — в Обь». Этот завод принадлежит г-ну Демидову, «наряду с другими девятью железоделательными заводами, расположенными возле него, где плавится руда, привозимая с Уральских гор». Центром демидовских владений является именно Нижний Тагил, откуда «исходят приказы для кузниц Салдинского, Выйского, Нижне- и Верхне-Лайского, Черного (то есть Черноисточинского. — В.З.) и других [заводов]». Река Тагил перекрыта плотиной и разливается в пруд, чья вода «приводит в действие многочисленные молоты и колеса вдоль длинной линии фабрик». «Здесь производятся разные железные изделия, такие как колокола, разного рода инструменты, железные котлы и т.д. С каждой стороны линии мастерских высятся дома, которые образуют завод (zavode)». Автор поясняет, что для множества домов вокруг железоделательных мастерских используется не название город (gorod), но название завод. В Нижнем Тагиле 9 тыс. жителей²², и все прямо или косвенно заняты на работах. На наиболее видном месте расположен дом, предназначенный для хозяина, г-на Демидова, когда он приезжает посетить свои владения. На вершине самого большого холма построена церковь, которая, подобно всем церквям в России, разделена на две части, одну летнюю и другую зимнюю, и покрыта листовым железом²³. Между домами разбросаны небольшие сады. Хотя они содержатся не в очень хорошем состоянии, но придают поселку (un village) довольно приятный вид, особенно с окончанием зимы (в английском варианте — с приходом весны), когда вишневые деревья (?) покрываются фруктами (?). В нижней части поселка расположен базар, своего рода восточная ярмарка, где находятся все лавки этого местечка²⁴.

Специфику населения этого поселка автор сравнивает с особенностями населения Сент-Этьена, где размещается оружейное производство Франции. Далее дается красочная картина главной улицы Нижнего Тагила вечером, «когда вдоль двух длинных рядов зданий зажжены все огни,

22 По данным на 1828 г., в Нижнем Тагиле было 4562 мужчины и 5116 женщин.

23 Явно имеется в виду Входа-Иерусалимская церковь, построенная в камне в 1764–1777 гг.

24 Действительно, ранее на этом месте находилась торговая площадь.

все молоты бьют, все колеса находятся в движении, и тысячи человек, чумазые и в дыму, двигаются возле горнов, ежедневно производя огромное количество чугуна». «Безмерное количество» изделий этого завода, по словам автора, перевозится в санях (!) по реке Чусовой, откуда они перебрасываются на Волгу, затем — на север, в Европейскую Россию или идут на экспорт в Англию²⁵⁴.

Автор воспоминаний пишет, что г-н Мазэн был чрезвычайно сведущ в кузнечном деле и поэтому был назначен «начальником работ по подготовке руды» (вероятно, занимался обогащением руды), сменив на этом месте одного «малосведущего русского (который сам был преемником другого француза г-на F... чьи заслуги и добродетели с теплотой вспоминались в Нижнем Тагиле)»²⁶. Мазэну пришлось приложить немало усилий, чтобы «вновь вернуть процветание и великолепие, которое было ранее». На этом фоне события войны с Наполеоном были очень скоротечны, и Сибирь была столь далека, что меры предосторожности, введенные против французов, находившихся в России, не были задействованы, и Мазэн оставался «в высшей степени уважаем и любим».

Всю зиму начала 1813 г. пленные провели в Нижнем Тагиле, и к весне слухи о разгроме Наполеона в России окончательно подтвердились, «так как еще некоторое число пленных было размещено в Сибири». Мазэн пытался, как мог, развлекать французских пленных, показав им «зимние скачки, которые любимы русскими всех классов», и зимний лов рыбы на озерах²⁷. «Хотя зима и является веселым временем года для сибиряков, — пишет автор, — они ждут прихода весны с радостью...» С приходом весны во время пасхальной недели жители Сибири устраивают развлечения, празднуя окончание зимы. Для этого всюду ставят качели,

25 Представления автора о путях транспортировки изделий из Нижнего Тагила весьма искажают истинную картину.

26 Речь, предполагается, идет о знаменитом К.-Ж. Ферри (Ferry), который в 1805–1809 гг. работал на Нижнетагильском и Черноисточинском заводах. Что же касается до «г-на Мазэна», то такого, по-видимому, не существовало. Из известных нам лиц, работавших в Нижнем Тагиле в эпоху Александра I, обращает на себя внимание штейгер Фрол Монзин, фамилия которого напоминает фамилию Мазин (Mazin).

27 Автор достаточно точно описывает редкий ныне способ ловли рыбы зимой с помощью сетей и шестов, однако делает явную ошибку, утверждая, что наряду со щукой, в озерах возле Нижнего Тагила можно поймать линя и даже лосося (!). Примечательно, что в примечании, излагая выдумки о том, что стерлядь, выловленную в Оби у Тобольска, подают к императорскому столу в Санкт-Петербурге, издатель упоминает П.С. Палласа, который обнаружил в Оби огромную рыбу-монстра, препарировал и сделал чучело, которое затем оказалось в кабинете естественной истории в Санкт-Петербурге (строки о стерляди и рыбе-монстре имеются только во французском издании (*Mémoires de Robert Guillemard...* P., 1826. T. I. P. 273. Note).

и есть немало людей, которые не покидают качелей целыми днями, разве только для того, чтобы поесть.

Мы не исключаем, что такие любители качелей встречались, но вот описание автором прихода весны удивило: «Весна в Сибири приходит не постепенно, как у нас, но подобно тому, как и зима, наступает [здесь] сразу. Вечером накануне мы чувствовали себя как будто под арктическим кругом; на следующий же день вдыхали весенний воздух. Снег внезапно исчез, и земля, как по волшебству, появилась, покрытая цветами».

С наступлением теплой погоды Гийемар и Лаплан, по предложению Мазэна, перебрались в Черноисточинск (Tchornaïa-Zavode), который находился, по словам мемуариста, «в расстоянии 3-х лье»²⁸. Далее он пишет, что этот завод расположен на берегах озера Черного (Tchornaïa), которое, в свою очередь, берет имя от реки с тем же названием. Воды этой реки, «прежде чем попасть в озеро, текут через болота и оттуда затем спускаются в Тагил»²⁹.

Сделав подробный обзор географии края, особенностей жизни уральцев и даже уральских древностей³⁰, автор «мемуаров» решился разбавить свой рассказ любовной историей, которая должна была бы соответствовать местному колориту и отразить, так сказать, «социально-политический контекст» уральской жизни. В рассказе появилась красивая девушка Дарья с черными как смоль волосами, оттенявшими ее «мягкую и белую как пергамент кожу, составляющую отличие кавказской (?! — В.З.) расы» (ее Гийемар встретил в лесу недалеко от черноисточинской плотины); появился ее отец, богатый старообрядец Михаил; возник очень богатый башкир³¹, брат Михаила по вере, тоже старообрядец (?!!!); и, конечно же, дюжий русский молодец Василий, полюбивший Дарью и ею, в свою очередь, любимый. Старец Михаил попытался выдать Дарью за своего собрата по вере башкира Афанасия, но встретил упрямое нежелание Дарьи.

28 Расстояние от Нижнего Тагила до Черноисточинска по прямой составляет примерно 16 км.

29 Следует пояснить, что в те годы скорее р. Черная вытекала из озера. Вопрос о переносе вод р. Черной в Черноисточинский пруд рассматривался многократно, но реально этот проект удалось реализовать только в 1849 г.

30 Более подробный материал о «мемуарах» Гийемара см.: Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Уральский исторический вестник. 2008. №1 (18). С. 116–125.

31 Автор пишет, что летом 1812 г. башкирская семья Афанасия, захвав дальше, чем обычно, на север, очутилась возле Черноисточинского завода. Башкиры время от времени заходили в поселок купить что-нибудь или продать халаты, называвшиеся «doubas», которые они красили в желтый цвет с помощью коры берез. Напомним, что дубасы, сарафаны из крашеного холста, действительно существовали (благодарим Е.В. Алексееву, указавшую нам на этот факт).

Каково же было завершение истории Дарьи и Василия, свидетелем которой оказался француз Гийемар? Однажды в Черноисточинск прибыли два русских офицера с несколькими сержантами. Все они «скорее выглядели как казаки, нежели как регулярные солдаты». Они занимались рекрутским набором. В назначенный день на площади должны были собраться все мужчины. В стороне стояли женщины, которые «с ужасом ждали результатов; некоторые из них плакали». Мужчины поселка были построены в две шеренги, и офицеры, медленно двигаясь между ними, отбирали на вид наиболее пригодных к военной службе, формируя из них небольшую группу в середине площади. Затем началась инспекция среди отобранных в эту группу людей: их заставляли пройтись, раздеться — словом, как пишет автор, делалось то, что происходило в «рекрутских советах» в наших департаментах многие годы. Когда мужчина оказывался негоден, ему разрешали уйти, и тогда толпа разражалась криком радости; если же его признавали годным, его немедленно заковывали в железо (?!), в то время как его семья кричала от горя. Этих бедняг оставляли закованными вплоть до того момента, покуда их не отправляли из селения.

Однако автор «воспоминаний» отмечает, что в России существует множество обстоятельств, позволяющих избежать рекрутчины: возраст, наличие семьи, обязанность ухаживать за престарелыми родителями. Иногда случаются и подкупы офицера, занимающегося набором. Но бывало и другое, когда в армию «забирали молодого человека, чья жена или любовница была объектом домогательства соседского сеньора» или в отношении которого готовилась иная несправедливость, и за его сдачу в рекруты была обещана плата. «Таков порядок рекрутирования в России!» — восклицал автор.

Итак, Василий был закован в кандалы и определен в бессрочную службу, что в России является своего рода «внутренним изгнанием, так как русскому солдату никогда не разрешается возвратиться в свой дом»³². Рекрутскую партию в тот день хорошо покормили мясом и напоили «бренди» (?!). Затем рекруты, находившиеся в бесчувственном состоянии, все еще закованные в железо, были брошены в сани. Теперь стало разыгрываться множество раздирающих сердце сцен, когда семьи провожали забранных в службу криками и пением «посмертных псалмов». Сами же рекруты, одурманенные «ликером» (?!), оставались совершенно индифферентны к происходившему вокруг них. Но не таков был наш Василий! Он ничего не пил и, садясь в сани, «протягивал руки к Дарье,

³² В примечаниях отмечено, что рекрута забирали на 20 лет, что фактически означало на всю жизнь (Mémoires de Robert Guillemerd... P., 1826. T. I. P. 301. Note).

к своим друзьям», к сержанту Гийемару и «посылал нам «прощай» со слезами». Дарья бросилась к нему, но была безжалостно отдернута и брошена на лед. Сани пошли в галоп. Гийемар поднял Дарью и отвел ее к отцу, где она стала быстро угасать, и у нее открылась чахотка. Она постоянно приговаривала, что «Василий взял ее жизнь с собой». Когда в середине июля 1814-го в поселок возвратился Афанасий, надеясь на скорую свадьбу, чахотка у Дарьи резко усилилась, и через несколько дней она умерла с именем Василия на устах.

Сержанту Гийемару довелось сопровождать ее тело из Черноисточинска в старообрядческую церковь в Нижнем Тагиле³³. По одну сторону гроба встали мужчины, по другую — женщины. «После похоронного песнопения, исполненного на местном языке (*en langue vulgaire*), священник, который был с непокрытой головой, произнес речь о покойной. Его седые волосы, его длинная борода, его азиатское одеяние и громкие рыдания придали его речи особую торжественность». Когда священник закончил, каждый вышел вперед и в молчании поцеловал руку покойной. Сержант Гийемар, который был безответно влюблен в Дарью, сделал это, как и все остальные.

Остаток лета 1814 г. полковник Лаплан и Гийемар провели в Нижнем Тагиле. Здесь они снова встретились со своими товарищами по плену, которые очень неплохо устроились в нижнетагильском поселке. Они сами построили дом, «один из самых заметных благодаря порядку и опрятности». Пленные возделывали небольшой садик, который уже «на второй сезон превзошел все сады сибиряков вокруг них». Справедливости ради автор замечает, что свободного времени у его друзей было больше, чем у рабочих, занятых на руднике.

Наконец, в июле некий «агент Демидова», который был послан инспектировать владения своего хозяина в Верхотурской провинции (?!), поделился слухами, пришедшими из Нижнего Новгорода, о том что между Францией и Россией заключен мир.

2-го октября (н. ст.) «по снегу, который только четвертый или пятый день как покрыл почву», Лаплан и Гийемар отправились в санях из Нижнего Тагила. Вскоре они «пересекли Уральские горы и обширные равнины между Екатеринбургом, Казанью и Нижним Новгородом». 28 октября они были в Москве, а 29 ноября (н. ст.) въехали в Страсбург. Так французские пленники возвратились во Францию...

Не скроем: когда мы познакомились со столь ошеломляющей и будоражащей воображение феерической историей уральского плена сержанта

33 Этот эпизод вполне можно связать со Свято-Троицкой старообрядческой часовней в Нижнем Тагиле.

Гийемара, мы не на шутку были взволнованы. Поражало необычное переплетение истинных сведений об Урале и уральской жизни с очевидными домыслами автора этого подлинного бестселлера XIX в. Как выяснилось позже, создателями этих «мемуаров» оказались уроженцы Марсея Шарль Оже Барбару и Жозеф Александр Лардье. Их личности оказались отнюдь не ординарными и заслуживают отдельного рассказа.

Но каким же образом два уроженца французского Юга собрали сведения, которые позволили им в середине 20-х гг. XIX в. совершить «виртуальное» путешествие на Северный Урал? Помимо этого возникает вопрос: что заставило их забросить своего сержанта Гийемара не куда-нибудь, а именно в Нижний Тагил и Черноисточинск?! В одной из своих публикаций мы предложили свои размышления на этот счет³⁴, в целом отвергнув предположение о возможности пребывания французских военнопленных в Екатеринбурге и в районе Нижнего Тагила. Казалось бы, миф, созданный двумя французскими писателями, разоблачен, и на Среднем Урале французских пленных в 1812–1814 гг. не было. Однако сейчас, работая над этой статьей, мы уже в верности своих прежних выводов далеко не уверены... Не исключено, что часть военнопленных, оказавшихся в Вятской губернии, была отправлена не только в Воткинский завод, но и на Гороблагодатские заводы. Как знать, может быть, кто-то из них оказался и в Нижнем Тагиле и даже посетил Черноисточинский завод, а потом, много лет спустя, уже во Франции, поведал пожелавшим послушать его о далеком и таком завораживающем, загадочном для французов уральском крае...

Как много еще предстоит узнать о судьбах французов, заброшенных 200 лет назад в наши края! Предстоит выяснить обстоятельства плена тех, кто оказался в Перми и на Воткинском заводе (по-видимому, там военнопленные потребовали улучшить условия содержания и отказались от выполнения работ!), определить, каким путем через Урал добирались в западные губернии высланные в 1812 г. в Иркутск (!) четыре французских инженера, оставивших заметный след в истории Франции и России, — П. Базен, А. Фавр, М. Дестрем и Ш. Потье³⁵, и многое, многое другое. Уверены, что подлинные истории этих людей могут оказаться не менее захватывающими, чем тот рассказ о сержанте Гийемаре, который остался настоящим бестселлером почти 200 лет!

34 Земцов В.Н. Указ. соч.

35 См.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 462–464; Гузевич Д., Гузевич И. Петр Петрович Базен. СПб., 1995; Сироткин В.Г. Наполсон и Россия. М., 2000. С. 200–206; и др.

Французы на Урале в конце XVIII — первой половине XIX в.

Ольга Ермакова

Русско-французские отношения имеют многовековую историю. Период конца XVIII — начала XIX в. отмечен усилением напряженности и столкновением двух великих держав в ходе наполеоновских войн. После поражения Наполеона и подписания акта о создании Священного союза, к которому Франция присоединилась в ноябре 1815 г., дипломатические контакты между двумя странами возобновляются. Общие тенденции в развитии русско-французских отношений проявлялись не только на уровне государственной политики Российской империи или в среде столичного общества и дворянской культуры, но и в региональном измерении. Урал в рассматриваемый период — это процветающий центр металлургического производства, во многом обязанный своим становлением и эффективным развитием именно иностранным специалистам. Представителями европейских государств на территории Урала преимущественно были немцы и в меньшей степени англичане — искусные мастера производства и обработки металла. Немцам, работавшим на Урале и в Сибири, посвящено немало работ историков и краеведов¹. Деятельность английских инженеров на уральских заводах также отражена в специальных исследованиях².

- 1 См., например: Немцы на Урале и в Сибири (XVI — XX вв.): Материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI — XX вв.» Екатеринбург, 2001; Кортгина С.Б., Наймушин А.В., Черноухов А.В. Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 88–99; Немцы на Урале XVII–XXI вв. Нижний Тагил, 2009.
- 2 См., например: Зейферт В. Посланцы Туманного Альбиона на Урале и в Екатеринбурге // Уральская старина. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 295–313; Устьянцев С.В., Логунов Е.В.

Упоминания о французах в данном контексте встречаются в литературе реже, что, возможно, объясняется их немногочисленностью на Урале в конце XVIII — первой половине XIX в. Тем не менее, учитывая изменчивый характер русско-французских отношений в изучаемый период, исследование различных аспектов пребывания французов на Урале представляется чрезвычайно важным.

В 90-е гг. XVIII — начале XIX в., в связи с растущей подозрительностью по отношению к иностранцам, в источниках встречаются свидетельства о мерах по установлению причин их присутствия на уральских территориях. Такая тенденция прослеживается, в частности, по документам административно-полицейских органов Тобольского наместничества. В 1790-е гг. был издан указ по Тобольскому наместничеству о «вызове в земский суд живущих в волостях французов». Однако по рапортам волостных судов оказалось, что на вверенных им территориях «французов не имеется»³. В конце 1812 — начале 1813 г. в Тюменском земском суде были составлены секретные предписания по борьбе с иностранным шпионажем⁴. В этом документе подчеркивалось, что «настоящие обстоятельства требуют крайнейшей предосторожности в рассуждении безопасности нашего государства»⁵, и высказывались опасения, что «неблагодарные люди, а особливо из иностранцев и поляков, скрытым образом стараются извлечь разные наши сведения и положения, доставляя оные своим единомышленникам»⁶. Предписывалось тщательно следить за иностранцами, «какого они поведения, какие имеют связи»⁷, и немедленно сообщать о возникающих подозрениях.

Подобные мероприятия проводились на Нижнетагильских заводах в 1806 г., когда после поражения союзных войск Россия готовилась к новой войне против Наполеона в составе 4-й антифранцузской коалиции. В июле 1806 г. Екатеринбургское горное правление предписало заводскому исправнику выяснить, что за иностранец находится на Нижнетагильских заводах, имеется ли у него «лист о свободном его в российские города пропуске и паспорт на жительство»⁸. В октябре 1806 г. указания о на-

Английский технологический опыт и уральские горные заводы XIX века. Екатеринбург, 1992; Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2009.

3 Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2208. Л. 7.

4 Там же. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же. Л. 3.

8 Неклюдов Е.Г. Иностранцы на частных заводах Урала в начале XIX в. // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 281.

блюденнии за иностранцами на партикулярных заводах поступили от Берг-коллегии. В течение нескольких лет заводские и уездные исправники присылали рапорты об иностранцах в горное правление⁹.

Пристальное внимание к иностранцам на частных заводах Урала было во многом спровоцировано подтвердившимся фактом присутствия французского подданного в стратегически важном районе России. Летом 1806 г. на Нижнетагильские заводы прибыл французский ученый Клод Иосиф Ферри, «профессор Артиллерийской и Инженерной и других школ в Метце и Париже, родом из Эпиналь, жительством из Метца Мозельской области»¹⁰. Руководил организацией деятельности профессора Ферри на Урале директор Нижнетагильских заводов Михаил Данилович Данилов. Именно он способствовал заключению контракта с французским ученым. М.Д. Данилов в 1800 г. вместе с Николаем Никитичем Демидовым путешествовал по Европе, где обучался премудростям металлургического производства. Во Франции Михаил Данилов женился на парижанке по фамилии Соро, принявшей в замужестве русское имя Елизавета Осиповна. Отец Елизаветы Осиповны постоянно поддерживал переписку с Даниловым и получал от него деньги на содержание¹¹.

Профессор Ферри был приглашен на Нижнетагильские заводы с целью внедрения европейских технологических достижений и усовершенствования производства. Французский ученый пробыл на Урале около трех лет. Контракт с ним был расторгнут в 1809 г. Профессора Ферри считали скорее теоретиком, чем практиком. Первый опыт работы «воздушной печи», возведенной на Верхнесалдинском заводе под его руководством, оказался неудачным. К устройству паровых машин ученый не успел приступить. Деятельность французского профессора вызывала недоверие у местного населения, некоторые считали Ферри французским шпионом¹². Причины неудач в работе ученого на уральских заводах видятся исследователям по-разному. По мнению В.С. Виргинского, одним из факторов, мешавших деятельности Ферри, стала придирчивость директора заводов, невзлюбившего французского профессора¹³. Другой объективной причиной расторжения контракта с Ферри, по-видимому, явился недостаток времени для должного проведения ученым необходимых опытов. Дело в том, что работа с уральскими рудами требовала специфической практики и нали-

9 Там же. С. 282.

10 Там же.

11 Дашкевич Л.А. Михаил Данилович Данилов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX — начала XX века. Екатеринбург. 1999. С. 4.

12 Там же. С. 6.

13 См.: Виргинский В.С. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М., 1986.

чия достаточного опыта¹⁴. Тем не менее деятельность ученого, несмотря на свою незавершенность, несомненно принесла пользу демидовским заводам. В заводской переписке позже часто упоминались сооружения, построенные или спроектированные при профессоре Ферри.

Несколько раз посетил Россию еще один видный французский ученый, социолог и горный инженер Фредерик Лепле. Его первое путешествие состоялось в 1837–1839 гг. на юг России. Второе (в 1844 г.) и третье (в 1853 г.) — на Урал. Свои впечатления об экспедиции 1844 г. Лепле подробно изложил в письмах жене. Он описывал жизнь русских крестьян, сравнивал быт и условия жизни уральских рабочих с французскими. Полученные сведения ученый использовал в своих социологических исследованиях¹⁵. Целью третьего путешествия в Россию, писал Лепле, было «с одной стороны, распространение сведений о новых способах работ по железнному производству, со значительным сбережением топлива, употребляемых в Западной Европе, с другой же, желание испытать на опыте многие улучшения, начало которых вывел я из лабораторных исследований и которые, должно полагать, будут иметь значительное влияние на все отрасли металлургии, при которых... употребляется горючий материал»¹⁶. Фредерик Лепле, в частности, составил для уральских заводов проект галереи для сушки дров. В отчете о проведенных на Урале опытах ученый указывал на трудности пребывания иностранцев в России: «...иностранец, пользующийся возможным благорасположением, всегда будет находиться в менее выгодном положении, чем туземец, для достижения результатов, требующих непрерывных усилий и содействия значительного числа лиц»¹⁷. По этой причине, а также в силу того, что «не имея времени в нижнетагильском заводе заняться исключительно опытами сушки дров»¹⁸, Лепле не достиг конечных результатов в работе по усовершенствованию производства. Он собирался обнародовать свои заключения и составить окончательный проект сушильной галереи уже в Париже. Главным достижением он считал свое «личное... влияние, чтобы привести к убеждениям, которые впоследствии принесут свои плоды». Ученый надеялся: на уральских заводах «есть люди, составившие себе собственные идеи по вопросам, мною возбужденным, и они впоследствии приложат возможные старания для приведения их в исполнение»¹⁹.

14 Дашкевич Л.А. Михаил Данилович Данилов // Нижний Тагил в лицах... С. 6.

15 Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России. Екатеринбург, 2001. С. 69.

16 Государственный архив Свердловской области. Ф. 43. Оп. 1. Д. 162. Л. 25–26.

17 Там же. Л. 28.

18 Там же. Л. 1–2.

Деятельность Фредерика Лепле на Урале оценивалась неоднозначно, как и в случае с профессором Ферри. Капитан Котляревский, при содействии которого Лепле проводил опыты, высказывал сомнения по поводу целесообразности претворения в жизнь разработок французского ученого. Котляревский считал, что осуществление проекта Лепле будет для уральских заводов слишком дорогостоящим, тем более, как писал он в рапорте начальнику уральских заводов, «мы устройство сушильных галерей знали гораздо ранее, но в более упрощенном виде»²⁰. Так или иначе, Фредерик Лепле сумел передать уральским мастерам европейский опыт и новейшие западные технологические разработки. В этом состоял его неоценимый вклад в развитие металлургического производства на Урале.

Говоря о французах на Урале в начале XIX в., нельзя забывать о пленных солдатах наполеоновской армии. Это особая категория иностранцев, невольно оказавшихся на территории России. Некоторых из них, как например, француза Мишеля Гернера, отправляли на каторжные работы²¹. Осенью 1812 г. 12 пленных французов привезли в Соликамск. По воспоминаниям современника событий А.Г. Кашина, их попытались расселить в дома местных жителей. Однако после нескольких конфликтов с русским населением «пленных французов поместили с прочими под соборную колокольню, потому что никто из жителей их не принимал на квартиру»²².

Французы, побывавшие или поселившиеся на Урале в конце XVIII — начале XIX в., оставили свой след в истории Уральского региона. Многим из них приходилось нелегко в чужой стране, так непохожей на их родину. Но, несмотря на все трудности, русско-французские контакты на местном уровне продолжали сохраняться даже тогда, когда вся Европа содрогалась от войн и революций. Деятельность французских специалистов на уральских заводах способствовала процессу европеизации Урала и России в целом.

19 Там же. Л. 28-29.

20 Там же. Л. 20.

21 ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 3746. Л. 1.

22 Кашин А.Г. Соликамск в 1812 г. и пленные французы // Пермские губернские ведомости. 1869. № 20–21 (отдельный оттиск). С. 9.

Французский ученый-металлург Фредерик Лепле и его труды в книжной коллекции библиотеки Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

Валентина Дацкевич

Французский ученый Пьер Вильом Фредерик Лепле (Le-Play, 1806–1882) известен как один из основоположников социологической науки, автор шеститомного труда «Европейские рабочие»¹. Но нельзя забывать о значительном вкладе, который внес Лепле в развитие горного дела и металлургии. Он имел звание профессора металлургии, был автором ряда работ, опубликованных на русском и французском языках в середине XIX в. Основные из них — «Исследование каменноугольного Донецкого бассейна...», «Путевые записки об Испанской горной промышленности», «Описание приготовления, торговли и употребления железа на дело стали в северной Европе», «Описание металлургических операций, употребляемых в Валлисе, при выплавке меди и обзор настоящих и будущих средств к приготовлению этого металла и торговле им» и др. В архивах Урала сохранились материалы о пребывании Ф. Лепле в России².

Издания Лепле находятся в библиотеке Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» в так называемой «заводской» книжной коллекции, формировавшейся с момента официального открытия библиотеки. По количеству книг и журналов эта коллекция самая много-

- 1 Книга «Европейские рабочие» имеется в фонде краеведческой библиотеки Нижнего Тагила. Le Play F. Les ouvriers européens. Études sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l' Europe précédée d'un exposé de la méthode d'observations par M. F. Le Play ingénieur en chef des mines, professeur de métallurgie à l'école impériale des mines de Paris. Paris, 1855; Ле-Пле П.В.Ф. Европейские рабочие. Наблюдение, заключение о работе, жизни и состоянии нравов рабочих Европы. Париж, 1855.
- 2 Материал о Лепле имеется в ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1165а; и в архиве НТМЗ.

численная: около 800 ед. хр. русских изданий XIX — начала XX в. по всем отраслям знаний, более 2 тыс. томов русских дореволюционных журналов и около 1,5 тыс. книг на иностранных языках. Состав этого комплекса позволяет изучать репертуар чтения тагильчан, в особенности технической интеллигенции. Труды Ф. Лепле попали в Нижний Тагил не случайно. Об этом и пойдет речь в данной работе. В настоящей статье приводится обзор научных сочинений Ф. Лепле, раскрывающих, главным образом, его деятельность как горного инженера и ученого-металлурга.

Французский ученый много путешествовал по Европе, в том числе и по России, которую он посетил восемь раз и даже издал книгу «Путешествие по России...». Его посещения в основном носили кратковременный характер. В середине XIX в. в стране появилось много иностранных специалистов в области горного дела и металлургии. Модернизация, развернувшаяся в горно-заводской промышленности, не могла обойтись без европейского технического опыта и европейских специалистов. Фредерик Лепле был одним из таких иностранцев, прибывших на службу в Россию из Франции.

Впервые Лепле посетил Россию в 1837 г., когда Анатолий Демидов предпринял на свои собственные деньги экспедицию на юг России с научной целью (частично средства на оплату работы ученых выделило Министерство финансов России). В Тагиле сохранились экземпляры книг, написанных А.Н. Демидовым об этом путешествии. В 1840 г. вышло четырехтомное собрание его сочинений на французском языке «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году...». В 1853 г. «Путешествие...»³ (1 и 4 т.) опубликовано и на русском языке.

Профессор Королевской горной школы в Париже Ф. Лепле принял участие в экспедиции в качестве геолога и специалиста по разработке копей, и каменноугольный Донецкий бассейн стал главным предметом его занятий. Итогом экспедиции 1837–1839 гг. стала книга Ф. Лепле «Исследование каменноугольного Донецкого бассейна...»⁴. Издание хранится в книжном собрании Нижнетагильского музея-заповедника, оно востребовано специалистами и в наши дни.

Демидов высоко оценил работу Лепле на юге России и поручил ему реорганизовать эксплуатацию рудных залежей на Урале. Французский

3 Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году... Т. 1. М., 1853.

4 Ле-Пле П.В.Ф. Исследование каменно-угольного Донецкого бассейна, произведенное в 1837-39 годах по распоряжению А.Н. Демидова, Главным Горным Инженером и Профес-сором в Горной Парижской школе, Ле-Пле, при пособии гг. Маленво, Лалана и Эйро. М., 1854.

ученый неоднократно бывал в Нижнетагильском заводе по приглашению Демидова, так как являлся консультантом на его заводах. Анатолий Демидов вступил в права наследства вместе со своим братом Павлом. Он продолжил традиции своего отца — Николая Никитича Демидова, который стремился усвоить все достижения европейской техники. Первый приезд Лепле на Урал датируется июнем 1844 г. Следующий — 29 июня 1853 г., когда он вместе с горным инженером Котляревским занимался в Нижнетагильске и в Лае изучением металлургических процессов⁵, а именно, как сделать древесное сырье более экономичным. Ведь в 50-е гг. XIX в. вопрос об энергетической базе становится крайне актуальным.

Находясь на Урале, французский специалист дал конкретные рекомендации по проведению метеорологических наблюдений Адольфу Янушкевичу, впоследствии служившему в заводской библиотеке. Янушкевич также выполнял обязанности переводчика при французском ученом. Исследователь Фредерик Лепле был свидетелем, а возможно, и участником формирования Нижнетагильской заводской библиотеки, которая с тех давних времен хранит его немногочисленные работы.

Валериан Адольфович Чудовский, первый библиотекарь Тагильского музея краеведения, в 1930 г. издал брошюру «Библиотека ТОМК»⁶. В ней он делится своими впечатлениями о Лепле: «как пример частных вопросов, связанных с самим фактом наличия книг, можно привести сочинения знаменитого французского инженера Ле-Пле. Демидовы пригласили его в Тагил, быть может, не только как техника: ведь он ухитрился еще быть влиятельным социологом самого контрреволюционного направления (особенно в рабочем классе), и, пожалуй, положение крепостных рабочих Урала ему показалось высшим достижением! Было бы любопытно разыскать следы его впечатлений и «советов»⁷.

Значительный интерес представляет книга по социологии Ф. Лепле «Основная конституция человеческого рода»⁸, в которой автор сопоставляет две науки — социологию и металлургию. Лепле делает следующий вывод: «монографии металлургических производств служат первым путем к монографиям рабочих семейств, и наоборот, эти последние часто служили мне средством для уяснения экономических и административ-

5 Котляревский И.П. Записка о занятиях штаб-капитана Котляревского с французским горным инженером Лепле в Нижне-Тагильском гт. Демидовых заводе, летом 1853 г.; Ф. Лепле // Горный журнал. 1854. Ч. 3, кн.7. С.1—97.

6 ТОМК — Тагильский окружной музей краеведения.

7 Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С.8.

8 Ле-Пле П.В.Ф. Основная конституция человеческого рода. С очерком жизни и деятельности автора. М., 1897.

ных отраслей металлургии и в особенности вопроса о заработной плате... Обе науки соединились, взаимно помогая друг другу»⁹.

Не прерывая своих социологических исследований, Лепле находил возможность серьезно заниматься металлургией и горным делом. Основные труды по металлургии и горному делу Ф. Лепле были опубликованы в «Горном журнале», издаваемом с июля 1825 г. В 1850 г. вышел указатель статей «Горного журнала»¹⁰, который включал в себя обзор материалов с 1825 по 1849 г. В алфавитном указателе иностранных авторов издания мы узнаем, что за этот период Лепле печатался в журнале четыре раза. Первая его статья — «О Испанской горной промышленности»¹¹ появилась в 1834 г.

В «Горном журнале» за 1848 г. публикуется статья Ф. Лепле «Описание приготовления, торговли и употребления железа на дело стали в северной Европе»¹². Исследователь писал: «всякое железо может быть превращено в сталь. В настоящее время, в Европе, только весьма ограниченное число заводов может заниматься с выгодой этим производством. Подобный род железа, обладающий совершенно отдельными свойствами, должен, по моему мнению, быть отличен от всех прочих»¹³. Лепле предлагал ввести в металлургию новое понятие — «железо на дело стали». Автор пытался внедрить данный металлургический метод, понимал его значение, но такой подход носил, скорее, теоретический характер.

В статье дается описание и характеристика Высокогорского рудника, который являлся одним из важнейших месторождений Уральских гор: «Он расположен на восточном или Сибирском отклоне в 50 километрах от линии разделения вод под 58 градусом северной широты в 130 километрах на севере от Екатеринбурга. Месторождение это разделено на шесть участков, из коих каждый принадлежит особенному владельцу. Руды по свойству своему весьма легкоплавки, плавятся древесным углем в больших доменных печах без всякой примеси. В сутки выплавляется обыкновенно до 20,000 килограммов чугуна. Чугун этот переделывается в железо также древесным углем, по способу исключительно принятому на Уральских заводах; способ этот с первого взгляда отличается от прочих,

9 Там же. С. 11.

10 Кемпиньски Р.О. Указатель статей Горного Журнала с 1825 по 1849 год, состоящий из систематического указателя статей и алфавитного указателя авторов. СПб., 1850.

11 Там же. С. 233; Ле-Пле П.В.Ф. О Испанской горной промышленности // Горный журнал. 1834. Ч. 4. С. 512–520; *Он же*. Разделение серебристого свинца кристаллизацией // Горный журнал. 1838. Ч. 4; *Он же*. Описание Йоркшейрского сталелитейного производства, и проч. // Горный журнал. 1845. Ч. 3.

12 Ле-Пле П.В.Ф. Описание приготовления, торговли и употребления железа на дело стали в северной Европе // Горный журнал. 1848. Ч. 2, кн. 6. С. 305–447.

13 Ле-Пле П.В.Ф. Описание приготовления, торговли и употребления железа... С. 306.

употребляемых в западной Европе, значительным количеством чугуна (от 160 до 337 килограмм), переделываемого за раз. Передел чугуна в железо и нагрев кусков криц пред проковкою их под молот, производится в одном и том же горну. Подобно Шведскому способу выделки железа на дело стали, Уральский способ требует весьма много горючего материала: для получения одной части хорошего железа нужно до 3 частей угля. Угар в чугуне здесь более чем в Швеции, обыкновенно из 1,50 чугуна получается 1,00 железа»¹⁴. Вот такая характеристика уральского (кричного) способа получения железа описана Лепле в его статье «Описание приготовления, торговли и употребления железа на дело стали в северной Европе». Ученый сравнивал его со шведским и предпочтение отдавал шведскому способу как более экономичному в отношении расхода топлива.

Лепле даже составил специальную таблицу, в которой «означены названия и полное годовое произведение шести отдельных заводов, между которыми разделено Высокогорское месторождение». В ней также показано время постройки различных доменных печей.

В заводе Верх-Исетском	1716, 1726, 1747, 1762, 1773	110,500
Нижне-Тагильском	1725–1784	71,900
Алапаевском	1775, 1816, 1825	65,800
Невьянском	1702 1788	52,500
Суксунском	1720–1782	38,000
Ревдинском	1734	28,600
ВСЕГО		367,300 ¹⁵

Профессор Лепле считал, что «на Урале не делают никакого различия между приготовлением железа на дело стали другими сортами железа. Промышленность эта не составляла здесь исключительного предмета торговли, и самое название «железо на дело стали» на Урале неизвестно. Продают там все сорта своего железа без всякого различия по одинаковой цене. Железа на дело стали, приготовляемого ежегодно на русских заводах, составляет не более двадцать пятой части общего произведения русских заводов, обрабатывающих руды Высокогорска и Булана»¹⁶.

Изучив металлургический вопрос в Австрии, Германии и Скандинавии, Лепле продолжал производить важные изыскания в Англии. Результатом этих трудов явились различные сочинения, а именно: в 1848 г. — «Металлургические процессы, применяемые в Валлийском Княжестве для выделки меди»,

¹⁴ Там же. С.384.

¹⁵ Там же. С.387–388.

¹⁶ Ле-Пле П.В.Ф Описание приготовления, торговли и употребления железа... С. 385–386.

в 1853 г. — его же книга по вопросу «О новом способе, употребляемом в лесах Карантии для выделки железа». К сожалению, оба издания в музейной библиотеке Нижнего Тагила отсутствуют. Но в «Горном журнале» за 1849 г. вышла статья Лепле «Описание металлургических операций, употребляемых в Валлисе при выплавке меди, и обзор настоящих и будущих средств к приготовлению этого металла и торговле им»¹⁷. Исследователь делает вывод о том, что «изучая с большим вниманием все металлургические процессы, мы придем к тому заключению, что между явлениями и законами, принадлежащими физическим наукам и явлениям, замечаемыми в плавильных фабриках, должна существовать прикладная наука, металлургия, которая бы соединила эти различные явления. Металлургия должна быть, как все физические науки, основана на наблюдении фактов, и при этом условии она не только обогатит чистые науки, но и принесет чрезвычайную пользу при практических работах в самих фабриках»¹⁸. На основании этой монографии учреждено было, по мнению некоторых английских ученых, училище горного дела в Лондоне. Именно в 1848 г. в печати появились публикации о металлургическом методе, уже принятом за образец компетентными учеными, занимающимися металлургией.

Правительство Франции, признавая заслуги Лепле как ученого и администратора, назначило его генеральным комиссаром Всемирной выставки 1855 г. в Париже. Он достойно справился с поставленной задачей и в 1862 г. получил подобное назначение на Лондонскую всемирную выставку, а в 1867 г. вторично руководил во Франции этим колоссальным предприятием¹⁹.

Многие помнят Фредерика Лепле как ученого-социолога. «Лепле был одним из первых, кто на основе анализа доходов и расходов людей сумел найти общий базис в изучении их уровня жизни»²⁰.

О жизни и деятельности Лепле сохранилось немного сведений, но бесспорно лишь то, что он внес весомый вклад в развитие горного дела и металлургического производства, которое и пытался усовершенствовать. Это подтверждается и высказываниями самого Лепле, который констатировал: «... относительно металлургии у меня только одна забота — ознакомиться, до мельчайших подробностей с особенностями каждого производства и потом извлечь из них, на основании разума, теоретические и практические выводы»²¹.

17 Ле-Пле П.В.Ф. Описание металлургических операций, употребляемых в Валлисе при выплавке меди и обзор настоящих и будущих средств к приготовлению этого металла и торговле им // Горный журнал. 1849. Ч. 4, кн. 10. С.1–151; Ч. 5, кн. 11, 12. С. 152–377.

18 Там же. С. 151.

19 Победоносцев К.П. Очерк жизни и деятельности Ле-Пле // Ле-Пле П.В.Ф. Основная конституция человеческого рода. С очерком жизни и деятельности автора. М., 1897. С. XIV.

20 Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.) Екатеринбург, 2001. С. 75.

21 Ле-Пле П.В.Ф. Основная конституция человеческого рода. С. 13.

Новые сведения о деятельности на Урале французских инженеров-топографов Бержье и Аллори

Светлана Клат, Владимир Литовский

«Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов» Н.В. Соколова, изданный в 1872 г. к 50-летию этой организации, сообщает, что топографические съемки на Урале с использованием точного (триангуляционного) метода были начаты в 1854 г. приглашенными по контракту французскими инженерами-топографами Бержье (Bergier) и Аллори (Allori), а через одиннадцать лет, на основе подготовленной ими триангуляционной системы, завершены петербургской командой офицеров-топографов¹. Хранящаяся ныне в Государственном архиве Свердловской области коллекция карт, планов и топографических съемок, выполненных как Бержье и Аллори, так и партиями Корпуса военных топографов, составляет 409 дел и охватывает территорию девяти существовавших до революции горных округов Урала, или большую часть современных Свердловской, Челябинской и частично Пермской областей, вплоть до реперного пункта в селе Сайгатка, существующего со времен Камчатской экспедиции В. Беринга².

Однако если деятельность российских военных топографов нашла детальное отражение в летописи их корпорации, то многолетняя работа на Урале их французских предшественников до сих пор во многом остается белым пятном в истории нашего края. Как в дореволюционных трудах, так и в исследованиях историков естествознания

1 Соколов Н.В. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов. 1822–1872. СПб., 1872.

2 ГАСО. Ф. 64. Д. 1–409.

1930–1990-х гг. упоминания о Бержье и Аллори чрезвычайно редки и скупы. Достаточно сказать, что до настоящего времени не выявлены ни даты их жизни, ни полные имена. Недавно обнаруженные нами инициалы: «А. Аллори» и, по-видимому, «Е. Бержье» — пока далеки от расшифровки, и французские инженеры, неизменно именуемые в источниках «господами Бержье и Аллори», остаются для нас таковыми и по сей день.

До сих пор не было полной ясности и в вопросе о сроках деятельности на Урале этих специалистов. Уже упомянутый нами труд Н.В. Соколова ограничивает их девятью годами: с 1854-го по 1865 г. Те же временные границы приводит в своем «Отчете... о геологических исследованиях, произведенных по Высочайшему повелению на Урале в 1865 году» один из основателей Геологического комитета, генерал-лейтенант, академик Георгий Петрович Гельмерсен. Впрочем, он добавляет, что тригонометрические исследования в этом районе планировались еще с 1850 г. и что инициатором их выступило Управление Нижнетагильских заводов³. Опираясь на два столь авторитетных источника, авторы современных трудов по истории геологии и картографии Урала не подвергали сомнению хронологические рамки уральских исследований Бержье и Аллори⁴. Иную их датировку можно встретить в монографии историка Т.К. Гуськовой, посвященной заводскому хозяйству Демидовых в первой половине XIX в. Автор сообщает, что контракт с этими французскими инженерами на «съемки земель и межевание лесов Нижнетагильского округа» был заключен его владельцем Николаем Никитичем Демидовым еще «в 1820–1840-е годы», а сами съемки проводились Бержье и Аллори «в 1839–1855 годах»⁵.

Документы, не столь давно обнаруженные нами в «Родовом фонде Демидовых» Государственного архива Свердловской области, а также в фонде письменных источников Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал», позволяют прояснить ряд моментов уральского периода деятельности этих французских специалистов.

3 Отчет генерал-лейтенанта Гельмерсена о геологических исследованиях, произведенных по Высочайшему повелению на Урале в 1865 году // Горный журнал. 1866. Ч.4. С. 290–315.

4 Поваго Ф.П., Маляров А.А., Ярошенко М.Ф. Краткая история развития и современное состояние топографо-геодезических работ и картографирования на Урале // 100 лет геологического картографирования на Урале. Екатеринбург, 1997. С. 113, 114; Литовский В.В. Уральская ойкумена: эхо научных бурь. Естественно-историческое описание исследований окружающей среды на Урале. Персоналии. Екатеринбург, 2002. С. 185–193.

5 Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в I половине XIX века. Б.м., 1995. С.90, 161.

Прежде всего, это письмо начальника III отделения Канцелярии Его Императорского Величества Александра Христофоровича Бенкендорфа младшему из совладельцев Нижнетагильского горнозаводского округа Анатолию Николаевичу Демидову. Из него явствует, что А.Н. Демидов, живший в то время в Париже, еще 1 июля 1839 г. обратился к шефу III отделения с просьбой оказать покровительство «французским подданным Бержье и Аллори», которые направлялись им «в Пермскую губернию для составления топографической карты его [и брата Павла Николаевича] заводам... в сей губернии находящимся». Демидов просил также рекомендовать топографов Главному начальнику Уральских горных заводов генерал-лейтенанту Владимиру Андреевичу Глинке⁶.

Позднейшие документы, в частности Рапорт управляющего Нижнетагильской окружной конторой Главному уполномоченному по заводам и имениям Демидовых Андрею Николаевичу Карамзину от января 1850 г.,⁷ подтверждают, что работа Бержье и Аллори на Урале, продлившаяся по договору, заключенному с Уральским Горным правлением, до декабря 1865 г., была начата еще летом 1839 г. по частному контракту с Демидовыми. Следовательно, французские инженеры-топографы проработали на Урале в общей сложности более четверти века. Уже один этот факт свидетельствует о необходимости весьма серьезной поисковой работы по восстановлению их биографий и изучению творческого наследия.

Из этого же послания Бенкендорфа со всей очевидностью явствует, что истинным инициатором проведения топографических съемок на Урале и приглашения сюда французских инженеров выступил Анатолий Демидов. Как не раз отмечалось историками⁸, с конца 1830-х гг. младший из совладельцев Нижнетагильского горнозаводского округа начал принимать все большее участие в управлении заводами, предпочитая делать ставку именно на французских специалистов. Результатом этого стала позднейшая реорганизация им системы управления округом, во главе которой был поставлен парижский личный совет (*Conseil privé de Paris*)⁹. К тому же именно в 1839 г. завершилась организованная А.Н. Демидовым двумя годами ранее крупная научная экспедиция по исследованию Южной России, Крыма, Молдавии и Валахии, в которой, наряду с русскими, участвовали и французские ученые. Вероятнее всего, контракт с Бержье и Аллори был заключен по рекомендации кого-либо из фран-

6 ГАСО. Ф. 102. Оп.1. Д. 310. Л.1.

7 НТМЗ. Собрание Письменных источников (ПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. ТМ- 21360/41. Л. 118, об.

8 Виргинский В.С. Фотий Ильич Швецов. М., 1977. С. 71; Гуськова Т.К. Указ. соч. С. 32.

9 Виргинский В.С. Указ. соч. С. 71.

цузских участников экспедиции, скорее всего, руководителя одного из ее отрядов, профессора Парижской горной школы и члена Королевского французского корпуса горных инженеров Фредерика Ле-Пле, который позднее также работал в Нижнем Тагиле и входил в состав парижского личного совета.

По свидетельству современника, писателя и журналиста В.М. Строева, известный меценат и почетный член Парижской академии А.Н.Демидов, «видя, что во Франции мало знают Россию... задумал распространить в чужих краях верные и современные сведения о своем отечестве»¹⁰. Судя по всему, обогащенный опытом южно-русской экспедиции, он уже в конце 1830-х гг. наметил для Нижнетагильского округа ту широкомасштабную программу естественнонаучных исследований, которая была конкретизирована, но не полностью реализована им в начале 1850-х гг. В круг задач, очерченных Анатолием Демидовым как для Бержье и Аллори, так и для лиц из числа высокообразованных крепостных и вольноотпущенных заводских служащих, входила организация в округе комплексных естественнонаучных исследований: не только топографических, но и геологических, метеорологических, магнитных, флористических и других.

Однако прямым поводом для заключения им контракта с французскими инженерами-топографами послужили меры, предпринятые в 1838–1839 гг. правительством Николая I и Уральским Горным правлением по ужесточению контроля за лесопользованием не только в казенных, но и в частных горнозаводских округах Урала. Речь шла, прежде всего, об именном императорском указе от 15 апреля 1839 г., который непосредственно касался Нижнетагильского округа и ограничивал распоряжение лесными ресурсами в посессионных округах¹¹.

Разумеется, договор с Бержье и Аллори не мог быть заключен Анатолием Демидовым без ведома и согласия его старшего брата и совладельца Павла Николаевича, который до своей смерти в 1841 г. осуществлял основное управление делами наследственных предприятий. Действительно, документы подтверждают, что в течение первых полутора лет службы в Нижнетагильском округе распоряжения топографам поступали преимущественно от П.Н. Демидова¹². И здесь нельзя не обратить внимания на определенные разноречия в подходах заводовладельцев к тем

10 Цит. по: Юркин И. Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. С. 249.

11 Гуськова Т. К. Указ. соч. С. 86–87.

12 НТМЗ. Архив. Ф.1.Оп.1. Д. 19.

задачам, что ставились ими перед приглашенными специалистами. Так, Павел Николаевич уже в 1840 г. выразил недовольство малой результативностью работы «французской комиссии... по учету и описанию лесов» для готовившейся правительством лесной реформы. Причину этого он видел в недостаточно четкой прописанности пунктов контракта. По его настоянию договор был значительно конкретизирован. В результате на Бержье и Аллори были возложены «уточнения касательно составления топографической карты» и протяженности границ округа, а также фиксация лесных пород, внесение рекомендаций как по эксплуатации и сохранению лесов, так и по новым лесопосадкам. Кроме того, по предложенной заводовладельцем схеме им предстояло подготовить отчет за несколько истекших лет о потреблении строительного леса, дров и угля: как для нужд заводов, приисков и Окружной конторы, так и для нужд местного населения¹³.

В то же время от топографов требовалось выполнение срочных конкретных заданий заводовладельцев или выдача Окружному управлению рекомендаций по различным вопросам. Например, в том же 1840 г. они должны были, совместно с «управляющим по технической части» округа Фотием Ильичем Швецовым, как можно скорее подготовить карты Черемшанского золотого прииска — перспективного месторождения, возобновленные разведки на котором обещали до 10 пудов золота с 12 млн пудов песка¹⁴. Однако ошибочно полагать, будто П.Н. Демидов, в отличие от брата, был сугубым прагматиком, чуждым интересам науки. Не будем забывать, что он вошел в историю как учредитель первой в России академической премии — Демидовской (1831–1865 гг.), а кроме того, как учредитель одного из первых уральских музеев. Отдав в апреле 1840 г. распоряжение открыть в Нижнетагильске «Музеум естественной истории и древностей», его создатель рекомендовал своим управляющим привлечь господина Бержье к составлению коллекций уральских минералов как для будущего музея, так и для парижского собрания Демидовых¹⁵. (Впрочем, в этот же период конкретные задания топографам по самым разным вопросам нередко исходили и от А.Н. Демидова. Так, по его мнению, при разработке в 1840 г. проекта ливневой канализации, а

¹³ Там же. Л. 82, 83.

¹⁴ Там же. Л. 58–61. В Каталоге «Нижнетагильские и Луньевские заводы наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато», подготовленном для Нижегородской промышленно-художественной выставки 1896 г. Пермь, 1896, на С. 72 указано, что Черемшанский прииск был открыт еще в 1823 г. Разработки его велись в 1823, 1828–1860, 1862 и 1864–1896 гг.

¹⁵ НТМЗ. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 166–170.

также мощения улиц и тротуаров в Нижнетагильске именно «господин Бержье» мог «снабдить» членов заводууправления «полезными мыслями к поданию лучшего вида мостовой и лучшей системы к принятию нивелировки для стока вод»¹⁶).

Нетрудно заметить, что все эти предписания, как и позднейшая, 1852 г., «Инструкция» А.Н. Демидова, адресованы «господину Бержье». С ним же, начиная с 1850 г., генералом В.А. Глинкою будут вестись переговоры о составлении контракта на работу в казенных округах. Нет сомнения, что Бержье играл ведущую роль в тандеме французских топографов. Генерал-лейтенанту Г.П. Гельмерсену, по-видимому, лично знавшему французского инженера, принадлежит чрезвычайно краткая, но достаточно емкая его характеристика как специалиста: «Бержье — хороший математик, ученик Лапласа и отличный геодет»¹⁷. Что же касается А. Аллори, то документы именуют его «непосредственным сотрудником», или «помощником (agent)» Бержье¹⁸.

В своей работе топографы должны были непосредственно контактировать с членами Окружного заводууправления и, как можно предположить, теснее всего — с управляющим округа по технической части Ф.И. Швецовым — одним из крупнейших инженеров и горных деятелей Урала той поры, выпускником Парижской горной школы¹⁹.

Не исключено, что рекомендации Ф.И. Швецова сыграли существенную роль при наборе команды помощников французских топографов из числа молодых крепостных служащих демидовских заводов и учеников Выйского технического училища²⁰. В отчете 1852 г. о завершении топографических работ Бержье с симпатией характеризовал А.Н. Демидову своих сотрудников как людей, «могущих оказать отличные услуги», несмотря на то, что многие «практические операции... были сопряжены с постоянными физическими трудами и лишениями, которым подвергались участвующие в составлении карты»²¹. Если о двух членах топографи-

16 ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 796. Л. 5 об.

17 Цит. по: Литовский В.В. Указ. соч. С. 187.

18 ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1130. Л.16 об.; НТМЗ. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 83.

19 Судьбе Ф.И. Швецова посвящена монография В.С. Виргинского «Фотий Ильич Швецов» (М. 1977).

20 Выйское техническое училище основано в Н. Тагиле Н.А. Демидовым в 1763 г. первоначально как словесная и арифметическая школа. В 1806 г. реорганизовано Н.Н. Демидовым в училище с пансионом для детей крепостных служащих. Готовило кадры технических специалистов среднего звена для заводов. Славилось как лучшее на Урале. Пережило ряд последующих реорганизаций. В настоящее время существует как Горно-металлургический колледж имени Е.А. и М.Е. Черепановых.

21 ГАСО. Ф.643. Оп.1. Д.1130. Л. 16 об.

ческой команды из числа служащих, Дикушине и Черноногове, пока ничего не известно, то сведения, которыми мы располагаем о третьем их товарище — Николае Осиповиче Попове (1811—?) свидетельствуют, что в команду топографов входили люди не только физически выносливые, но образованные и перспективные. Н.О. Попов происходил из семьи потомственных крепостных служащих демидовских заводов. По окончании Выйского технического училища в Нижнем Тагиле он продолжил образование в Англии, где изучал химию, минералогию, металлургию «и особенно железоделательное искусство». По возвращении из Англии он занимался усовершенствованием металлургического производства, в частности выделкой жести. Затем был назначен секретарем директора заводов Павла Даниловича Данилова и, наконец, решением Совета управляющих, в апреле 1840 г. утвержден на посту хранителя создаваемого «Музеума естественной истории и древностей»²².

В договорах Нижнетагильской конторы с лицами самых разных профессий встречается обязательство обучить специальности несколько молодых людей из числа выпускников или учащихся Выйского технического училища. Не стали исключением и французские инженеры-топографы. В 1840 г. распоряжением П.Н. Демидова к ним были прикомандированы три выпускника Выйского технического училища: Хазов, Замураев и Кирилл Серебряков. О последнем, составившем топографическую карту бассейна реки Чусовой, известно, что, помимо Выйского училища, он завершил курс «земледельческой школы»²³.

Вероятнее всего, в первые месяцы пребывания в Нижнетагильском округе, летом и осенью 1839 г., топографы были заняты подготовительными работами, в частности подготовкой оснащения и оборудования для экспедиции. Судя по сохранившемуся «Перечню инструментов, употребляемых при составлении топографической карты Нижнетагильских заводов» за 1844 г., оно было достаточно солидным и вполне на уровне своего времени. В распоряжении команды имелись: теодолит на штативе с подвижной зрительной трубкой, астролябия, пантометры, лекланты, межевальные наугольники или полигономы, а также «четыре столика с принадлежностями... для съемок». Кроме того — медные диоптры, разного вида компасы (в том числе и в эклиметрах), а также транспортиры, один из которых — «с алидадой». Имелись и незаменимые при такого

22 Клат С. А. Первый хранитель // Тагильский рабочий. 1998. 15 мая.

23 ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 395. Л. 220; а также НТМЗ. Архив. Ф.1.Оп.1. Д. 19. Л. 84–94; Ганьжа. С.В. Имена в истории Нижнетагильского горнозаводского округа. Конец XVIII–XIX вв. Рукопись (библиотека НТМЗ).1995. С. 153.

рода работах уровни, зрительные ахроматические трубки, барометры и «линейки с принадлежностью в 4 метра для измерения базиса». При этом часть инструментов была «российской работы», часть же изготовлена французской фирмой Эго²⁴.

Сама же топографическая съемка в Нижнетагильске, скорее всего, могла быть начата не ранее зимы 1839/40 гг., когда обширный заводской пруд покрылся льдом. Лишь идеально гладкая ледяная поверхность позволяла произвести высокоточное измерение длин сторон исходного треугольника, необходимого для построения исходного базиса. В этом случае мерой для астрономического определения координат избранной реперной точки исходного треугольника топографам мог служить шпиль пожарной башни на Лисьей горе, сама же каланча — триангуляционным пунктом, хорошо обозримым с больших расстояний. Подтверждением такого предположения может служить план триангуляционной сети для Нижнетагильска.

Впоследствии Г.П. Гельмерсен, которому в Уральском Горном правлении довелось держать в руках тагильские карты Бержье и Аллори, отмечал их «немалые достоинства». По его мнению, они были «черчены безукоризненно» и удовлетворяли «даже строгим требованиям» науки». Заметив, что ему «случалось слышать неблагоприятные отзывы о работах французских геодетов», Гельмерсен, однако, считал лучшим контраргументом такого рода мнениям бросавшуюся в глаза измятость и изношенность французских карт — свидетельство их востребованности и «большого употребления»²⁵.

Как правило, они выполнялись сразу в нескольких экземплярах и в разных масштабах, с пояснениями на русском или французском языках. Так, специально для главного уполномоченного по заводам и имениям Демидовых А.Н. Карамзина была составлена карта «в уменьшенном размере» с экспликацией на французском языке. Одновременно, как сообщали Карамзину из Окружной конторы, топографы работали над «подробной картой размером более [чем] в 25 раз против» ему отправленной. На этой подробной карте, «долженствующей служить для употребления заводским управлением», экспликация и все надписи выполнялись уже по-русски²⁶.

Кроме того, карты, и в первую очередь те, что готовились для представления Главному начальнику горных заводов, а через него — министру

24 ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 885. Л. 14об., 15.

25 Цит по: Литовский В.В. Указ. соч. С. 187.

26 НТМЗ. Фонд письменных источников (ПИ), 1. Оп.1. Д. ТМ — 21630/41. Л. 118, 118 об.

внутренних дел графу Льву Алексеевичу Перовскому, дополнительно снабжались «вполне достоверными» статистическими сведениями, взятыми «из дел и актов заводского управления»²⁷.

Деятельность «комиссии» Бержье и Аллори, длившаяся десять с половиной лет, с середины 1839 г. по 1 января 1850 г., составила первый и наиболее длительный этап работы французских инженеров в демидовском округе²⁸. Ее результатами стали не только уточненные размеры округа и его лесных дач, но и точные расчеты оборота рубки лесов и годовой нормы заготовки топлива для заводов, составившей 184 тыс. куб. сажень²⁹.

В начале статьи речь уже шла о том, что исследования по лесопользованию и составление «специальной топографической карты Нижнетагильских заводов» являлись лишь частью намеченной А.Н. Демидовым комплексной естественнонаучной программы. Еще 1 октября 1939 г. по его распоряжению в Нижнетагильске был начат регулярный «надзор за метеорологическими наблюдениями»³⁰. Прямых указаний на то, что Бержье и Аллори были организаторами Нижнетагильской метеорологической обсерватории, нам не встретилось. Однако как дата ее открытия, так и то, что вопрос о работе обсерватории составляет один из пунктов уже упоминавшейся «Инструкции господину Бержье» 1852 г., на наш взгляд, свидетельствуют в пользу предположения, что французские инженеры, наряду с Ф.И. Швецовым, Н.О. Поповым и Л. Вейером, стояли у истоков ее создания. Важно отметить, что все исследования Нижнетагильской обсерватории — температурные, барометрические (по Реомюру), психрометрические и атмосферные — выполнялись и оформлялись на основе общепринятых в то время стандартов в соответствии с требованиями как европейской, так и российской системы метеорологического мониторинга, а также с использованием стандартных приборов, что позволяло использовать полученные ею данные всем мировым научным сообществом. Будучи весьма заинтересованным в как можно более

27 Там же.

28 Там же. За этот период на проведение всех видов работ «комиссии» было издержано до 70 тыс. руб. серебром или 265 тыс. ассигнациями.

29 Гуськова Т. К. Указ. соч. 1995. С. 86–87.

30 Обсерватория метеорологических наблюдений была основана в сохранившемся и имеющем ныне статус памятника истории доме директора заводов Александра Акинфиевича Любимова (современный адрес — Ленина, 4), где также «временно содержались... коллекции геологическая, минералогическая... и инструментов» (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1127. Лл. 5–10, 17, 21). Через несколько лет она была переведена в «лабораторный флигель» Главного заводоуправления (ныне — здание Историко-краеведческого музея, ул. Ленина, 1а), где разместились также коллекции «Музеума естественной истории и древностей», заводская библиотека и химическая лаборатория.

широком освещении деятельности учрежденной им обсерватории³¹ и, естественно, располагая для этого необходимыми средствами, А.Н. Демидов уже в 1842 г. выпустил в парижской типографии «Lacrampe et compagnie» первый том «Ежегодных научных отчетов Нижнетагильской метеорологической обсерватории» («Observations meteorologiques faites a Nijne-Taguilsk (Monts Oural) a gouvernement de Perm»), содержащий сведения с 1 октября 1839 г. по 31 декабря 1840 г. Регулярно выходившие вплоть до 1866 г. тома отчетов рассылались всем заинтересованным лицам и учреждениям.

В 1851–1852 гг. работа метеостанции подверглась определенной реорганизации. Во-первых, поскольку до сих пор она не имела постоянного сотрудника, А.Н. Демидов, готовивший, кстати, доклад о ее работе для Французской академии, выразил «настоятельное пожелание... возложить занятие это на одно и то же лицо»³². Во-вторых, тогда же метеорологические наблюдения были дополнены магнитными, имевшими особую актуальность в условиях Нижнетагильского округа с его крупнейшими месторождениями магнитного железняка. («Что же касается наблюдений магнетических, — инструктировал Демидов, — то они должны начаться с определенного времени и после предварительных проб — посредством которых наблюдатель должен привыкнуть к делу и быть уверенным в верности своих операций»)³³. И, наконец, с 1852 г. им предписывалось, не дожидаясь публикаций отчетов «Observations meteorologiques...», выходивших лишь через год после отправки сведений в Париж, ежемесячно отправлять результаты наблюдений директору Главной физической обсерватории в Петербурге Адольфу Яковлевичу Купферу³⁴.

Реорганизация работы обсерватории не случайно приходится на 1851–1852 гг. Как явствует из переписки заводовладельца с разными лицами, именно в этот период он намеревался провести очередную двухгодичную российско-французскую научную экспедицию, полем

31 26 марта / 7 апреля 1852 г. А.Н. Демидов писал управляющему по экономической части Д.В. Белову, мол, метеорологические наблюдения «...по распоряжению моему производятся... для пользы наук, чрез что заводы наши пользуются в ученом свете значительную известностью», и далее: «Я настоятельно желаю дать метеорологическим наблюдениям всевозможное развитие...» (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1130. Л. 1.)

32 В 1851 г. журналы обсерватории велись преподавателем Выйского училища Иродионом Матвеевичем Рябовым (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1031а. Л. 18–22 об). Предписанием от 28 июня 1854 г. метеонаблюдения возлагались на попечителя учебных и богоугодных заведений Леона Вейера (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1130. Л. 27).

33 ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1130. Л. 17 об.

34 Там же. Л. 52.

деятельности которой на сей раз была избрана «Сибирь»³⁵. Однако по неизвестным причинам снарядить полномасштабную экспедицию не удалось. Сам А.Н. Демидов ограничился лишь посещением Петербурга, куда с отчетами к нему прибыли Бержье и секретарь Округного управления и попечитель богоугодных заведений Леон Вейер, курировавший работу музея, библиотеки и обсерватории в Нижнетагильске.

Сюда же, в Петербург, первоначально ожидали и Ф. Ле-Пле, который должен был весной 1853 г. по долгосрочному контракту отправиться на службу в демидовский округ, уже знакомый ему по посещению 1844 г.³⁶ Здесь первоочередной заботой Ле-Пле должно было стать составление геологической карты. Этой же задаче была подчинена и вся дальнейшая работа команды Бержье и Аллори, на которую возлагался подготовительный «сбор образцов в заводских дачах, по случаю составляемой... геологической карты заводского округа»³⁷. Работы велись в спешном порядке. В распоряжение Бержье и Аллори предоставлялось необходимое число людей и лошадей, а управляющим всех рудников и заводов округа вменялось в обязанность «оказывать всяческое содействие в выполнении их поручения»³⁸.

Причины такой спешки, вероятно, крылись не только в необходимости своевременно подготовить необходимые материалы к прибытию Ле-Пле. Результаты масштабных и проводимых на высоком уровне исследований в Нижнетагильском округе произвели впечатление на Горное начальство, а через него и на правительство. Еще 19 октября 1850 г. по представлению генерала В.А. Глинка «последовала собственноручная Высочайшая резолюция о найме Бержье и Аллори для составления топографической карты округам казенных заводов»³⁹. А в декабре начались переговоры об условиях заключения правительственного контракта с французскими инженерами. (Будучи проездом в Нижнетагильске, генерал Глинка «... поручил Бержье к обратному приезду составить проэкт контракта, главные основания которого состоят в том, что топографы берутся в 7 лет снять на карту 4,5 миллиона [квадратных сажень?] земель и лесов в казенных заводских округах. [Примечание на полях: «и составить кроме топографической — геологическую карту»]. Жалованье в совокупности обоим полагается по 6000 руб. серебром в год и все содержание, кроме прогонных денег на разъездь»)⁴⁰.

35 НТМЗ. Архив. Ф.1. Оп. 1. Д. 27.

36 Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России. Екатеринбург, 2001. С. 69.

37 ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1130. Л. 24.

38 Там же.

39 НТМЗ. Ф.ПИ. Оп.1. Д. ТМ-23630/82. Л. 181об., 182.

40 Там же.

Все работы в демидовском округе топографам предстояло завершить до января 1854 г. За этот краткий период, согласно той же «Инструкции господину Бержье», им предстояло осуществить еще одну научно-организационную инициативу А.Н. Демидова, непосредственно вытекавшую из всей предыдущей деятельности топографической «комиссии», а именно: создать «особенную канцелярию с архивом», где были бы сосредоточены для дальнейшего исследования и практического применения результаты всех научных работ, проводимых в округе. «Я имею намерение, — пояснял свой замысел инициатор, — соединить архив в одном месте, где должны находиться и выполняться все документы, принадлежащие к составлению карты топографической, геологической и лесной, т.е. место, откуда бы можно получать без потери времени все первоначальные исходные данные, на которых основаны операции при составлении карт, т.е. рисунки, абрисы, измерения и части всякого рода. Это специальное заведение Нижнетагильска будет иметь целью не одно только хранение означенных документов, но и ведение их, т.е. ... последовательное приведение в известность всех изменений, могущих произойти... [на] топографической [а также геологической]... и в особенности на лесных картах, в различных обстоятельствах могущих изменить форму контуров и количество поверхности лесонасаждений. Посредством этих же материалов можно будет достигнуть возможности составить проект о лесохозяйстве и... в точности определить... все места, где должен приготовляться уголь»⁴¹.

С января 1854 г. Бержье и Аллори приступили к работе по заданию Горного правления. Поскольку этот этап их деятельности на Урале нашел отражение не только в документах казенного ведомства, но и в уже упомянутом труде Н.В. Соколова, реконструировать его несколько проще, чем предыдущий.

Полевой этап топографических работ в казенных округах продлился с мая 1854 по октябрь 1855 г.⁴² Работы здесь велись пятью партиями, насчитывающими в среднем по 24 рабочих и 4 начальника партий. Рапорты о ходе полевых работ начальники партий переправляли Бержье и Аллори, которые с помощью астрономических инструментов проводили прецизионные определения координат так называемых «астрономических пунктов» — узлов триангуляционной сетки. Благодаря Н.В. Соколову нам известна техника тригонометрических измерений, применявшаяся французскими инженерами. Им отмечено, что Бержье и Аллори измеряли ба-

41 ГАСО. Ф.643. Оп. 1. Д.1136. Л. 17 об.

42 ГАСО. Ф.64. Оп.1. Д.402.

зисы в 2, 3 и 4 версты. Углы треугольников они измеряли 10-дюймовыми универсальными инструментами работы пулковского механика Георга Константиновича Брауэра, а углы первой классной сети — тремя восьмидюймовыми астрономическими теодолитами Эртеля в шесть приемов, а второй классной — двумя универсальными приборами работы Эртеля и Брауэра в четыре или два приема, т.е. достаточное количество раз для достоверного получения среднего значения углов.

При этом Бержье и Аллори впервые на Среднем Урале провели широкомасштабные системные измерения рельефа местности, отметив 442 высоты различных территорий над уровнем моря. Относительные высоты этих географических пунктов находились при измерении взаимных зенитных расстояний и приводились к высоте Богословской метеорологической обсерватории. Для ориентирования же самой сети использовались астрономические измерения, проведенные в 1855 и 1856 гг. особой уральской экспедицией, в которой участвовали астрономы Главной Пулковской обсерватории.

Полевыми исполнителями топографических съемок, возглавлявшихся Бержье и Аллори, были обученные ими землемеры и местные жители. Известны имена первых начальников партий: Быков, Мудрых, Мануйлов, Бровкин, Ватеркампф; а также начальников групп: Быков, Лутков, Кибанов, Мануйлов, Сорокин, Бровкин, Портнягин, Ватеркампф, Тегартен. Маленькие группы (по 2-3 человека) возглавляли ученики, например, Лаптев и Атманских⁴³. Оснащение партий состояло в основном из буссолей и секстантов. Судя по рапортам начальников партий, условия съемок не всегда были благоприятны, а иногда и просто опасны для жизни. Так в 1855 г. в деревне Сосновка был подожжен дом, где квартировал начальник 4-й топографической партии И. Бровкин. В итоге сгорели секстант, буссоль и другие инструменты. Работу пришлось выполнять заново.

Первая партия, которой руководил Быков, проводила съемку в междуречье Каменки и Камышенки, а также в окрестностях деревни Косулино. Вторая партия под началом Портнягина выполняла съемку от деревни Вороний Брод на р. Пышме до деревни Мезенки. С мая 1855 г. она снимала современную территорию Белоярской атомной станции, а третья и четвертая партии под началом Мануйлова и Бровкина — Челябинскую часть современного ВУРСа: на восток от озера Сунгуль.

В ведение начальников партий входил и подбор удобных мест для постройки сигналов, предназначенных для геодезических и астроно-

мических наблюдений. Так, в рапорте от 26 апреля 1855 г. горный межевщик Лев Белоусов сообщает Бержье и Аллори, что их поручение по определению удобных мест для астрономических пунктов выполнено. В частности, для них предполагалось избрать:

а) уже известную Аллори и Бержье гору Благодать в даче Кушвинского завода;

б) возвышенные места по тракту, ведущему из Екатеринбурга в Верхотурье, вблизи Новотурьинского селения, на расстоянии от 57 до 65 верст от Кушвинского завода;

в) участок на горе Высокой, близ дороги, лежащей из деревни Мартьяновой в Шайтанский завод, через брод на Чусовой в расстоянии трех верст от Мартьяновой и пяти верст от Шайтанского завода (в даче Илимского пильного завода) и т. д.

Надо сказать, что условия работы на казенное ведомство были, возможно, не самыми благоприятными. Судя по всему, несогласованность в действиях горного руководства привела к тому, что французским топографам пришлось триангулировать каждый горный округ отдельно, покрывая его сплошной тригонометрической сетью и измеряя в каждом особый базис. При этом на тригонометрических пунктах строились простые пирамиды, а так как по причине очень лесистой местности измерение углов было крайне неудобным, то Бержье и Аллори вынуждены были на первом этапе, до 1860 г., прибегать к продельванию достаточно длинных и широких просек, а с 1860 г. — к построению высоких сигналов, кустарное исполнение и конструкция которых существенно ограничивали функциональные возможности и сроки их эксплуатации. Очень вероятно, что чрезмерное желание горного ведомства наискорейшим образом получить материалы топографических съемок привело и к тому, что, вопреки правилам, топографические работы осуществлялись в ряде случаев еще до проведения тригонометрических измерений. Поэтому тригонометрические пункты, нанесенные сначала на съемочные планы цепными промерами, не всегда совпадали с теми же пунктами, определенными по тригонометрическим вычислениям.

Надо полагать, что спешка стала одной из причин того, что преемник В.А. Глинки на посту Главного начальника горных заводов Урала генерал-лейтенант Фелькнер решил отказаться от услуг французских инженеров и пригласить офицеров Корпуса военных топографов. В 1864 г. завершение работ, начатых Бержье и Аллори, было возложено на капитана В.В. Маслова, а затем — на полковника И.О. Васильева, назначенного начальником нового Уральского тригонометрического измерения.

Следует отметить, что съемка, произведенная офицерами Корпуса военных топографов, была выполнена весьма быстро, так как триангуляционная система была уже подготовлена их предшественниками. Полевая часть работ была закончена в 1865 г. Для соединения же всех отдельных измерений в одно целое потребовалось около трех лет. При этом военные топографы использовали труды Бержье и Аллори для съемки восьми горных округов Урала, за исключением Богословского. Карты французских инженеров, большей частью уже оконченные, поверялись и лишь в случае необходимости исправлялись и дополнялись ими. В этой связи вывод отдельных авторов об отстранении Бержье и Аллори от дальнейших топографических работ, поскольку они якобы «не справились с контрактом...», представляется нам неубедительным⁴⁴.

На наш взгляд, причины расторжения контракта лежали несколько в иной плоскости. Одна из них — стремление горного ведомства завершить работы как можно скорее — названа выше. Вторая, как нам представляется, крылась в том, что период работы Бержье и Аллори по государственному контракту совпал с непростым периодом российско-французских отношений: участием Франции в Крымской войне 1854–1855 гг. на стороне Турции против России. Видимо, в определенной степени это не могло не проецироваться как лично на топографов, так и на оценку их деятельности.

Однако наиболее пагубным для продолжения деятельности на Урале Бержье и Аллори, по-видимому, стал прогресс, стимулированный военным конфликтом и заключавшийся в развитии прецизионных методов определения географических долгот с помощью телеграфа. Существенно более простой и точный способ телеграфного определения долгот начал применяться с появлением на Урале первых телеграфных контор (1 августа 1861 г. в Перми; в декабре 1861 г. — в Екатеринбурге и Камышловле; в январе 1862 г. — в Тюмени). Все они были оборудованы аппаратами Морзе и относились к военному ведомству. Так, штат Екатеринбургской телеграфной конторы в 1862–1863 гг. состоял из шести военных: начальника (поручика) и пяти сотрудников (унтер-офицеров-морзистов). Помимо указанных транзитных магистралей, в это время были заложены и первые региональные, внутриуральские линии: Тагил — Екатеринбург, Екатеринбург — Златоуст, Екатеринбург — Ирбит, Екатеринбург — Челябинск, Кыш-

⁴⁴ Поваго Ф.П., Маляров А.А., Ярошенко М.Ф. Краткая истории развития и современное состояние топографо-геодезических работ и картографирования на Урале //100 лет геологического картографирования на Урале. Екатеринбург, 1997. С.113.

тым — Верхнеуральск, Шадринск — Курган и др. Все это создало необходимые предпосылки для определения долгот на Урале способом телеграфирования с привлечением военных.

На наш взгляд, объем топографических работ, выполненных Бержье и Аллори и завершенных офицерами Корпуса военных топографов, настолько велик, что его следует считать этапным в развитии уралистики, а именно вторым после всплеска картирования Урала в петровскую эпоху.

Изложенные в статье факты позволяют лишь пунктирно проследить один из этапов деятельности французских инженеров-топографов. В целях дальнейшего выявления как биографо-библиографических сведений о Бержье и Аллори, так и их творческого наследия, необходима серьезная поисковая работа не только в российских, но и французских архивах.

Павел Николаевич Демидов — кавалер ордена Почетного легиона

Алексей Мосин

Связи дворянского рода Демидовых с культурой Франции широки и многообразны. Это в полной мере относится к потомкам Акинфия Никитича Демидова (1678–1745) по линии его младшего сына Никиты. Сам Никита Акинфиевич (1724–1787) во время своего заграничного путешествия 1771–1773 гг. несколько месяцев посвятил знакомству с культурой различных слоев французского общества¹. Его сын Николай Никитич Демидов (1773–1828) в 1808–1812 гг. был на дипломатической службе в Париже. В его обширных художественных собраниях произведения французских мастеров занимали почетное место, а его заказы французским бронзовщикам вписали яркую страницу в историю европейского прикладного искусства². Младший сын Николая Никитича, Анатолий Николаевич Демидов (1813–1870), не только прожил добрую половину сознательной жизни в Париже, но и, будучи страстным поклонником Наполеона, женился на его племяннице Матильде де Монфор и создал на Эльбе музей Наполеона, открытый им для посещения публики³.

- 1 См.: Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771–1773). Екатеринбург, 2005.
- 2 См.: Зек Ю.Я. Николай Никитич Демидов (1772–1828) — коллекционер и меценат // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. М., 2003. С. 69–73; *Она же*. Николай Никитич Демидов и его заказы французским бронзовщикам (1801–1828) // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 2. Екатеринбург, 2006. С. 635–697.
- 3 См.: Прожогин Н.П. Анатолий Демидов и семья Бонапартов // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. М., 2003. С. 85–94; Тиссо-Демидов А. Бонапарты и Анатолий Демидов // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 2. Екатеринбург, 2006. С. 712–725.

О старшем сыне Николая Никитича, Павле Николаевиче Демидове (1798–1840), можно с полным основанием сказать, что в его образовании и воспитании французская культура играла важнейшую роль с раннего детства, хотя сам он всегда подчеркивал свою приверженность всему русскому. Как большинство дворянских детей того времени, Павел Демидов владел французским языком более свободно, чем русским. Живя с отцом в Париже, Павел обучался в Наполеоновском лицее вплоть до возвращения в Россию в июне 1812 г., буквально за несколько дней до того, как армия французского императора и его союзников перешла границу Российской империи.

После начала войны Николай Демидов на свои средства сформировал и экипировал егерский полк Московского ополчения, получивший название Демидовского, и был назначен его шефом, а Павел Демидов был зачислен в него юнкером. За участие в Бородинском сражении 14-летний Павел Демидов получил первое награждение чином и вскоре был переведен в регулярную часть, став прапорщиком Перновского гренадерского полка. Вновь в Париже он побывал в свите императора Александра I в 1815 г., а августе того же года участвовал в смотре русских войск под городом Вертю. В последующие 11 лет Павел Демидов сменил несколько родов войск и должностей: служил в корпусе графа М.С. Воронцова и в свите императора Александра по квартирмейстерской части, в Тверском драгунском, Елисаветградском гусарском, лейб-гвардии конно-егерском и лейб-гвардии кавалергардском полках⁴. Он вышел в отставку в декабре 1826 г. в чине полковника, чтобы ухаживать за жившим во Флоренции тяжело больным отцом.

В начале 1820-х гг. Павел Демидов, как позднее его младший брат Анатолий, собирался жениться на француженке. Избранницей его стала Аннет Боден, принадлежавшая к семье торговцев металлом и демидовских комиссионеров во Франции (торговый дом «Братья Боден и комп.» в Лионе). Однако Николай Никитич категорически возражал против этого брака, и Павел как послушный сын подчинился воле отца. Родившийся у Павла и Аннет сын был назван Николаем и, будучи незаконнорожденным, носил фамилию Дубовейер. В 1835 г. Павел Демидов заручился согласием графа Ипполита д'Эспеншала на его усыновление и наследование титула, но неизвестно, вступила ли эта договоренность в силу⁵. В дальнейшем, приезжая в Париж, он неизменно навещал Аннет и сына, постоянно заботился о них.

4 См.: Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина. Вып. 3 (демидовский). Екатеринбург, 1997. С. 15–26.

5 Там же. С. 21–24.

Унаследовав после смерти отца в 1828 г. совместно с братом Анатолием Нижнетагильские заводы и прочее движимое и недвижимое имущество и став, таким образом, одним из богатейших людей не только России, но и Европы, Павел Демидов проявил себя как щедрый благотворитель и меценат. Наиболее значительными по объему затрат стали его пожертвования на помощь вдовам и сиротам воинов, погибших в ходе Забалканской кампании 1828–1829 гг., и финансирование учрежденной им Демидовской премии, на что в сумме было потрачено более полутора миллионов рублей ассигнациями⁶.

Пожертвования Павла Демидова привлекли к нему внимание власти и общества. Он был удостоен чина действительного статского советника (IV чин по Табели о рангах, соответствовавший воинскому званию генерал-майора), должностей курского гражданского губернатора и егермейстера Двора Его Императорского Величества, избран почетным членом Московского и Харьковского университетов, Петербургской императорской Академии наук и Российской академии, награжден целым рядом орденов, в том числе Владимира 3-й степени и Станислава 1-й степени.

Помимо российских наград, Павел Демидов неоднократно получал ордена иностранных государств. Для того чтобы иметь право носить их в России, требовалось разрешение императора. Подобное разрешение удавалось получить далеко не во всех случаях. Именно так произошло с награждением Павла Демидова орденом Почетного легиона, которого он за свою жизнь удостоивался дважды.

В первом случае причиной награждения П.Н. Демидова орденом Почетного легиона был акт благотворительности. В 1830–1831 гг. он в течение нескольких месяцев жил в Париже, куда приехал, чтобы повидаться с Аннет Боден и сыном Николаем. Франция только что вступила в кровопролитную войну в Алжире, и французское общество волновали те же проблемы, что и русское общество, в частности, необходимость обеспечить существование большого количества вдов и сирот. Павел Демидов, год назад пожертвовавший полмиллиона рублей на помощь осиротевшим и овдовевшим родным «забалканских воинов», теперь решил поддержать тех, кто потерял кормильцев в Алжирской кампании.

6 См.: Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного отечества» // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 260–261; Мосин А.Г. Демидовские премии Петербургской Академии наук: обстоятельства учреждения, уставные принципы присуждения // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 4. М., 2009. С. 47–53. После смерти П.Н. Демидова во исполнение его воли финансирование Демидовских наград в течение 25 лет продолжалось его братом Анатолием.

Орден Почетного легиона имеет пять степеней: кавалер, офицер, командор, высший офицер и кавалер Большого креста. В письме на имя своего начальника по службе, министра Двора Его Императорского Величества князя П.М. Волконского, написанном в 1835 г., Павел Демидов так объясняет, почему в первый раз был удостоен низшей степени ордена: «...уже в 1833 году в августе месяце я удостоился получить меньший знак Почетного Легиона, как небезизвестно вашей светлости, хотя, впрочем, в то время я должен был по званию моему в отечестве моем получить знак сей высшей степени, но по французским законам никто не может быть офицером Почетного Легиона, не быв прежде кавалером сего ордена»⁷.

15 сентября 1833 г. П.Н. Демидов писал из Курска своему служащему П.Я. Колунову: «По полученному мною на сих днях достоверному известию из Парижа я удостоился получить от его величества короля французов в знак отличия крест, под названием Почетного Легиона, а потому с получения сего предписываю тебе навести верную справку без огласки в коллегии иностранных дел и при дворе французского посланника о получении печатного диплома и прочих бумаг на упомянутый знак отличия; коль же скоро узнаешь, что действительно получены таковые документы, то немедленно явясь, как поверенный от имени моего, взойди с прошением о выдаче тебе оных и по получении, не распечатывая, храни их впредь до моего прибытия в Санкт-Петербург»⁸.

Выбор для столь деликатной миссии именно Павла Колунова не случаен — он пользовался особым доверием П.Н. Демидова и неоднократно выполнял самые ответственные задания, включая доставку из Лондона и отправку в Курск знаменитого бриллианта Санси⁹. Проявленная в этом деле Демидовым осторожность станет понятна, если вспомнить о напряженных отношениях, сложившихся к тому времени между Россией и Францией: император Николай I не мог считать абсолютно легитимным короля Луи Филиппа, пришедшего к власти в результате революции, а сочувственное отношение французского общества к Польскому восстанию 1830–1831 гг. и почти явная его поддержка со стороны правительства Франции чуть не привели к открытому разрыву дипломатических отношений между двумя державами.

В этих условиях у Павла Демидова было мало шансов получить разрешение на ношение в России высшей награды столь недружественного государства. Однако он все же обратился с соответствующим прошением

7 Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов... С.69.

8 ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 242. Л. 99 об.-100.

9 См.: Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов... С. 59–60.

на имя своего непосредственного начальника, министра внутренних дел графа Д.Н. Блудова: «Удостоясь получить от его величества короля французов в знак отличия крест под названием Почетного Легиона, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею моею просьбою о исходатайствовании мне у государя императора всемилостивейшего дозволения принять означенный крест, возложить на себя и носить по установлению.

В полной надежде на благосклонное внимание особы Вашей к таковой покорнейшей моей просьбе, я осмеливаюсь препроводить при сем на благорассмотрение вашего высокопревосходительства полученное мною официальное известие о пожаловании мне вышеозначенного Ордена»¹⁰. Ходатайство это не увенчалось успехом: в праве ношения ордена Почетного легиона в России Павлу Демидову было отказано.

Вторично та же проблема возникла два года спустя. На этот раз причиной награждения стал акт меценатства, а именно — финансовая поддержка, оказанная Павлом Демидовым театру «Comédie Française». Известно, что Павел Николаевич был поклонником театрального искусства и постоянно абонировал ложи различных театров как в Петербурге, так и во время проживания в Париже.

Узнав о полученном отличии, Демидов, в соответствии с установленным порядком, обратился 5 декабря 1835 г. за содействием к князю П.М. Волконскому: «Быв снова удостоен от его величества короля французов офицерским знаком Почетного Легиона, я приемлю смелость обратиться к вашей светлости, как непосредственному моему начальнику с покорнейшею просьбою о исходатайствовании мне всемилостивейшего его императорского величества разрешения возложить на себя сей знак отличия»¹¹.

Министр Двора потребовал дополнительных разъяснений о причинах подобной благосклонности французского монарха к российскому подданному. Павел Демидов отвечал следующим образом: «Особенных причин к получению мною нового знака отличия от его величества короля французов, я не нахожу. Могу только доложить, что образ жизни моей во время моего пребывания в Париже и тогда же некоторые малозначительные денежные помощи, оказанные мною заимообразно в пользу Национального театра французского и впоследствии мною не востребованные, могли обратить на меня внимание правительства французского <...> Смею надеяться, что полная откровенность моя, как пред вашей

¹⁰ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 242. Л. 108 об.-109.

¹¹ Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов... С. 68.

светлостью, так и пред августейшим монархом, пред коим, как истинный русский дворянин, не имею никаких причин таить чувств моих, будет принята с благосклонностию»¹².

Однако и на сей раз ожидания Демидова не оправдались: в журнале входящих документов на его имя 18 декабря 1835 г. зафиксировано отношение, подписанное светлейшим князем П.М. Волконским, в котором сообщалось, что «на всеподданнейшую просьбу его превосходительства о всемилостивейшем дозволении возложить на себя пожалованный от его величества короля французов офицерский знак Почетного Легиона государь император не изъявил на сие высочайшего соизволения»¹³.

Это был не последний случай, когда Павлу Демидову приходилось оправдываться перед князем Волконским, представлявшим особу императора, в получении иностранных орденов. 23 (11) ноября он с видимым раздражением, но не теряя чувства собственного достоинства, писал министру императорского Двора из Мюнхена, где находился на лечении: «...для получения знака и титула командора Ордена св. Иосифа Тосканского мною не сделано никаких подвигов, как угодно изъясняться вам, милостивый государь! Если я сделал что-либо в жизни моей такое, что может назваться подвигом или быть достойно столь высокого названия — так это конечно для пользы своего любезного отечества и из искреннего желания быть угодным своему Августейшему Монарху. В чужих же странах, светлейший князь, я ничего более не делал, как творил и творю милостыню бедным и помогаю сирым и убогим по неотъемлемому праву каждого. Если его императорское и королевское высочество великий герцог Тосканский удостоил меня таковым отличием, то могу отчасти отнести его к тому, что я старался иногда, в случаях того заслуживавших, делать в пользу богоугодных флорентийских заведений некоторые приношения от избытков своего благосостояния, поставляющего мне в обязанность быть по возможности полезным человечеству сколь в своем отечестве, а также и в других местах»¹⁴.

В письмах П.Н. Демидова неоднократно звучит эта двуединая формула его кредо: быть полезным своему отечеству и приятным государю императору. Однако в этом письме князю Волконскому он отстаивает свое право быть милосердным и щедрым везде, где на его пути встречаются люди, нуждающиеся в проявлении этих его качеств. Более того, в том

12 Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов... С.69.

13 Там же.

14 Там же. С. 87.

случае, когда одна из двух составляющих его кредо вступает в противоречие с другой, Павел Демидов рискует скорее вызвать неудовольствие своего монарха, чем отказаться следовать зову сердца.

Трудно представить себе, чтобы Павел Николаевич Демидов, будучи законопослушным подданным российского императора, осмелился «возложить на себя» орден Почетного легиона в России. Однако на известном живописном портрете П.Н. Демидова кисти художника П.П. Веденецкого, представляющем владельца Нижнетагильских заводов в мундире егермейстера и при всех орденах, хорошо видны оба знака ордена Почетного легиона. Известно, что два своих портрета, предназначенных для Петербургской и Нижнетагильской контор, Демидов заказал художнику в 1838 или 1839 г., но завершены они были уже после смерти заказчика.

Маловероятно, чтобы сам Павел Демидов пожелал добавить к орденам, официально разрешенным в России, знаки ордена Почетного легиона — это было бы прямым нарушением воли императора. Скорее всего, это произошло без ведома заказчика, уже после его смерти, что косвенно подтверждается известными обстоятельствами завершения работы над портретами: «Для окончания заказа дирекция петербургской конторы выслала в Нижний Новгород придворный мундир, шляпу, шпагу и ордена покойного. В начале 1841 года они вместе с завершенным портретом поступили в Нижний Тагил, где костюм учредителя «музеума естественной истории и древности» стал одним из первых его экспонатов, а портрет был помещен в «присутственной камере» заводууправления»¹⁵.

Так или иначе, историческая справедливость восторжествовала, и орден Почетного легиона занял свое законное место среди наград, которых Павел Николаевич Демидов был удостоен главами многих европейских государств.

15 Клат С.А. Портреты Демидовых // Музей горнозаводского дела. Екатеринбург, 1995. С. 127. См.: Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771–1773). Екатеринбург, 2005.

По следам императорского дара¹

Людмила Будрина

Яркой эпохой франко-русских отношений стал рубеж XIX–XX вв. Сложение военно-политического союза способствовало усилению культурного и промышленного обмена. Перекрестный франко-русский год дает нам прекрасный повод вспомнить об уникальном произведении, ставшем памятником союзу Российской империи и Французской республики, и его непростой судьбе. История этой работы Екатеринбургской гранильной фабрики началась задолго до сложения Антанты.

1 января 1684 г. в Версале Людовику XIV было представлено необычное произведение мозаичного отделения королевского ателье «Гобелен»². По инициативе Кольбера математик Клод Купле подготовил эскизы для создания мозаичной карты Франции³. Работа эта была реализована в виде столешницы размером 0,81 x 1,13 м, на которой в технике флорентийской мозаики из мрамора разного цвета в фон из белого с прожилками камня врезаны разноцветные фрагменты. Король высоко оценил это произведение и распорядился поместить его в кабинет Медалей в Версальском дворце. Побывавший почти за два

- 1 Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (Грант для государственной поддержки молодых ученых, МК-6764.2010.6).
- 2 Вызывающее ассоциации название «Гобелен» относилось к обширному предприятию, в рамках которого были сосредоточены мастера производства самых разнообразных предметов роскоши для королевских дворцов: краснодеревщики, ткачи шпалер, камнерезы.
- 3 Castelluccio S. Les meubles de pierres dures de Louis XIV et l'atelier des Gobelins. Dijon, 2007. P. 81–82

столетия в нескольких дворцах, в 1871 г. стол был помещен в Лувр, в галерею Аполлона⁴.

Кажется, что столешница Людовика XIV ничем не связана с Екатеринбургом. Однако автор императорского дара, директор фабрики в 1885–1911 гг., горный инженер Василий Васильевич Мостовенко вполне мог видеть экспонат Лувра. В его «Формулярном списке о службе» содержится информация о том, что в 1878 г. он получил отпуск на два месяца за границу⁵. Думаем, не ошибемся, допуская, что часть этого отпуска молодой управляющий золотосодержащими рудниками и приисками потратил на знакомство с Всемирной выставкой в Париже. Предположим, что в Париже он мог осмотреть и Луврский музей, где в галерее Аполлона среди драгоценностей французской короны находилось несколько столов с мозаичными столешницами. В том числе и стол с картой.

Еще раз подчеркнем, что это — лишь предположение, нуждающееся в документальном подтверждении. В мемуарах (написанных через 19 лет после завершения работы над картой, отделенных от времени ее создания мировой войной и революцией) Мостовенко пишет, что летом 1897 г., на вопрос об экспонатах фабрики для выставки, ответил управляющему кабинетом: поскольку «вазы и все подобные изделия уже набили оскоми-ну», он предлагает к выставке 1900 г. «сделать из разных камней карту»⁶. Далее он приводит рассуждения о выборе страны — Россия не подошла из-за формы границ — но ничего не говорит о том, как ему пришла в голову мысль сделать мозаичную карту.

Стоит отметить, что на Екатеринбургской гранильной фабрике из всех видов каменной мозаики чаще всего обращались к набору из одного вида камня (в XX в. этот вид аппликативной работы с легкой руки А.Е. Ферсмана получил название «русской мозаики»). Плоский набор из цветного камня — флорентийская мозаика — широкого распространения не получил, небольшое число работ такого рода было выполнено в 1840–1860-х гг.⁷ Большой интерес у уральских камнерезов вызвала техника объемного набора — рельефа или круглой скульптуры: пресс-папье и чаши с фруктово-ягодными и цветочными мотивами стали визитной

4 Сведения из архива музея «Замок Компьень» предоставлены хранителем г-ном М. Дести. С 1953 г. стол находится в Версальском дворце (Инв. № V.3337).

5 Из формулярного списка о службе. Приложение к мемуарам В.В. Мостовенко // Ювелиры и камнерезы Урала. СПб., 2001. С. 86.

6 Мостовенко В.В. Мои воспоминания // Ювелиры и камнерезы Урала. С. 51.

7 См. списки изделий в двухтомнике: Семенов Б.В., Тимофеев Н.И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика: 1805–1861; Екатеринбургская гранильная фабрика: 1861–1917. Екатеринбург, 2003.

карточкой екатеринбургских мастеров⁸. Таким образом, мозаичный набор был знаком мастерам фабрики, но предпочтение отдавалось более пластичным приемам.

Описания создания карты многочисленны, но противоречивы. Поэтому, не повторяя предшественников, мы остановимся лишь на том, что не было ранее опубликовано либо требует уточнения. 20 августа 1897 г. было дано «высочайшее повеление» об изготовлении карты Франции для Парижской выставки 1900 г. из разных твердых и цветных камней⁹. 23 декабря из земельно-заводского отдела Кабинета Его Величества в Екатеринбург было отправлено «по пяти экземпляров избранных... карт Франции, для изготовления мозаической карты этой страны для предстоящей в 1900 г. в Париже выставки»¹⁰. В.В. Мостовенко вспоминал, что он «в полученном из Парижа экземпляре карты раскрасил акварелью департаменты под цвет яшм, наклеил на картон и разрезал на части, отделив, конечно, каждый департамент от другого. Чтобы избежать пестроты, пришлось несколько раз прикрашивать карту, да и заменять одну яшму другой»¹¹.

В течение 1898 г. была выполнена нарезка фанеры, департаменты обточены, и уже с июля велась приточка фрагментов. С началом тонкой подгонки число работавших над картой мастеров сократилось с 12-23 до 5-6 человек в месяц¹². Вероятно, в это же время появилась мысль оживить карту за счет снятия фасок по периметрам департаментов, что существенно повысило трудоемкость работы — каждый элемент полировался и обтачивался отдельно, тогда как в традиционном наборе плоских мозаик финальная полировка изделия ведется целиком. Однако благодаря этому приему карта приобрела рельеф, усилилась игра светотени на ее поверхности. Следует отметить, что дополнительный объем карте придавал подъем суши над поверхностью морей и океанов и заглубленные озера.

Сборка карты требовала не только высочайшего мастерства от камнерезов, но и внедрения определенных новшеств. Так, для облегчения работы под основу карты — плиту мрамора толщиной 9 см — был из-

8 Появившись в ассортименте в 1837 г. (пресс-папье с накладной виноградной кистью), «накладки» изготавливались в значительном количестве и на фабрике, и в частных мастерских, неоднократно приносили своим авторам награды всероссийских и всемирных выставок.

9 ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 568. Л. 3 об.

10 Там же. Д. 565. Л. 1.

11 Мостовенко В.В. Мои воспоминания // Ювелиры и камнерезы Урала. С. 52.

12 ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 568.

готовлен поворотной-наклонный стол. Крепление департаментов было осуществлено на особый, разработанный в лаборатории фабрики, легкоплавкий сплав. Крепежные скобки фиксировались на яшмовых пластинах с помощью зубного цемента, закупленного у екатеринбургского стоматолога¹³.

Весь 1899 г. и в январе-феврале 1900 г. велась работа над окружающими Францию водными поверхностями, драгоценной рамой и витриной. Первоначально моря предполагалось сделать из лазурита. Для этого в магазине екатеринбургского купца В.И. Липина в апреле 1899 г. было закуплено пять с половиной фунтов этого камня¹⁴. Однако его обработка задерживалась, и три плитки для морей на карте Франции были получены только в конце ноября 1900 г.¹⁵ В результате карта получила моря и океаны из серого фоминского мрамора, на котором удалось «получить иллюзию волн»¹⁶.

В тот же магазин в феврале 1900 г. было уплачено «за купленные для фабрики драгоценные камни, 15 шт.»¹⁷ Учитывая репутацию Липина как одного из крупнейших торговцев уральскими самоцветами, можно предположить, что эта покупка была вызвана потребностью в первоклассных самоцветах для обозначения крупных городов на карте. Роскошные бериллы (в том числе и редкий розовый), гиацинты, фенакит, демантоид, александрит, сапфир, изумруды, топазы — каждый весом в несколько карат, не только повышали стоимость карты, но и увеличивали ее минералогическую ценность.

Сотрудничество с Василием Ивановичем Липиным — владельцем магазина и мастерских по изготовлению яшмовых и малахитовых изделий, ювелирных изделий из золота, платины и серебра¹⁸ — не ограничивалось только закупкой сырья. В его ювелирной мастерской были выполнены все работы драгоценными металлами. Для крепления резных накладок в углах рамы потребовалось четыре серебряных шурупа. Из собственного золота мастерских выполнены все названия (городов, рек, морей, соседних государств) и касты для ограненных камней. Наиболее трудоемким было изготовление платиновых рек: Липину оплатили 45

13 Мостовенко В.В. Мои воспоминания. С. 51–53; ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 580. Л. 10.

14 ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 580. Л. 22.

15 Там же. Д. 580. Л. 68.

16 Мостовенко В.В. Мои воспоминания. С. 52.

17 ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 580. Л. 8

18 Гончаров Ю.А., Гончарова Н.А. Из истории художественной обработки драгоценных металлов на Урале в XVIII – начале XX в. // Художественный металл Урала XVIII–XX вв.: Материалы конференции. Свердловск. Октябрь 1990. Екатеринбург, 1990. С.22–23.

рабочих смен¹⁹. Интересно, что платину фабрика выдавала из собственных запасов²⁰. Все работы над картой велись со 2 января 1898 г. и были окончены 18 февраля 1900 г. После подсчета всех расходов (в том числе и на доставку карты в Петербург) ее стоимость была определена в 16221 рубль 28 ½ копейки²¹.

В конце 1899 г. был определен исполнитель витрины для карты — им стал московский мебельный фабрикант Павел Александрович Шмит²². Его предприятие неоднократно исполняло заказы двора²³, имело опыт в создании мебели для экспонирования — при перестройке особняка А.В. Морозова Федор Шехтель заказывал на этой фабрике специальные витрины для фарфора²³.

Перед П.А. Шмитом стояла непростая задача: достойно и безопасно продемонстрировать каменное мозаичное полотно весом более 300 кг: поднять на удобную для осмотра высоту, избежав при этом опрокидывания, и выгодно оттенить работу камнерезов. В результате решения этих задач появилась витрина, напоминающая монументальные шкафы-кабинеты XVII в.: приподнятая на массивных опорах консоль, обрамленное изящными колонками «окно», эффектное завершение с изогнутым и разорванным в центре антаблементом. На задней стороне находится панель, закрывающая ответную нишу, в которой спрятаны мощные балки и болты, крепящие карту в витрине. В этом выполненном из дуба грандиозном сооружении (высота 3,2 м, ширина 1,8 м) распределение гладких поверхностей и резного декора сосредотачивает внимание зрителя на центральной части, где находится карта.

19 февраля 1900 г., в сопровождении мастера П.П. Милькова и управляющего фабрикой В.В. Мостовенко, карта была отправлена в Петербург²⁵. Здесь осуществили пробное крепление карты в витрине. 1 марта ее осмотрела императорская семья: Николай II, Мария Федоровна и Александра Федоровна, Михаил Александрович и Ольга Александровна. Получив высочайшее одобрение, 16 марта карта отправилась в Париж.

19 ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 580. Л. 7-8.

20 Там же. Л. 63 об.

21 Там же. Л. 126.

22 Там же. Д. 578. Л. 1.

23 Гафифуллин Р. Мебельное убранство Большого Кремлевского дворца // Пинакотека. 1999/3-4. № 10–11. М., 2000. С. 41; Былое великолепие // Современный особняк. Март, 2008 (URL: <http://www.smrbuild.ru/1,594.html>).

24 Фролов А.И. Коллекционер А.В. Морозов. Опыт творческого портрета // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение. Морозовские чтения 96 (URL: <http://bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya96/16.html>).

25 ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 580. Л. 21.

В.В. Мостовенко оставил любопытное замечание о пребывании карты в столице Франции: «Привезя карту в Париж, я не знал, куда ее положить. Мне предложили поместить ее в конюшне князя Тенишева, главного комиссара выставки. Не имея другого помещения, я оставил карту там... так она и пролежала в конюшне»²⁶. Неоренессансный особняк на рю де Бассоно сохранился, а на месте конюшен вырос многоэтажный дом.

Ко дню открытия Всемирной выставки большая часть павильонов не была окончательно смонтирована. Поэтому местом для вручения карты выбрали национальный павильон России. Почти на самой вершине холма Трокадеро был возведен комплекс площадью свыше 4000 м², включавший в себя основное здание в виде кремля с башнями и каменными стенами (павильон Сибири, или «Русская Азия»), под которыми расположилась ремесленная деревня с избами и мастерскими²⁷. Парижская пресса накануне вручения карты отмечала, что это — единственный из всех иностранных дворцов, который был полностью оформлен и завершен к этому времени²⁸.

В центральном зале павильона, высота которого не позволяла смонтировать карту в витрине, был сооружен мольберт, покрытый шукурами белых медведей. 15 апреля на него установили мозаичное полотно в яшмовой раме, задрапировав бархатом и позументом²⁹. Через три дня, 18 апреля, состоялась торжественная передача карты, в ходе которой президент Французской республики г-н Эмиль Лубе отметил, что «этот подарок является новой демонстрацией связей, которые объединяют две страны», и добавил, что после того, как карта будет выставлена перед восхищенными взорами посетителей выставки, она будет помещена в Лувр³⁰. В тот же день карта была перенесена во Дворец мебели и разных промышленности, возведенный на эспланаде Инвалидов.

Исполнение карты было оценено очень высоко. В.В. Мостовенко в воспоминаниях пишет: «...за карту я получил Командорский крест Почетного Легиона. А фабрика — высшую награду»³¹. Подтверждение первому из этих фактов мы находим в архиве фабрики. На имя В.В. Мостовенко 3 августа 1901 г. из Кабинета приходит разрешение на но-

26 Мостовенко В.В. Мои воспоминания. С. 52.

27 Le livre d'or de l'Exposition de 1900. Vol. II. Paris, 1900. P. 186.

28 Le cadeau de Nicolas II // La Presse. 1900. № 2880. P. 2.

29 Мостовенко В.В. Мои воспоминания. С. 51.

30 Le President a la section russe // La presse. 1900. № 2881. P. 1.

31 Мостовенко В.В. Мои воспоминания. С. 54.

шение пожалованного ему Командорского Креста Французского ордена Почетного легиона³².

Рапортуя в Кабинет об успешной сдаче карты, управляющий особо отмечал заслуги сопровождавшего его в Париж сотрудника фабрики и просил для него награды от Кабинета. Ответ на эту просьбу не заставил себя долго ждать: уже 5 мая из Петербурга пришел подарок — золотые часы с изображением государственного герба и удостоверение на них³³. Что же касается «высшей награды» для фабрики, то нам не удалось обнаружить подтверждения этого факта.

Во Франции подарок российского императора вызвал живейший отклик: восхищала как сама карта, так и ее стоимость. Одна из парижских газет оценила ее в четыре миллиона франков³⁴, другая замечала отсутствие на карте Корсики³⁵. В специальном выпуске иллюстрированного приложения газеты Фигаро³⁶ были помещены описание и изображение мозаичной части карты, оно же было повторено на почтовой открытке.

О судьбе карты после Всемирной выставки известно очень немного. В своих воспоминания В.В. Мостовенко указывает, что ее «поставили в Лувр, в залу Людовика XIII»³⁷. О намерении разместить после выставки карту в Лувре говорил в ответном слове при ее передаче и президент Французской республики³⁸. Однако в музее карта появилась только через год после вручения: в апреле 1901 г. в газете «Искусство для всех» была помещена информация о том, что «теперь можно видеть в музее Лувр карту Франции из драгоценных камней, подаренную нашей стране российским правительством... Она помещена под стекло на массивной подставке из резного дуба, в центре зала, где доминирует портрет Людовика XIII»³⁹. Таким образом, витрина была доработана — с целью обеспечить сохранность разрекламированным драгоценным камням городов и платиновым рекам, вокруг яшмовой поверхности была врезана стальная рама со стеклянной створкой.

К сожалению, нам не удалось точно установить, в каком именно зале парижского музея могла находиться уральская карта. По мнению храни-

32 ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 581. Л. 19.

33 Там же. Д. 578. Л. 9.

34 Le cadeau de Nicolas II // La Presse. 1900. № 2880. P. 2.

35 Questions // L'Echo du public. 1900. № 208. P. 1.

36 Le Figaro illustre. Paris, 1900. Hors Serie № 5. P. 16.

37 Мостовенко В.В. Мои воспоминания. С. 54.

38 Le president a la section russe // La Presse. 1900. № 2881. P. 1.

39 Carte de France en pierres precieuses // L'Art pour tous : encyclopédie de l'art industriel et décoratif. Paris. Avril 1901. P. 1.

телей Лувра, наиболее вероятным местом ее экспонирования является галерея Аполлона — зал, в котором среди сокровищ французской короны были выставлены произведения камнерезных мастерских Флоренции и Милана, Парижа и Аугсбурга.

Несмотря на техническое совершенство исполнения и драгоценный материал, карта не соответствовала концепции Лувра, сложившейся в первой трети XX в., прежде всего — хронологическим рамкам собрания. Когда екатеринбургская мозаика покинула стены Лувра — неизвестно, однако в 1939 г. она уже входила в состав фондов другого французского музея.

После Первой мировой войны во Франции разворачивается большая работа по восстановлению и музеефикации бывших королевских и императорских резиденций. Одними из первых в числе переданных в ведение Дирекции национальных музеев (декретом от 20 июля 1921 г.) стали замки Фонтенбло, Мальмезон, По и Компьень. Через шесть лет был узаконен их статус в качестве отделов Лувра⁴⁰. В двадцатые годы XX в. в этот музей были направлены предметы из запасников «Мобилье насьональ» (Mobilier national) и осуществлен ряд обменов с фондами других национальных музеев с целью восполнения утраченного мебельного и декоративного убранства этой резиденции. Вероятно, именно в это время екатеринбургская карта Франции покинула стены Лувра и переместилась в замок Компьень.

Одна из любимых королевских резиденций — Компьеньский замок, возведенный в 80 км от Парижа в 1374 г. королем Карлом V, неоднократно перестраивался. Во время революции движимое убранство дворца было распродано, и с 1799 г. замок занимала военная академия. Однако уже с 1807 г. статус резиденции монарха возвращается. Основные работы по превращению Компьеня в императорскую резиденцию были завершены к началу 1810 г., а уже в марте Наполеон встречает здесь эрц-герцогиню Марию-Луизу⁴¹.

В историю российских дипломатических отношений с французскими правителями Компьеньский замок вошел в 1814 г. Возвращаясь из эмиграции на престол Франции, Людовик XVIII провел в этом замке три дня. На следующий день после его прибытия в Компьень приехал император Александр I — обсудить будущее Франции после реставрации. Однако российский император был принят настолько холодно, Людовик вел себя

40 Perot J. Le château de Compiègne depuis la chute de Second Empire: de dépècement à la restitution des états historiques anciens // Objets d'art : mélanges en l'honneur de Daniel Alcouffe. Dijon, 2004. P. 411–412.

41 Ibid. P. 9.

настолько высокомерно, что победитель Наполеона предпочел вернуться в Париж сразу после ужина⁴².

Во времена Второй империи Компьень становится главной резиденцией императорской семьи. Праздники в Компьене закончились в 1870 г., но уже с 1874 г. здесь появляются разнообразные музеи⁴³. Статус резиденции венценосных особ вернулся к замку на несколько сентябрьских дней 1901 г. — в Компьене принимали российскую императорскую чету. Для насыщенного переговорами визита как нельзя лучше подходил этот просторный и достаточно удаленный от столицы дворец.

В годы Первой мировой войны в замке, расположенном в непосредственной близости от линии фронта, был размещен военный госпиталь (1915–1917), затем Генеральный штаб (1917–1918)⁴⁴. Колоссальная работа по освобождению помещений от чуждых музеев организаций, восстановлению интерьеров и мебелировки была в целом завершена к 1939 г.,⁴⁵ в начале которого был составлен первый инвентарь национального музея «Замок Компьень». В нем под номером 775 мы находим следующий предмет: «Карта Франции из поделочного камня, украшена драгоценными камнями. В обрамлении из резного дерева. Мраморы и драгоценные камни. 1 м x 1 м, размер общий 3,20 x 1,80. Дар царя России г-ну Президенту республики». Нам не удалось обнаружить никаких сведений о том, какое место было отведено карте в музее в конце 1930-х гг., возможно потому, что экспозиции так и не были развернуты — в Европе начиналась новая война.

Уже в 1938 г. из национальных музеев Парижа, прежде всего — из Лувра, началась эвакуация произведений искусства и исторических реликвий. Конвои грузовиков, предоставленных в распоряжение дирекции музеев крупнейшими парижскими универмагами, переполненные шедеврами, двигались с выключенными фарами, ориентируясь лишь на свет фонарика велосипеда, возглавлявшего колонну. Центром эвакуации для сокровищ французских музеев был выбран замок Шамбор, имевший репутацию сырого и неподходящего для произведений искусства места. В августе–сентябре 1939 г. в долину Луары вывезли основную часть мебелировки из замка Компьень⁴⁶.

42 Georin E. Le dilemma de Louis XVIII lors de son séjour a Compiègne en 1814 (29 avril – 1 mai): restaurer ou instaurer la monarchie en France? (URL: <http://www.histoire-compiegne.com/histoire-detail.htm?histoireID=16>).

43 Starky E. A Royal Château, an Imperial Palace, the Museum and the Park // The Imperial Palace of Compiègne. Musées et Monuments de France, 2008. P. 14.

44 Perot J. Le château de Compiègne depuis la chute de Second Empire... P. 411.

45 Ibid.

Значительная часть эвакуированных сокровищ (более ста тысяч шедевров, среди которых — «Ника Самофракийская», «Джоконда», «Коронация Наполеона» Жака-Луи Давида...) оставалась в Шамборе до 1945–1946 гг.⁴⁷

Карта Франции бала сохранена только благодаря эвакуации — в первые же дни германского наступления Компьень стал мишенью для немецких бомбардировщиков. По воспоминаниям Альбера Герино, супрефекта Компьеня в 1934–1942 гг., первая бомбардировка 17 мая нанесла большой ущерб городу, существенно повредив многие здания, в том числе — мэрию. Через несколько дней Компьень оказался в зоне оккупации, в замке разместилась немецкая военная администрация⁴⁸.

В 1946 г. эвакуированные из музея произведения искусства возвратились в замок, в котором решено было создать Музей Второй империи. Развитию этого направления способствовало получение многочисленных даров, среди которых — коллекция частного Музея императрицы, собранная г-ном Ферраном (Ferrand). В 1951 г. Музей императрицы в Компьенском замке открыл свои экспозиции, в 1953 г. был открыт Музей Второй империи⁴⁹.

В настоящее время Национальный музей «Замок Компьень» являет собой активно развивающийся комплекс, включающий в себя Музей транспорта и туризма, Исторические покои (представляющие блестящие образцы интерьерного декора эпох Людовика XVI, Наполеона I и Наполеона III) и Музей Второй империи.

К сожалению, уральская карта Франции не вписывается в логику экспозиции, а ее значительный вес (вместе с витриной около тонны) существенно осложняет перемещение и демонстрацию в парадных залах второго этажа. Таким образом, карта стала полузабытым экспонатом, существующим вне основных музейных маршрутов.

46 Ibid. P. 412.

47 В 2008–2010 гг. в Лувре и замке Шамбор состоялись выставки, посвященные эвакуации произведений искусства из национальных музеев северо-запада Франции: «Лувр во время войны. Взгляд фотографа. 1938–1946»; Музей Лувр, 7 мая – 31 августа 2009 г.; «Заложники войны», Замок Шамбор, 10 октября 2009 – 2 мая 2010 г. (URL: <http://espritvaldeloire.canalblog.com/archives/2009/10/28/15596069.html>; URL: http://www.chambord.org/Chambord-fr-idm-61-n-Agenda-agenda-316-t-19391945_Otages_de_guerre_a_Chambord.html).

48 Guerineau A. Souvenirs de Compiègne: 1940–1942. (URL: <http://www.histoire-compiegne.com/images/evenements/guerineau3.pdf>).

49 Starky E. A Royal Château, an Imperial Palace, the Museum and the Park // The Imperial Palace of Compiègne. Musées et Monuments de France, 2008. P. 14.

Возвращение интереса к этому произведению, являющемуся не только шедевром уральского камнерезного дела, но и уникальной минералогической коллекцией, связано с новым этапом в развитии франко-российских отношений. В 1995 г. в рамках Дней французской культуры на Урале посол Франции в России г-н Пьер Морель в торжественной обстановке передал фотокопию мозаичного полотна Музею истории камнерезного и ювелирного искусства. В 2001 г. к столетию пребывания Николая и Александры в замке была организована выставка. Первый номер в каталоге — карта Франции из цветных камней.

Закономерно, что в отмеченном двусторонним культурным обменом между Россией и Францией 2010 г. «Ночь музеев» в Музее истории камнерезного и ювелирного искусства Екатеринбурга была посвящена этому произведению.

След, который оставила карта Франции в истории уральского камнерезного искусства, глубок и значителен: к Всемирной выставке 1937 г. СССР привозит в Париж колоссальную Карту индустриализации, а камерных размеров карты из поделочных камней стали распространенными сувенирами, отмечающими дружественные отношения на самых разных уровнях.

Французские товары на екатеринбургском рынке в конце XIX — начале XX в.

Владимир Микитюк

В XVIII–XIX вв. французские товары, прежде чем попасть на екатеринбургский рынок, проделывали довольно сложный путь. Пересекая российскую границу, они сначала аккумулировались в руках московских и петербургских предпринимателей, которые отправляли их на различные ярмарки, преимущественно на Макарьевскую (Нижний Новгород) и Ирбитскую. Екатеринбургские коммерсанты на этих ярмарках, самых крупных в Российской империи, вели активные торговые операции, занимаясь одновременно продажей и закупкой. Большинство екатеринбуржцев, пользуясь выгодой географического положения Екатеринбурга, вели как розничную, так и оптовую торговлю. Благодаря подобной практике товары, приобретенные в Нижнем Новгороде и Ирбите, в дальнейшем попадали не только в ближайшие от Екатеринбурга населенные пункты, но и в уральскую глубинку.

К сожалению, не представляется возможным точно установить количественные параметры закупаемых екатеринбургскими торговцами французских товаров, так как деловая документация всех более или менее крупных торговых фирм Екатеринбурга была почти полностью уничтожена в советский период российской истории. Несколько иначе обстоит дело с товарооборотом ярмарок. Почти после каждой ярмарки выпускался подробный статистический отчет, где обязательно имелись данные по европейским товарам, но в них отсутствуют данные по товарам конкретных европейских стран. В результате вычленив изделия, имеющие французское происхождение, практически невозможно. Так,

в 1879 г. на Ирбитскую ярмарку было привезено европейских товаров на 1 млн 856 тыс. рублей. Львиная доля привезенных товаров была раскуплена уральцами и сибиряками. Непроданными остались европейские изделия на скромную сумму в 20 тыс. рублей¹. Точно известно, что в данный период времени уральцы проявляли интерес к французским тканям, винам и некоторым предметам роскоши, но в статистическом обзоре деятельности Ирбитской ярмарки за 1879 г. нет сведений о торговле французскими товарами.

Несмотря на то, что установить более или менее точные количественные параметры торговли французскими товарами не удалось, можно, тем не менее, утверждать, что на рубеже XIX–XX вв. поток французских изделий, поступающих в Екатеринбург, стал постепенно увеличиваться. В немалой степени это было вызвано улучшением франко-российских межгосударственных отношений, нашедшим выражение в создании русско-французского союза. Еще одним крупным фактором, оказавшим сильное влияние на увеличение объема французских товаров, поступающих на екатеринбургский рынок, стало сооружение железной дороги Екатеринбург–Челябинск, позволившей включить столицу Урала в общероссийскую железнодорожную сеть. Последнее обстоятельство в значительной степени ускорило и удешевило доставку товаров в Екатеринбург как из отдаленных российских регионов, так и из европейских стран.

Сооружение железнодорожного участка Челябинск—Екатеринбург существенно повысило привлекательность столицы Урала в качестве рынка сбыта. Данное обстоятельство оценили многие российские торгово-промышленные компании, в том числе варшавские, московские и петербургские, начавшие целенаправленно открывать в Екатеринбурге свои филиалы, при которых действовали оптово-розничные магазины и имелись обширные склады. Рост числа филиалов известных российских фирм имел важнейшее влияние на увеличение объема французских товаров, реализуемых в Екатеринбурге. Взаимосвязь данных обстоятельств объясняется предельно просто: французские товаропроизводители предпочитали проникать в российскую глубинку с помощью посредников, в качестве которых, как правило, выступали крупные варшавские, московские и петербургские фирмы. Стоит отметить, что закупка французских товаров екатеринбургскими коммерсантами осуществлялась как в местных филиалах российских фирм, так и в российских столицах. Многие екатеринбургские торговцы часто посещали Москву и Петербург, где совершали закупки французских товаров как мелким, так и крупным оптом.

1 Островский Н.С. К вопросу о железных дорогах в Сибири. Пермь, 1880. С.114.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на увеличение потока французских товаров, стал экономический кризис, имевший место на рубеже XIX–XX вв., который сменился затяжной депрессией, длившейся до 1909–1910 гг. На Урале кризис и депрессия протекали несколько иначе, нежели в центральной части Российской империи. Собственно говоря, до Урала кризис докатился несколько позже, а потому и депрессия затянулась на больший срок. Наиболее серьезно кризис и депрессия коснулись металлургической промышленности Урала, следствием чего стало значительное снижение покупательной способности горнозаводского населения. Для Екатеринбурга подобное снижение аукнулось существенным понижением объема реализуемой продукции, так как большинство местных торговцев, помимо розничной, вело оптовую торговлю, рассчитанную на коммерсантов из горнозаводских поселков. Прямым следствием кризиса стало разорение ряда торговых фирм Екатеринбурга и увеличение деловой активности других коммерсантов, взявшихся за расширение ассортимента своих товаров. Немалая часть новых товаров, непривычных для Екатеринбурга, имела французское происхождение.

К сожалению, подкрепить все вышеизложенное статистическим материалом почти невозможно, поскольку, как уже говорилось выше, большая часть деловой документации екатеринбургских филиалов и местных фирм была почти полностью уничтожена во время Гражданской войны и в последующие десятилетия. В силу этого обстоятельства приходится ориентироваться в основном на рекламные объявления, которые в изобилии печатались в средствах массовой информации, а также в различных справочниках. Благодаря этим, довольно специфическим, источникам можно представить следующую картину. На рубеже XIX–XIX вв. Франция поставляла на екатеринбургский рынок бакалейные, галантерейные, гастрономические, медицинские и парфюмерные товары. Довольно широко на уральском рынке были представлены образцы печатной продукции, в том числе книги, журналы, особенно журналы, а также открытки.

Медицинские товары французского производства продавались в основном в аптеках и аптекарских магазинах, а также в екатеринбургском филиале Русского общества торговли аптекарскими товарами. Наиболее широкий ассортимент имелся на складе филиала Русского общества торговли аптекарскими товарами, где было немало количество французских медикаментов и инструментов. Кроме того, в этом филиале почти всегда были в наличии французские чернослив и уксус. В аптеках и аптекарских магазинах подобный товар также имелся, причем порой

весьма специфический, о чем свидетельствует нижеследующее рекламное объявление: «Покровский аптекарский магазин. Французский и американский резиновый товар. От 1 рубля 20 копеек до 6 рублей дюжина. Дамские предохранительные шарики и кольца»².

Гораздо больший ассортимент и более значительный объем продаваемой продукции был характерен для галантерейных заведений, а также для магазинов, торгующих тканями, готовой одеждой, шляпами и модными аксессуарами. В подобных магазинах не были редкими французские ткани, особенно линобатист, трико и сукно. Время от времени в прессе появлялись подобные объявления: «К осеннему и зимнему сезону получен большой выбор суконных товаров русских, французских и английских фабрик. Прием заказов специально мужского платья и форм. Большой выбор меховых товаров. В магазине П. Флоринский и Ко. Угол Покровского проспекта и Пушкинской улицы»³.

Кроме того, в екатеринбургских магазинах периодически продавались бархатные ковры из Франции, с которыми соседствовали французские обои и зеркала. К подобному типу торговых заведений близко стоят всевозможные мастерские, занимавшиеся изготовлением одежды и обуви. Нередко даже в названиях таких торговых заведений имелся французский след. Так, один из магазинов именовался «Парижским шиком», а одно из заведений, занимавшихся пошивом одежды и белья, пышно называлось «Французская мастерская Мольс». Екатеринбургцам было прекрасно известно, что это не более чем рекламный трюк, так как вышеупомянутая Луиза Мольс была бельгийской подданной.

И магазины, и мастерские наперебой предлагали французские изделия или товары, изготовленные по французскому образцу. Например, модно-галантерейный магазин К.И. Волкова в 1910 г. широко рекламировал модные женские воротники «Мария-Антуанетта». В большинстве случаев мастерские работали по французским моделям и выкройкам, которые, как правило, брались из различных журналов. В некоторых случаях екатеринбургские предприниматели применяли другие приемы. Владелец фабрики и белошвейного магазина Г.Б. Перетц часто посещал Париж, Берлин, Вену и привозил оттуда модели, по которым шилось белье в его мастерских. Время от времени коммерсант сообщал своим потребителям следующее: «Имею честь известить, что ныне в ноябре месяце мной привезены из Вены, Берлина, Парижа и Лондона модели блузок, юбок, детских платьев, фартуков, белья, жабо и разного другого

2 Уральская жизнь. 1908. 19 янв. С.4.

3 Уральская жизнь. 1900. 1 окт. С.1.

конфекциона, по которым изготовил и продолжаю изготавливать точные копии, причем нашел возможным продавать их дешевле, чем продаются таковые за границей, например, в магазинах: Брауна, в Вене, Вертчейм в Берлине и других. Генрих Перетц»⁴.

Не отставали от Г.Б. Перетца и другие торговцы. Некоторые из них не только привозили товары непосредственно из Франции, но и отправляли своих служащих стажироваться у французских мастеров. Следы подобной практики можно обнаружить в следующем рекламном объявлении: «Варшавская фабрика шляп П.Б. Кушелевского сим извещает господ покупателей, что с 20 августа приготовлен к осеннему сезону большой выбор дамских шляп, привезенных лично моей старшей мастерицей, практиковавшейся 8 месяцев в Париже и работавшей на Парижской выставке (1900 г. — В.М.). Имеются очень изящные модели в настоящем французском вкусе»⁵. К этому стоит добавить, что П.Б. Кушелевский успешно торговал шляпами не только в Екатеринбурге, но и в Перми и на Ирбитской ярмарке.

Ссылка на парижские моды встречается во многих объявлениях. Так, в 1902 г. открылся новый магазин, владелица которого тут же сообщила потенциальным клиентам: «С 9 апреля сего года открыт магазин дамских шляп А.И. Русановой, Успенская улица № 23. Дамские и детские шляпы, готовые и на заказ, а также цветы, ленты, кружева, корсеты и другие в отделке последних парижских мод и новостей»⁶. Летом того же года порадовал екатеринбуржцев торговец А.Р. Кронгольд, сообщивший, что «... к настоящему летнему сезону получен большой выбор дамских и детских шляп последних парижских модных фасонов»⁷. Словосочетания «последние парижские фасоны» и «последние парижские модели» встречаются так часто, что их можно признать неотъемлемой частью рекламной практики. Стоит отметить, что далеко не всегда они относились к одежде и белью. Так, Е.Т. Нарицина занималась в своей мастерской изготовлением искусственных цветов, причем делала она это, разумеется, «по последним парижским моделям»⁸.

В большинстве случаев екатеринбургские предприниматели получали французские товары через посредников, в качестве которых в основном выступали варшавские, московские и петербургские коммерсанты. В гораздо меньшей степени екатеринбуржцы закупали товары

4 Уральский край. 1909. 19 дек. С.4.

5 Уральская жизнь. 1900. 14 сент. С.2.

6 Уральская жизнь. 1902. 21 апр. С.1.

7 Уральская жизнь. 1902. 3 июля. С.4.

8 Урал. 1903. 3 янв. С.4.

непосредственно во Франции, причем ставка делалась на приобретение моделей, служивших образцами для местного производства. Известны, однако, случаи, когда екатеринбургские торговцы заключали договора с французскими производителями модных товаров. Так, торговый дом «Братья Агафуровы» имел соглашение с Королевской корсетной мануфактурой, принадлежавшей фирме П. Дютуа и Ко. В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится две упаковки для корсетов, изготовленных вышеупомянутой фирмой, причем на одной из них имеется надпечатка «по заказу торгового дома «Братья Агафуровы в Екатеринбурге».

Вполне возможно, что братья Агафуровы имели непосредственные отношения с французскими производителями парфюмерии и косметики, которая в России была в большом ходу. Так или иначе, но в магазинах Агафуровых, равно как и в других торговых заведениях Екатеринбурга, постоянно продавалась всевозможная французская косметика и парфюмерия. В частности, у Агафуровых всегда можно было купить духи французских фабрик «Пино», «Пивер», «Убиган», «Коти» и ряда других.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что предложение французских товаров на екатеринбургском рынке постепенно увеличивалось. Прежде всего, это стоит отнести к тканям, белью, готовой одежде, а также парфюмерным и косметическим изделиям. Аналогичная картина наблюдалась и в области торговли бакалейными и гастрономическими товарами и некоторыми спиртными напитками. Екатеринбургские коммерсанты, особенно из числа владельцев гастрономов, ренсковых погребов, буфетов и ресторанов, проявляли устойчивый интерес к данной продукции, прекрасно зная, что французские шампанское и коньяк всегда найдут путь к сердцу местного потребителя.

Для ренсковых погребов, буфетов и ресторанов французские коньяк и шампанское были неотъемлемым атрибутом. Так, екатеринбургский купец Мефодий Топорищев предлагал потребителям шампанское «Мумм», «Клико» и «Помери», торговец, Иван Ермолаев всюду рекламировал французские вина, в том числе «Медок». На распродаже в магазине С.В. Атаманова фигурировали вина различных французских фирм, в том числе Депре: Сотерн, Серон, Преньяк, Грав, Шато-Икем, Медок, Сен-Жульен, Шато-Лафит, Марго, Ниои, Манон, Божоле, Монрааше и Шабли. В другом случае Сергей Атаманов рекомендовал своим покупателям изделия фирмы Луи Редерера. Еще один екатеринбургский купец некоторое время торговал бордосскими винами фирмы братьев Фор.

Екатеринбургские виноторговцы, являвшиеся, как правило, и вла-

дельцами бакалейных магазинов и гастрономов, в эпоху кризиса и последующей депрессии приложили руку к появлению на екатеринбургском рынке ряда новых товаров, имеющих французское происхождение. Так, бакалейщики Кронгольд и Топорищев усиленно предлагали покупателям французские сардины, торговый дом «Парфенов и Новиков» завлекал потребителей французскими прунелью и черносливом. Предприимчивый Мефодий Топорищев не забыл запастись французскими сырами, в том числе таких известных сортов, как «Бри», «Камамбер», «Невшатель». Французский след есть в нижеследующем рекламном объявлении: «Получены в большом выборе французские и крымские яблоки, а именно Наполеон, розмарин, золотое семечко, Бисмарк»⁹.

Львиная доля вин, коньяков и гастрономических товаров французского производства предназначалась зажиточным слоям екатеринбургского населения. Это обуславливалось относительно высокой ценой французских товаров. Например, небольшие банки французских сардин продавались по 15 копеек, а стоимость более крупных емкостей с этим лакомством доходила до 1 рубля 10 копеек. Последняя цена зачастую превышала однодневный заработок многих горожан.

На рубеже XIX–XX вв. торговлю французскими товарами производили еще несколько групп торгово-промышленных заведений. В частности, такую коммерческую деятельность вели екатеринбургские типографии и книжные магазины, которые постоянно продавали несколько сортов французской бумаги, в том числе папиросную, а также поздравительные книги и открытки, французскую специальную и художественную литературу. Например, магазин купца Василия Бабинова в 1898 г. рекламировал новые французские романы, а несколькими годами позже владелица двух екатеринбургских книжных магазинов Валентина Блохина завлекала покупателей французскими книжками под елку и французскими же художественными открытками. Конкуренцию вышеупомянутым предпринимателям составляли владельцы типографий, занимавшиеся реализацией бумаги, визитных и поздравительных карточек. Так, один из подобных коммерсантов в январе 1897 г. объявил через прессу: «Визитные и поздравительные карточки получены из Парижа в типографии В.Н. Алексеева»¹⁰.

Немалый вклад в наполнение екатеринбургского рынка французскими книгами внесла железная дорога. Практически на всех крупных железнодорожных станциях имелись книжные киоски или книжные витрины,

9 Уральский край. 1909. 15 дек. С.4.

10 Деловой корреспондент. 1897. 1 янв. С.1.

которые вели бойкую торговлю. Так, в 1905 г. на станции «Екатеринбург I» имелись в продаже книги на русском языке 12 иностранных авторов, среди которых видное место занимал Мопассан. Кроме того, в книжной витрине станции было немало книг на французском языке, в том числе таких авторов, как Флери, Денли, Лоарн, Маргелит, Ментегаз и др.¹¹

На рубеже XIX–XX вв. на екатеринбургский рынок стали поступать французские изделия, которые предназначались как любителям музыки и фотографии, так и владельцам фотомастерских, фотомагазинов и кинотеатров. В прессе все чаще встречались такие объявления: «Новость!!! Новость!!! Получены из Парижа ново-фонографы Пате и пластинки к ним. Продаются недорого в посудно-ламповом магазине А.Ф. Кузнецова в Екатеринбурге»¹². Кроме вышеупомянутых фонографов в Екатеринбурге большим спросом пользовались фотоаппараты, граммофоны и патефоны, а также кинопроекторы, немалая часть из которых имела французское происхождение. Некоторые екатеринбургские торговцы установили прямые отношения с французскими производителями. Так, владелец фотомастерской и крупного фотомагазина Вениамин Метенков поддерживал тесные связи с фирмой братьев Пате.

В начале XX в. тенденция укрепления связей с французскими производителями еще более усилилась. В немалой степени это было связано с победным шествием по уральской земле синематографа. Последнее обстоятельство нашло отражение в появлении сначала передвижных кинотеатров, которые вскоре уступили место постоянным кинозалам. Французы внесли большой вклад в торжество синематографа в Екатеринбурге. В 1903 г. екатеринбуржцы были ошеломлены большим рекламным объявлением: «В понедельник 26 мая в 8 ½ часов вечера последняя новость в первый раз в здешнем городе движущийся цветной электро-сине-фототеатр Парижского товарищества Ж. и В. Дерсэ даст одно представление по особой, здесь невиданной, программе, состоящей из трех отделений в 90 поражающих сюжетов, представляя при помощи усовершенствованных аппаратов движущийся во весь рост живой фотографии в красках. Представлены будут в красках живые изображения в натуральную величину удивительнейших, феерических превращений, исполняемых первоклассными артистами и артистками Парижских театров, цирков и кафе-шантанов, самыми лучшими в мире иллюзионистами и трансформаторами, танцорами и акробатами и другими; с полной иллюзией действительной жизни и непрерывного явления на

11 Урал. 1905. 26 авг. С.1.

12 Урал. 1905. 4 янв. С.4.

экране, воспроизведя с полной точностью все главные чудеса и редкости Парижской Всемирной выставки 1900 г.

Кроме Парижской выставки демонстрированы будут также главные великие международные события последнего времени, как-то: величайший в мире военный парад в Бетэне (во Франции), в котором участвовали 150 000 французских войск всех родов оружия (8–21 сентября 1901 года), а также торжество в Петербурге в честь президента Эмиля Лубе 7, 8, 9 и 10 мая 1902 года, величайшие похороны Эмиля Золя в Париже, страшная катастрофа на острове Мартинике, где от извержения вулкана погибли 7000 человек и разрушен весь город Сен-Пьеро. Масса юмористических и жанровых сюжетов с громадной обстановкой, поражающей зрителя»¹³. Руководил невиданным зрелищем французский гражданин Ж. Дерсэн.

Почти одновременно с Дерсэнами в Екатеринбурге появились представители других французских фирм, в том числе Люмьера и братьев Пате. В 1906 г. Екатеринбург посетил Л. Нойе, являвшийся российским представителем фирмы «Люмьер». Л. Нойе организовал в городе и его окрестностях ряд киносеансов, вызвавших большой интерес публики. В 1907 г. в Екатеринбурге появился некий Жак Но, который также развлекал горожан киносеансами. Под влиянием успеха французских коммерсантов местные предприниматели создали ряд постоянных кинотеатров, которые стали заказчиками не только французских фильмов, но и кинопроекторных установок.

В начале XX в. наряду с фонографами, патефонами и кинопроекторами в Екатеринбург стала проникать продукция французской автомобильной промышленности. В 1901 г. мадам Ольга Козловская открыла в столице Урала представительство французских заводов «Клеман-Гладиатор и Ко». Предприимчивая женщина энергично предлагала горожанам автомобили, моторы и велосипеды, но дело у нее, вероятно, не пошло, так как вышеуказанное представительство вскоре закрылось. Однако у Ольги Козловской нашлись продолжатели. Предприниматель Рихард Штроль также попытался организовать торговлю легковыми автомобилями и мотоциклетами, в том числе и французскими. 7 мая 1903 г. пресса уведомила горожан: «На этих днях на улицах Екатеринбурга появится впервые автомобиль или самодвижущийся экипаж значительных размеров, силой мотора в восемь лошадей, выписанный из-за границы одним местным спортсменом. Кроме того, другим лицом выписан с мотором двух сил велосипед»¹⁴. Вскоре пресса сообщила: «На улицах города впер-

¹³ Уральская жизнь. 1903. 26 мая. С.1.

¹⁴ Урал. 1903. 7 мая. С.3.

вые появились механические экипажи, приобретенные двумя лицами, из которых один — большой четырехместный экипаж с мотором в 8 л.с., а другой — двухместный велосипед с двигателем в две силы»¹⁵.

Имели ли вышеупомянутые средства передвижения французское происхождение, точно неизвестно, однако нет никакого сомнения в том, что в последующие годы французские автомобили и мотоциклетки появились на улицах Екатеринбурга. Тот же Рихард Штроль в разные годы предлагал покупателям французский автомобиль «Даррак» мощностью в 40 л.с. и мотоциклетку фирмы «Пежо» мощностью в 2 ³/₄ л.с. Рекламируя данные средства передвижения, Р.Р. Штроль регулярно проводил рекламные автопробеги, катая на автомобилях родных и знакомых. Кроме того, он организовал прокат легковых автомобилей, которые затем поступали в продажу. Косвенно об этом свидетельствует нижеследующее объявление: «Автомобиль сильный и шикарный шестиместный парижской фабрики, почти новый продается у Р. Штроль»¹⁶. Последнее рекламное объявление увидело свет в 1916 г., то есть во время мировой войны, существенно осложнившей торговые связи между Уралом и Францией.

В целом, можно резюмировать, что объем и разнообразие французских товаров, поступавших на екатеринбургский рынок на рубеже XIX–XX вв., заметно возросли. Увеличение притока французских товаров положительно сказалось на развитии торгово-промышленной сферы Екатеринбурга. Данный процесс не только позволил расширить торговый потенциал столицы Урала, но и помог екатеринбургским коммерсантам осуществить ряд новых бизнес-проектов, в том числе основать большую группу модных магазинов, фотомастерских и кинотеатров.

15 Урал. 1903. 7 июня. С.3

16 Уральская жизнь. 1916. 9 янв. С.4.

Шнейдер-Крезо и Пермский пушечный завод: попытки французской фирмы закрепиться на Урале¹

Георгий Шумкин

В начале XX в. в военной промышленности России важное место занимали казенные горные заводы. На их долю приходилось 15–25% общей стоимости заказов армии и флота и около половины заказов на артиллерийские орудия и снаряды. Особую роль играл Пермский пушечный завод (Мотовилихинский), являвшийся крупнейшим предприятием в системе государственного горнозаводского хозяйства. На его долю приходилось 28% всей продукции и 50% военной продукции казенных горных заводов Урала. Пермский завод являлся крупнейшим в России предприятием по производству артиллерийских снарядов (здесь изготавливались снаряды всех типов и калибров) и третьим после Обуховского и Путиловского заводов предприятием по производству артиллерийских орудий. Он специализировался на производстве пушек, мортир и гаубиц среднего (107–203 мм) и малого (37–76 мм) калибра для сухопутной артиллерии. Существенным преимуществом Пермского завода, в сравнении с расположенными в Петербурге Обуховским и Путиловским, считалась его удаленность от границ, неуязвимость для возможных противников.

Накануне Первой мировой войны правительство предприняло попытку провести комплексную реконструкцию военного производства на казенных горных заводах. В декабре 1910 г. Совет министров постановил оставить в системе государственного горнозаводского хозяйства «лишь заводы, изготавливающие предметы государственной обороны». Военное

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (Грант для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-5236.2010.6).

и Морское ведомства должны были предоставить в горный департамент сведения о заказах на ближайшие 10 лет, в соответствии с которыми должны были быть выработаны «подробные предположения» о переоборудовании заводов².

Летом 1911 г. сведения о заказах на вооружение на предстоящее десятилетие были направлены в горный департамент. Согласно этим сведениям военное министерство в течение 10 лет планировало заказать на 10 965 тыс. руб. артиллерийских орудий, на 54 918,6 тыс. руб. снарядов, на 2990 тыс. руб. чугуна и стали, на 9,8 млн. руб. холодного оружия и шанцевого инструмента. Морское министерство — снарядов на 65 049 тыс. руб., металла на 22 596 тыс. руб., а также на 22 800 тыс. руб. 14-дюймовых (356 мм) дальнобойных пушек для линейных крейсеров типа «Измаил» (120 штук). Тогда орудий такой мощности не имел на своем вооружении ни один флот мира. Всего оба ведомства в течение 10 лет планировали разместить заказов на 189 418 тыс. руб.³

На основании этих сведений осенью 1911 — зимой 1912 г. совещание под председательством министра торговли и промышленности С.И. Тимашева составило план реконструкции казенных горных заводов стоимостью в 10,6 млн. руб. После его реализации заводы должны были ежегодно выполнять 1/10 тех заказов, сведения о которых были переданы в горный департамент, т.е. выпускать на 2280 тыс. руб. крупнокалиберных орудий, на 1096,5 тыс. руб. орудий средних и малых калибров, на 12 026,7 тыс. руб. снарядов, на 980 тыс. руб. холодного оружия и шанцевого инструмента, на 2558,6 тыс. руб. чугуна и стали. Всего на 18 млн. 941,8 тыс. руб.⁴

По этому плану в Мотовилихе предполагалось организовать принципиально новое производство — создать отделение 14-дюймовых дальнобойных пушек для линкоров. По сложившейся традиции орудия для флота изготовлялись на Обуховском заводе. Экономически производство крупнокалиберных орудий было выгоднее по-прежнему развивать на Обуховском заводе, но в «интересах обороны» признали за лучшее «иметь два завода» — Обуховский и Пермский: во-первых, «в смысле большей безопасности Пермского завода от неприятельских воздействий», во-вторых, «для полезного в подобных случаях технического соревнования» и, в-третьих, «в видах большей вероятности исполнения заказов». Стоимость отделения крупнокалиберных орудий с ежегодной производительностью 12

2 Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 г. М., 2000. С. 416.

3 РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 432-435.

4 Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. — 1914. М., 1992. С. 499.

шт. 14-дюймовых пушек и возможностью выпуска орудий 18-дюймового (457 мм) калибра была определена в 5212 тыс. руб.

Этот план реконструкции не учитывал интересов заказчиков — традиционную для армии и флота политику распределения заказов между независимыми друг от друга исполнителями. Чиновники Морского министерства на словах готовы были предоставить все те заказы, сведения о которых были представлены горному департаменту, но вполне резонно полагали, что с учетом того времени, которое необходимо для проведения реконструкции, заводы были не в состоянии выполнить весь объем заказов. По их расчетам, Пермский завод не мог за 10 лет изготовить 120 14-дюймовых пушек. Четыре года у него должно было уйти на строительство отделения. В оставшиеся шесть лет (начиная с 1915 г.) завод, ежегодно выпуская по 12 пушек, смог бы изготовить 72 орудия. Но к этому времени острая потребность флота в 14-дюймовых пушках должна была бы миновать, программа «успешного усиления Балтийского флота» должна была быть уже выполнена⁵. Поэтому моряки не могли надеяться на мощности Мотовилихи. А поскольку в России иных заводов (исключая Обуховский), способных изготавливать орудия крупного калибра, не было, было решено обратиться к иностранным фирмам. Весной 1912 г. сведения о предстоящих крупных заказах на артиллерию были переданы крупнейшим в мире производителям артиллерийских орудий — английским фирмам Виккерс и Армстронг-Витворт, германской Крупп и французской Шнейдер-Крезо.

Клету 1912 г. от Виккерса и Крезо поступили предложения выполнить заказы на крупнокалиберные пушки и снаряды. Два других возможных претендента на военные заказы — Крупп и Армстронг — со своими предложениями опоздали. В декабре 1912 г., уже после того как вопрос был решен, Крупп предложил войти в соглашение с каким-нибудь русским заводом, а Армстронг в марте 1913 г. предложил построить в Воткинске орудийный завод, но с условием, что болванки для пушек будут ввозиться из Англии⁶.

Интересы Крезо представляла «Русская группа для эксплуатации Пермского завода». В нее вошли представители крупнейших банков России: председатель правления Русско-азиатского банка А.И. Путилов, вице-председатель того же банка М.Э. Верстрат, председатель правления Сибирского торгового банка Э.К. Груббе и председатель Русского торгово-промышленного банка В.П. Зуров. В июле 1912 г. они обратились в Совет

5 РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 546-547.

6 Там же. Л. 670, 739.

министров с предложением сдать им в аренду на 20 лет Пермский завод. «Группа» планировала за два года провести его реконструкцию и в срок изготовить орудия по цене 186 тыс. руб.⁷

Виккерс в России представляло «Русское акционерное общество артиллерийских заводов» (РАОАЗ). РАОАЗ предлагало построить за 25 месяцев новый «хорошо и широко оборудованный завод», который мог бы начать выпуск пушек по 190 тыс. руб.

На бумаге предложение Крезю выглядело более выгодным, однако решение было принято в пользу Виккерса. Во-первых, производство орудий крупных калибров на предприятиях Крезю находилось еще в зачаточном состоянии, а Виккерс имел уже большой опыт в этом деле, который можно было бы перенять. Во-вторых, Виккерс, в отличие от Крезю, имевшего соглашение с Путиловским заводом, не был связан договорами с частными русскими компаниями. Благодаря соглашению с Крезю частный Путиловский завод, ранее не изготавливавший артиллерийских систем, за первое десятилетие XX в. смог оттеснить государственные Пермский и Обуховский заводы и стать лидером в производстве орудий для армии. Если бы состоялась передача Пермского завода в аренду Крезю, военное министерство оказалось бы в прямой зависимости от иностранной частной компании.

29 ноября 1912 г. Совет министров, рассмотрев вопрос об участии иностранных фирм в выполнении военных программ, признал, что «изъятие Пермских пушечных заводов из казенного заведования с передачей их в эксплуатацию частной акционерной компании должно быть признано нежелательным и даже вредным», и дал принципиальное согласие на постройку РАОАЗ частного оружейного завода в г. Царицыне⁸. Контракт с РАОАЗ был заключен 7 сентября 1913 г.⁹

Переговоры с иностранными фирмами затянули сроки утверждения плана реконструкции казенных горных заводов. На том же заседании 29 ноября 1912 г. Совет министров одобрил план реконструкции казенных горных заводов. Николай II утвердил его 14 декабря 1912 г., а Дума и Государственный совет приняли соответствующий законопроект только 23 июня 1913 г. К этому времени все заказы на 12- и 14-дюймовые пушки были распределены между Обуховским заводом, Виккерсом и еще не существующим заводом РАОАЗ в Царицыне. Но российский флот озаботился постройкой

7 РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 584; РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 113. Л. 2; Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 260.

8 РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 590–593, 605, 670, 739, 1000; Вяткин М.П. Указ. соч. С. 262–263.

9 Поликарпов В.В. Виккерс на Волге (1913–1917 гг.) // Вопросы истории. 1995. №7. С. 124.

линкоров, вооруженных мощнейшими 16-дюймовыми орудиями. Морской министр И.К. Григорович распорядился переоборудовать Обуховский завод для производства 16-дюймовых орудий. Соответствующее требование было включено в договор с РАОАЗ. В сентябре 1913 г. Морское министерство рекомендовало горному департаменту строить отделение крупнокалиберных пушек в Мотовилихе под выпуск таких же пушек¹⁰.

Таким образом, Пермский завод, фактически не имевший навыков производства корабельных орудий главного калибра (печальный опыт 20–40-летней давности, когда была отлита 20-дюймовая чугунная «царь-пушка», сразу устаревшая и ставшая памятником самой себе, и когда в течение 15 лет строили десять 11-дюймовых чугунных пушек и 18 (!) лет одну стальную пушку того же калибра для береговой обороны, можно не принимать в расчет), должен был освоить производство орудий такой мощности, которых в это время не проектировало и не могло изготовить ни одно предприятие в мире. Только после Первой мировой войны появились сверхдальноулы с орудиями 16-дюймового калибра (американские линкоры типа «Колорадо»).

Поэтому при реконструкции Пермского завода было решено обратиться за помощью к иностранной фирме. За вознаграждение в 375 тыс. руб. она должна была разработать детальный проект всех устройств и сооружений, «из коих многие являются запатентованными», построить их и «в качестве гарантии пригодности и целесообразности всех устанавливаемых по проекту устройств» изготовить на этом оборудовании две пушки «наивысшего калибра, который в то время будет существовать» и пять термически обработанных комплектов поковок¹¹.

Приглашение к сотрудничеству было разослано фирмам: Крупп, Шнейдер-Крезо, Сен-Шамон, Армстронг и Виккерс. К 1 ноября 1913 г. они должны были представить три проекта: проект отделения крупнокалиберных орудий ежегодной производительностью 12-18 пушек, проект производства крупнокалиберных снарядов с ежегодным выпуском 4700 12–14-дюймовых снарядов и проект расширения полигона. Проект отделения крупнокалиберных орудий должен был быть представлен в двух вариантах: на 12–14-дюймовые и на 16-дюймовые пушки¹².

На предложение откликнулись французские фирмы Сен-Шамон, Шнейдер-Крезо и английские Армстронг и Виккерс. Фирма Круппа ответа не дала.

10 Шацилло К.Ф. Указ. соч. М., 1992. С. 98.

11 ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1050. Л. 137-138, 142.

12 ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1054. Л. 2., 5.

В конце 1913 г. проекты фирм были рассмотрены междуведомственным совещанием. Проект Виккерса был сразу отклонен как слишком схематичный. Затем «не отвечающим заданиям» был признан проект Сен-Шамон. Проект Шнейдера не содержал обязательства выполнять заказы по сметным ценам и предусматривал изготовление вместо 12 только 7-8 штук 14—16-дюймовых пушек. Его решили включить в конкурс только в том случае, если была бы достигнута предварительная договоренность с фирмой Армстронг.

Лучшим оказался проект Армстронга. Во-первых, эта фирма сама выпускала оборудование для производства артиллерийских орудий. Во-вторых, в ее проекте была запланирована установка более мощного оборудования, чем оговаривалось техническими условиями. Например, вместо молота в 3 тыс. тонн, рассчитанного на производство 12-дюймовых орудий, Армстронг запланировал молот в 7 тыс. тонн. Но проект не содержал гарантий производства орудий в срок и в требуемом количестве. Поэтому, если бы выбор был сделан в пользу Армстронга, решено было потребовать от него денежной гарантии, исключения обязательства казны обеспечить завод рабочими и поторговаться о цене. Если бы фирма отказалась выполнять эти условия, было решено строить завод собственными силами, а ее привлечь только для технического содействия¹³. Однако средств, выделенных на строительство отделения 14-дюймовых пушек, не хватало для отделения 16-дюймовых пушек. Поэтому было решено отделение строить в две очереди: вначале возводить оборудование для производства 12- и 14-дюймовых пушек, а затем — для 16-дюймовых пушек. При этом стоимость строительства возрастала на 6,4 млн. руб. (27 февраля 1914 г. Совет министров одобрит план дополнительных ассигнований, законопроект о дополнительном кредите будет внесен на рассмотрение Государственной Думы 23 мая, но Дума, не успев его рассмотреть, уйдет на летние каникулы, а в августе начнется война¹⁴.)

Организацию производства крупнокалиберных снарядов было решено осуществлять собственными силами. Вопрос о полигоне был отложен на будущее. Отдельным пунктом совещание рассмотрело вопрос о рабочих кадрах. Было решено «изыскать средства удержать хороших рабочих и к привлечению новых» для выполнения таких сложных операций, как внутренняя обточка орудий¹⁵.

13 РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 111. Л. 3 об., 6-8; Д. 117. Л. 6-7.

14 Государственная дума. Созыв IV. Сессия 2. Указатель к стенографическим отчетам. Пг., 1914. С.506.

15 РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 117. Л. 2.

Таким образом, вопрос об участии иностранной фирмы в реконструкции Пермского завода был сведен к вопросу о степени привлечения фирмы Армстронга к проектированию и строительству отделения дальнобойных орудий.

Однако в начале 1914 г. в это дело вмешалась большая политика. После того как в 1912 г. Шнейдер-Крезо проиграл конкурс Виккерсу, во Франции, считали «делом чести» добиться права переоборудовать Пермский завод. В борьбе с англичанами французская фирма призвала на помощь дипломатов. В конце 1913 г. посол Франции Т. Делькассе, в беседе с председателем Совета министров России В.Н. Коковцовым, увязал вопрос об увеличении железнодорожного займа с уступкой требованиям французских промышленников, в частности, в деле переоборудования Пермского завода.

В январе 1914 г., еще раз сравнив проекты Армстронга и Шнейдер-Крезо, междуведомственное совещание пришло к заключению, что «составление подробного проекта оборудования отдела дальнобойных пушек на Пермских заводах и поставку всех необходимых для того устройств и приспособлений являлось бы наиболее целесообразным и соответствующим интересам казны поручить фирмам «Армстронг, Витворт и Ко».

В феврале в Россию прибыл новый посол Франции М. Палеолог. Он, по словам В.И. Бовыкина, сразу начал «поистине кавалерийскую атаку на правящую верхушку Петербурга», обращаясь поочередно к Николаю II, министру финансов П.Л. Барку, военному министру В.А. Сухомлинову, морскому министру И.К. Григоровичу, министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву, министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Под давлением М. Палеолога многие члены Совета министров начали склоняться к мысли о том, что отказ в удовлетворении настоятельных просьб французов может привести к весьма неприятным экономическим и политическим последствиям.

27 февраля 1914 г. состоялось заседание Совета министров, посвященное вопросу переоборудования Пермских заводов. Под давлением Сазонова было решено при равноценных технических условиях отдать предпочтение Шнейдер-Крезо. Однако, когда первоначальный проект Особого журнала был разослан для окончательной редакции участникам заседания, выяснилось, что их мнения настолько противоречивы, что без повторного рассмотрения вопроса невозможно добиться согласованного решения.

Представитель фирмы Шнейдер-Крезо в Петербурге, не уверенный в благополучном решении, обратился с письмом к министру торговли и промышленности Тимашеву, в котором говорилось: «я считаю своим

долгом подтвердить Вашему превосходительству, что гг. Шнейдер и Ко безоговорочно принимают условия, выдвинутые Советом».

6 марта Совет министров еще раз рассмотрел вопрос о переоборудовании Пермского завода, еще раз было отмечено, что и с технической точки зрения, и в финансовом отношении предложения Армстронга представлялись более выгодными, чем условия Шнейдер-Крезо. Но под давлением министра иностранных дел С. Д. Сазонова, опасавшегося за перспективы получения кредита во Франции, решение было принято в пользу фирмы Шнейдер-Крезо. Ее обязали принять те технические условия, которые были заявлены фирмой Армстронга. Кроме того, перед ней был поставлен ряд дополнительных условий: Пермский завод должен быть оборудован станками лучших фирм; его производительность, по завершении работ первой очереди, должна быть не менее 12 орудий 14-дюймового калибра в год; конструкция мотовилихинских орудий должна была давать возможность применения к ним затворов Виккерса. В случае невыполнения данных условий фирме грозили штрафные санкции¹⁶. Шнейдер-Крезо поспешила принять все предъявленные условия, не представляя масштабов предстоящих работ.

31 марта на завод прибыли представители Шнейдер-Крезо Перрен и Карпетов. Из общения с ними у администарции завода осталось весьма неприятное впечатление. Они не имели представлений ни о кранах, которые надо поставить в зданиях, ни о размерах самих зданий, ни о специальном оборудовании для изготовления орудийных затворов. Единственно, что выяснилось в результате их командировки, так это то, что потребуется в два раза больше станков, чем было первоначально запланировано (не 14, а 28), и значительно больше денег на оборудование.

Инженеры вернулись во Францию, пообещав за месяц разработать окончательные проекты зданий и оборудования¹⁷. Весной 1914 г. был подготовлен новый договор, в большей степени соответствующий возможностям фирмы Шнейдер-Крезо. 5 и 9 июня он был рассмотрен на междуправительственном совещании и 11 июля одобрен Советом министров¹⁸. Через три дня, 15 июля, наследник Австро-Венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд был убит, а 19 июля Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война, во время которой идея выпускать крупнокалиберные орудия для флота на Урале утратила актуальность.

16 Бovyкин В. И. Из истории проникновения иностранного капитала в Россию («Пермское дело») // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1957. №1. С. 69–73.

17 ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1054. Л. 118.

18 РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 269. Л. 20, 73–74, 202, 231, 232.

Французы в Зауралье на рубеже XIX и XX вв. Фрагменты исторической мозаики

Николь Бельская

Исторические хроники сообщают о появлении первых иностранцев в бывшей Tobольской губернии, ныне на территории юга Тюменской области, уже в XVIII в.: в середине столетия из 555 служилых людей Tobольска 170 были иностранцами. Их национальную принадлежность вряд ли можно установить — для россиян они были «немцами» — не умеющими говорить по-русски¹. Русско-французские коммерческие связи в XVIII в. развивались довольно сложно. «Первый полноценный русско-французский торговый договор был заключен лишь в 1787 г., а в 1760-е гг. на торговлю с Францией у России приходилось всего 0,4% общего торгового оборота, — пишет Д. Лиштенан из Национального центра научных исследований (Сорбонна, Париж-4). — Это, впрочем, отнюдь не означало, что русские не торговали с французами, просто торговля эта осуществлялась не напрямую, а через Голландию, которой посредническая миссия приносила немалые выгоды»².

Французов на Урал и в Сибирь в основном привлекали интересы бизнеса, но массового «семейного» характера, как у немцев или англичан, создававших целые династии коммерсантов и промышленников, он никогда не имел. «По данным однодневной переписи Tobольска, проходившей 11 апреля 1882 г., в городе проживало кроме русских 77 немцев,

- 1 Черказьянова И.В. Англичане в Сибири и о Сибири // *Философский век: альманах / Отв. ред.: Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб, 2002. Вып. 19, ч. 1: Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики. С. 225.*
- 2 Цит. по: Мильчина В. Французские варвары, русские парижане и еврейские гаучо // *Новое литературное обозрение. 2008. № 5(93). С. 404-419.*

15 латышей, 11 литвинов, 4 чухонцев, 3 шведов и 5 датчан»³. В Биографическом словаре Тобольска, охватывающем практически весь XIX в., как ни странно, нет ни одной французской фамилии. Вторую по численности группу, наверное, составляют разного рода ученые и путешественники. Значимые события в истории разного времени были связаны не столько с французами, сколько с представителями старых французских династий, поселившихся в России еще раньше, в XVIII в. И, наконец, были просто люди, которых в эти земли завели ниточки судьбы, чьи имена мы по счастливой случайности можем найти и прочесть. Эта статья представит вниманию читателя фрагменты исследований выдающихся современных краеведов-историков нашего края — В.Е. Копылова и Ю.Л. Мандрики. За историческими справками — наша живая история.

Виктор Ефимович Копылов, доктор технических наук, профессор, директор научно-исследовательского института истории науки и техники Зауралья при Тюменском нефтегазовом университете, в своих книгах «Былое светописи (у истоков фотографии в Тобольской губернии)» и «Окрик памяти (история Тюменского края глазами инженера)» (Книга первая) называет декабриста И. Пущина и французского фотографа А. Давиньона «крестными отцами» сибирской фотографии.

А. Давиньон приехал в Санкт-Петербург из Франции в 1842 г., спустя три года после того, как Л.Ж. Дагер добился надежной светозаписи на посеребренных пластинках. Инженер-подпоручик Давиньон увлекся дагеротипией после отставки из армии и занялся этим профессионально. Не выдержав у себя на родине жесткой конкуренции, он решил поехать в Россию и завести там свое дело. Давиньон открыл дагеротипный павильон на Николаевской улице в Петербурге, но фотобизнес не принес ему ожидаемых прибылей. Чтобы как-то поправить свои дела, он решил предпринять путешествие по Уралу и Сибири с намерением сфотографировать «замечательные уголки природы, города и знатных людей». Он побывал в Екатеринбурге, Тюмени и Тобольске, Ялуторовске, Томске, Красноярске, добрался до Иркутска. В Екатеринбурге Давиньону вновь не повезло: здесь с 1842 г. работало ателье первого уральского фотомастера И.А. Терехова, с размахом организовавшего свое дело на Урале. Он был лично знаком с Дагером и выписывал у него аппаратуру.

Весной 1845 г. Давиньон начал серию дагеротипных портретов декабристов, находящихся в сибирской ссылке. Он полагал, что их портреты — «запретный плод» — будут хорошо раскупаться, но, как замечает Копылов, «не учел, что работает не во Франции, а в крепостнической

3 Черказьянова И.В. Англичане в Сибири и о Сибири. С. 230.

России». По анонимному доносу в Третье жандармское отделение А. Давиньон был арестован, у него отобрали все крамольные посеребренные пластинки с портретами декабристов и их жен. Доказательства искать не пришлось: на обороте каждой из дощечек стояло имя предпринимателя-фотографа и его фирменный знак. Спасла Давиньона принадлежность к гражданству Франции и расписка, а точнее, подписка — не снимать впредь портретов с государственных преступников.

В.Е. Копылов приводит ее текст: «1845 года, декабря 31 дня, я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что не имею у себя ни одного портрета, снятого мною в Сибири посредством дагеротипа, с некоторых государственных преступников. И если когда буду путешествовать, то обяжусь под строгою по законам ответственностью не снимать портретов с упомянутых преступников»⁴. На места ссылки декабристов императором Николаем I были отправлены высочайшие повеления: «... воспретить поселенцам из государственных преступников на будущее время снимать с себя портреты и отправлять оные, дабы не обращали на себя неуместного внимания. Извольте приказать, чтобы были отобраны все портреты, а также принадлежности дагеротипов»⁵.

Давиньон успел продать ялutorовским ссыльным фотоаппарат, химикаты и секрет получения портретов, и все это было надежно спрятано. Обыск на квартирах декабристов в Ялutorовске не дал результатов. Занятия дагеротипией, таким образом, продолжились, что и дает Копылову основания называть Ялutorовск «родиной сибирской практической фотографии».

«Долгое время считалось, — указывает В. Е. Копылов, — что все дагеротипы с изображениями декабристов были утрачены, поскольку по высочайшему повелению полицейское управление было обязано их уничтожить. Исследователи истории фотографии приняли за непререкаемую истину краткое сообщение в журнале «Красная новь» за 1924 г., в котором со ссылкой на Третье жандармское отделение сообщалось об уничтожении опасных «дощечек». Как оказалось, дощечки дагеротипов сохранились в архивных бумагах Третьего управления и дошли до наших дней. Сравнительно недавно, в 1988 г., в музее Пушкинского дома удалось обнаружить портреты-дагеротипы декабристов С.Г. Волконского. И.В. Поджио и Н.А. Панова работы Давиньона. Небольшого размера и отлично сохранившиеся в изящных рамках, они стали настоящим открытием на-

4 Копылов В.Е. Былое светописи (у истоков фотографии в Тобольской губернии). Тюмень, 2004. С. 43-44.

5 Там же.

шого времени. На обороте каждого дагеротипа имеется фирменная синяя наклейка с золотым оттиском «Дагеротип А. Давиньона»⁶.

Копылов также упоминает, что в 1915 г. в Кургане совершил вынужденную посадку французский летчик де Уази, который направлялся в Пекин. За три года до этого в Кургане, как и в Тюмени, прошли первые показательные полеты самолетов.

Потомку древнейшего французского рода Possitt de Rossiet, переселившегося в Россию еще при Петре I, Константину Николаевичу Посьету в 1886 г. гласные Тюменской городской Думы вручили диплом Почетного гражданина Тюмени. К.Н. Посьет родился в 1819 г. в городе Гельсингфорсе (Хельсинки) в семье офицера Российского флота. Окончив в 1837 г. Морской кадетский корпус, Посьет служил на кораблях Балтийского Беломорского флота, плавал в Атлантическом и Тихом океанах, Средиземном и Баренцевом морях, бывал в США, Канаде, Китае, Японии, на побережье Дальнего Востока. Его именем назван залив в западной части Японского моря, к юго-западу от будущего Владивостока. Благодаря аналитическому складу ума и большой работоспособности Константин Николаевич зарекомендовал себя и как ученый. Его научный труд «Наставление по артиллерийской стрельбе и вооружение военных судов» отмечен в 1849 г. Демидовской премией Академии наук России. Посьет был участником экспедиции на фрегате «Паллада», описанной И.А. Гончаровым, и сыграл значительную роль в подписании 26 января 1855 г. первого русско-японского договора.

С 1874 г. адмирал, генерал-адъютант граф К.Н. Посьет возглавил Министерство путей сообщения России. До его вступления в должность железные дороги строились только частными лицами. Посьет добился у правительства финансировать стройки за счет казны, создавал для предпринимателей условия, при которых было выгодно использование отечественных материалов и подвижного состава более дешевого российского производства. Особое внимание Константин Николаевич обращал на подготовку кадров для железной дороги, в первую очередь через технические училища. Впервые для содержания училищ Посьет ввел с владельцев железных дорог поверстный сбор в размере 15 рублей в год⁷.

При непосредственном участии К.Н. Посьета шло рассмотрение планов создания Сибирской транзитной железной дороги. Посьет утвердил проект

6 Копылов В.Е. Былое светописы (у истоков фотографии в Тобольской губернии). Тюмень, 2004. С. 43-44.

7 Копылов В. Е. Окрик памяти (история Тюменского края глазами инженера). Кн. 4. Тюмень, 2005. С. 215-216.

Е.В. Богдановича, который предусматривал «Сибирской железной дороге вести направление от Нижнего Новгорода по нагорному берегу Волги на Казань, Екатеринбург, Камышлов и Тюмень». Кабинет министров России признал возможным построить только участок Екатеринбург — Тюмень. Адмирал Посьет прибыл в Тюмень на празднование 300-летия города и освящение рельсового пути, соединившего Иртыш с Волгой, Азию с Европой. «Желая ознаменовать важное событие, выразившееся в осуществлении высочайшей воли, давно ожидаемом и желаемом в интересах развития промышленности и торговли проведением на Тюмень линии Екатеринбург-Тюменской железной дороги, гласные Тюменской городской Думы И.И. Игнатов, И.Е. Шестаков, В.И. Князев, А.И. Беседных и А.Ф. Тонков предложили поднести господину министру путей сообщения Константину Николаевичу Посьету звание «Почетный гражданин города Тюмени»⁸.

Пользуясь удобным случаем, к Посьету обратилась делегация купцов из Тобольска с просьбой о прокладке железной дороги до столицы губернии. Чтобы дать обоснованный ответ, адмирал проехал на пароходе по Туре до Тобольска, изучил карты фарватера реки и пришел к выводу, что с целью экономии средств дешевле улучшить речной путь очисткой дна Туры. В результате железная дорога до Тобольска была проведена только в 1969 г. Константин Николаевич был членом Государственного совета России и председателем Особого совещания по обсуждению вопроса о Российском национальном флаге. Именно он 9 апреля 1896 г. утвердил символику белого, синего и красного цветов государственного флага России. Вплоть до своей кончины в 1899 г. он продолжал активную государственную деятельность как верный патриот России⁹ и ушел в отставку по собственной просьбе после железнодорожной аварии с вагоном, в котором следовала семья императора Александра III.

Лаконичные сведения о французах, проезжавших через Тобольскую губернию или осевших здесь, можно найти в вышедшей на рубеже XIX и XX вв. газете «Сибирский листок», избранными фрагментами опубликованной издательством Юрия Лукича Мандрики в Тюмени. Темой иностранного капитала и международных связей, по-видимому, часто занимался обозреватель, подписывавшийся В. К. или Виктор Костюрин. Статья, опубликованная им в 1897 г., посвящена дискуссиям вокруг вопроса продолжения железной дороги от Тюмени до Тобольска как необходимой меры против экономического увядания «дряхлого» Тобольска, где вскоре останутся только «присутственные места и мелкие лавочки».

8 ГАТО. Ф. 1-И. Оп. 1. Д. 415. Л. 194, 194-об.

9 Почетные граждане г. Тюмени (1867–1995). Екатеринбург, 1996. С.15-16.

Сам корреспондент был убежденным сторонником проведения железной дороги. В своем материале он возмущается инертностью общественности и, в частности, упоминает людей, пребывавших в Тобольске тогда или ранее: «...мне удалось даже заинтересовать на минуту этим вопросом “наших друзей французов” в лице профессора Рамбо и мадам Адам. Все эти попытки кончились полным fiasco. Председатель общества содействия русской промышленности и торговли Суворин, ярый сторонник покровительственной системы, конечно, не мог согласиться с доводами о необходимости *porto franco*, хотя бы и для Северного морского пути в Сибирь; M-me Adame поручила Орлеанскому консулу Watbled’у написать статью для ее *Nouvelle Revue* по данным, которые я должен был доставить, и хотя он, получивши от меня статьи “Сибирского листка” и “докладную записку”, пообещал приняться за работу, но ничего не сделал. Рамбо передал посланную мною статью в *Journal des Debats*, но я имел неосторожность поставить условием, чтобы ее не подвергали сокращениям и изменениям. *Journal des Debats* вернул рукопись Рамбо, говоря, что о Сибири могут напечатать не более 40 или 50 строчек, причем Рамбо объяснял мне, что Сибирь слишком далека от Франции, чтобы интересовать “*le public de France, dont l’attention est attirée par tout d’affaires en Europe et dans quatre autres parties du monde*”¹⁰».

В другой статье, также за 1897 год, корреспондент проводит критический анализ производственных и торговых интересов иностранцев в Сибири. Для начала он констатирует, что «регистрация» этих аспектов в местной прессе вряд ли отличается полнотой, в особенности в том, что касается мелких коммивояжеров и агентов предприятий с менее крупными дивидендами, которые, впрочем, «вносят новую струю в сферу торговых отношений», «начиная с агента французской ваксы, едущего по маршруту, в котором фигурируют лишь крупные города, до мелкого торговца заграничной луженой посудой, пересылающего свой товар по почте и кочующего по сибирским деревенским ярмаркам»¹¹.

В числе более крупных дел он упоминает экспортную торговлю курганским сливочным маслом, которую вели несколько иностранных фирм, открывших в Кургане свои представительства (в другой небольшой заметке упоминается фамилия владельца одной из таких компаний — Вардые, возможно, француза, хотя информация о французских компаниях, связанных с этим знаменитым на всю Европу маслом, пока мне не встречалась). Здесь же снова упоминается новый тогда и крайне трудозатратный Северный морской путь в Сибирь. Недостатки английских

10 Сибирский листок. 1895–1900. Тюмень. 2003. С. 296–297.

11 Там же. С. 375–381.

товаров быстро оборачивают в свою пользу американцы, комментирует обозреватель. «Германские купцы приносят свои товары покупателям, тогда как английские ждут, чтобы к ним явились. Немецкие фабриканты основали великолепно организованный штат коммивояжеров, которые заглядывают в самые глухие углы. Эти агенты устраивают всюду выставки образцов, принимают небольшие заказы и предоставляют самые льготные условия покупателям»¹². Французы возникают здесь в связи с некими каменноугольными копиями Дерова, говорится о том, что французское правительство командировало специальных лиц для исследования сибирских богатств. Однако в целом тон статьи — крайне озабоченный развитием отечественных промышленников.

За три года, в которые произошло резкое развитие железнодорожного сообщения, Сибирь стала гораздо «ближе» к Европе. Такие сведения содержатся в статье «Сибирского листка» за 1901 г.

«№ 26 (1 апр.). К сведению тобольских рыбопромышленников.

В минувшем году приезжал в Тобольск французский гражданин Клод Оланьон, командированный французским министерством торговли и земледелия для изучения экономического состояния Сибири. Г. Оланьон в Тобольске был в мае месяце (см. № 39 «Сиб. л.» м. г.); из Тобольска он проехал на Павлодар, оттуда — в Семипалатинск, Барнаул, Красноярск, Минусинск, Иркутск, Кяхту и Владивосток; до приезда в Тобольск он побывал в Кургане и в Тюмени. На днях мной получено от него письмо, в котором он, между прочим, пишет: «Мои парижские друзья спрашивают меня, можно ли достать в Сибири сушеный плавательный пузырь осетра (colle d'esturgeon) и возможно ли получить этот товар непосредственно с места производства.

Тобольск очень важный пункт для всех рыбных продуктов низовьев Оби и берегов Ледовитого океана. Насколько мне помнится, я видел в тобольском музее образчик. Позволю себе просить Вас сообщить, если можно, некоторые сведения по этому предмету. Можно ли купить в Тобольске значительные партии сушеного плавательного пузыря осетра? Почем, примерно, за пуд? В какое время можно делать эти закупки? Сколько стоит пуд этого товара с доставкой до железной дороги в Тюмень? Не можете ли сообщить, где продается и куда (на какие города) ввозится осетровый клей, который теперь доставляется в Тобольск? Не можете ли Вы мне сообщить фамилии нескольких солидных рыбных торговцев, которые были бы расположены войти в сношения со мной для продажи этого товара, а также попросить кого-нибудь из них послать мне образчик этого товара,

чтобы можно было судить о качестве (нужен образчик среднего качества, обычного для Тобольска). Можно послать почтой, издержки я возвращу. Адрес: Париж, г. Оланьону. Paris, Rue Lemercier, 17, Claude Aulagnon.

Быть может, среди тобольских рыбопромышленников найдутся люди, для которых этот запрос будет интересен, и они пожелают им воспользоваться и вступить в непосредственные сношения с г. Оланьоном. Г. Оланьон вполне свободно говорит по-русски. Костюрин»¹³.

Этому эпизоду последовало продолжение на страницах все той же газеты (№ 98. 13 дек. С. 1): *«В свое время мы сообщали о командировании в Сибирь французским министерством торговли г. Оланьона для изучения Сибири. Отчет г. Оланьона под заглавием "La Sibirie Economique" вышел в свет. Это солидный труд в 230 страниц убористого шрифта, написанный с той сжатостью и ясностью, какие присущи французским авторам. В книге рассмотрены пути сообщения, земледелие, скотоводство, лесоводство, охота и рыбная ловля, горная промышленность, заводская и торговля. Все это исследовано настолько тщательно, что зарегистрировано все, сколько-нибудь стоящее внимания. Наш Тобольск в этой книге занимает очень скромное место, хотя в ней есть даже вид соборной колокольни и Прямоугольного спуска вместе с деревянной мостовой, поразившей автора. Городами, интересными для французов, он считает только Томск и Иркутск, где он советует своим соотечественникам завести компанейские склады для продажи оптом и в розницу непосредственно потребителям, предупреждая их, что сибиряки привыкли к большим процентам в своих торговых операциях. Г. Оланьон предостерегает французов, что Сибирь не представляет для них выгодного рынка для сбыта французских произведений, зато он горячий сторонник перенесения французских капиталов и применения технических знаний в Сибири. В заключение своей книги он проводит параллель между Канадой и Сибирью и заканчивает призывом французов в Сибирь для подъема ее культурного и индустриального уровня. В одном из ближайших номеров мы приведем целиком эту главу»¹⁴.*

История повседневности Тюмени связана и с несколькими именами горожан французского происхождения. В частности, девица Шарлотта Биатр в 1890-е гг. работала гувернанткой в доме Карчемкина — водочного короля Тюмени, купца, сделавшего огромное состояние на продаже вина и водки. Его дочь, воспитанная французской гувернанткой, вышла замуж за сына Давыдовской, тоже владелицы водочного завода. Кроме того, обратившись к «Сибирскому листку», можно отыскать несколько загадочных фамилий,

13 Сибирский листок. 1895–1900. Тюмень, 2003. С. 31-32.

14 Там же. С. 58-59.

видимо, французского происхождения: Лурье — управляющий типографией В.В. Буркова в Тюмени, несколько имен учителей женской гимназии.

«Справочник и адресный календарь по городу Тюмени и Тюменскому уезду на 1913 год»¹⁵, составленный Т.Ф. Калугиным (раздел «Образование») говорит о том, то Жанна Петровна Дюкрюэ преподавала французский язык в Тюменской женской гимназии, что на Знаменской улице, и жила на Большом Городище в доме Блинова. Адриан Николаевич Николи, по информации того же справочника, преподавал французский язык в частном коммерческом училище Колокольниковых на Успенской улице, а жил на Садовой улице в доме Лошкомоева.

Среди французов-горожан Тюмени, сохранившиеся сведения о которых укладываются в несколько фраз, сотрудники Тюменского областного краеведческого музея также упоминают некую Марию Кубе, подругу купчихи Колокольниковой. Француженка входила в комитет по уходу за ранеными и больными воинами в тюменских лазаретах в 1918–1919 гг. Она жила в Тюмени, преподавала французский язык и танцы. Есть предположение, что она была родственницей или, возможно, женой тобольского губернатора Деспот-Зиновича.

Как видится, французское присутствие в истории городов Тобольской губернии на рубеже XIX и XX вв. — в период расцвета культуры и экономики — туманное зеркало. Но истинная история скромна, и ее основные вехи могут быть долгое время сокрыты. Представление о «чистом листе» имеет смысл для тех, кто догадается провести по нему утюгом и поймет, что он сплошь исписан симпатическими чернилами. Образ Тюмени — города, который ведет свою историю с X–XIII вв., к примеру, балансирует на интересном противоречии: по возрасту город годится в ровесники «европейцам», а по духу и в соответствии с древним названием больше тяготеет к Азии. В плане культуры это относится к определенному способу освоения времени: каждый европейский город представляет собой срез истории, а азиатские города испокон века строятся по принципу палимпсеста — каждый новый слой «рукописи» полностью закрывает предыдущий.

Можно ли доподлинно проявить все штрихи в этой исторической канве? Существует ли такое число между десятью и единицей, иное, чем девять, восемь, семь, шесть и так далее... Даже если нет, это важно, чтобы вообразить бесконечность и потенциальную длительность человеческих связей во времени. Возможно, это лучшее доказательство того, что история есть, и она может быть совместной.

Уральские экскурсии барона Жозефа де Бая

Светлана Панина

*Повсюду, где француз встречается русского,
он встречается друга*
И. А. де Бай

Амур Огюст Луи Жозеф Бертелло де Бай (так звучит полное имя барона) родился в Париже 31 января 1853 г. Его семья принадлежала старинному французскому роду, основатель которого участвовал в Крестовых походах. Получив блестящее образование, де Бай сделал первое научное открытие в двадцать лет, обнаружив более ста гротов неолитической эпохи в долине Малого Мозена.

Судьбе барона было угодно связать его с Россией на целых 30 лет. Впоследствии он говорил о себе полусхотливо, что считает себя полуфранцузом-полурусским.

«Роман с Россией» начался в январе 1890 г., когда де Бай впервые приехал в Москву на VIII Археологический съезд делегатом. Член Парижского Географического Общества, археолог де Бай интересовался историей и археологией России не случайно. В конце XIX в. многие французские исследователи считали, что истоки ранних западноевропейских культур необходимо искать на востоке — в Средней Азии и Сибири.

На съезде он сделал блестящий доклад «О восточном влиянии на звериный орнамент у германских народов», за что получил свой первый российский орден Св. Анны 3-й степени.

С 1890 г. все его научные исследования были связаны только с Россией: он проехал Центральную ее часть, посетил Урал, Западную Сибирь, Кавказ, Крым. Кроме археологических раскопок де Бай занимался изучением истории подмосковных усадеб и российских городов, русских икон и живописи, обычаев и обрядов народов России.

Особый интерес он питал к истории войны 1812 г. Во время путешествий де Бай на свои деньги приобретал книги, гравюры с портретами маршалов и генералов Великой армии, золотые монеты и бронзовые медали, фарфоровые бюсты, курительные трубки, табакерки с барельефом Наполеона, чернильницы, миниатюры на кости, живопись, рисунки времен наполеоновских войн. Позже вся коллекция (более двух тысяч предметов) была подарена им будущему Музею 1812 года в Москве. За этот дар барону в 1912 г. был пожалован российский орден Св. Станислава 1-й степени.

Круг его общения в России чрезвычайно широк и представительен: в личном архиве сохранились телеграммы от императора Николая II, императрицы Марии Федоровны, великих князей Сергея Александровича и Александра Михайловича. Они поздравляли барона с праздниками, благодарили за присланные книги. Постоянными корреспондентами де Бая были видные российские археологи — графиня П.С. Уварова, князь П.А. Путятин, И.Е. Забелин, В.Н. Поливанов, В.И. Сизов; художники — Н.К. Рерих, В.М. Васнецов, В.Д. Polenov; меценаты — П.И. Щукин, С.И. Мамонтов, княгиня М.К. Тенишева.

В 1895 г. де Бай предпринял 6-месячное путешествие от Волги до Иртыша», в котором впервые познакомился с Екатеринбургом. Ученый писал об этом так: «...насмотревшись на Азию в Европе, полюбуемся на Европу в Азии. Это удивительно, проехавши земли татарские, вотякские, чудские, черемисские, башкирские, пермяцкие, населенные народами финского, торкского, монгольского происхождения, — встретить прелестный русский город, чисто русский; однако какое большое расстояние отделяет его от столиц! Только русские и американцы способны совершить такой подвиг»¹.

Эта цитата взята из публичной лекции барона де Бая, прочитанной им 10 апреля 1896 г. в Парижском Географическом Обществе и 4 июля того же года в Екатеринбурге на заседании Уральского общества любителей естествознания. Лекция была переведена на русский язык и издана в Екатеринбурге в типографии В.Н.Алексеева и П.Н.Галина в 1897 году.

О приезде в Екатеринбург барон вспоминал: «...станция была полна народом, собравшимся, чтобы встретить нас криками: *Vive la France!*² Уральское общество любителей естествознания устроило торжественное заседание, а город дал обед».

Барон де Бай вместе с секретарем УОЛЕ О.Е. Клером побывал на трех экскурсиях по уже тогда известным археологическим и природным памятникам Урала. Вот как он сам описывает эти путешествия:

1 Де Бай И.А., барон. От Волги до Иртыша. Екатеринбург, 1897. С. 6.

2 Там же.

«Первая экскурсия была посвящена осмотру любопытного нагромождения каменных глыб, как бы наложенных друг на друга, которые называются «каменными палатками». Одна только природа создала эти причудливые группы, около которых находят следы обитания доисторических людей (обработанные кремни, глиняная посуда)»³.

Современные исследования позволили определить Шарташские каменные палатки как место металлургического производства меди в раннем железном веке (VII–III вв. до н.э.) и варки железа в VI–IX вв. Кроме того, Шарташские каменные палатки были, безусловно, культовым местом, так как сам процесс превращения руды в металл являлся таинством и был обставлен различными ритуалами, в том числе и жертвоприношениями.

Следующая экскурсия была предпринята за Верх-Исетский пруд в «маленькую деревню Палкина, где покойный ученый Малахов вместе с г. Клером исследовали городище и значительную стоянку каменного века... и наша разведка доставила нам множество образцов доисторических времен, которые будут в скором времени выставлены в музее Guimet»⁴.

Раскопки Палкинских стоянок продолжают до сих пор. Сейчас территория верховьев реки Исети — энциклопедия древней истории края от эпохи мезолита до X–XIII вв. В Свердловском областном краеведческом музее хранятся археологические материалы, позволяющие раскрыть не только материальную культуру древних аборигенов края, но и духовный мир наших далеких предков.

Третья поездка была самой продолжительной и принесла участникам экскурсии самые неожиданные результаты. По железной дороге и в тарантасе путешественники добрались до Верх-Нейвинска и отправились на озеро Шигирское. Там в слое торфа, под которым залегают золотоносные пески, пишет де Бай, находят «...бесчисленные остатки человеческого искусства, выразившегося, главным образом в изделиях из кости, из дерева, из обожженной глины. Но в этом пустынном месте, удаленном от археологов, рабочие мало заботятся об отыскании и собирании чего-нибудь другого, кроме золота»⁵. А далее барон де Бай делает интересный вывод: «По-видимому, древние обитатели этой местности не знали употребления металлов. Другие озерные стоянки содержали не только бронзовых идолов, но и формы для их отливки»⁶.

Шигирский торфяник — уникальный памятник, на котором при золотодобыче в конце XIX — начале XX в. была собрана коллекция

3 Там же. С. 7.

4 Там же.

5 Там же. С. 8.

древних бытовых и культовых предметов разных эпох. Среди них — вкладышевые орудия, деревянные ковши, ложки, поплавки, костяные кинжалы, навершия и, как считалось до сегодняшнего дня, два деревянных идола — Большой Шигирский идол, возраст 9,5 тыс. лет, и голова малого Шигирского идола.

В коллекции барона де Бая оказался третий идол, не известный российским археологам. Сейчас он хранится в Государственном музее первобытной истории Эзи (Франция).

После поездки на Урал де Бай, будучи уже почетным членом Уральского общества любителей естествознания, не прерывал переписки с О.Е. Клером, посылал свои книги в библиотеку УОЛЕ. В Россию он возвращался еще несколько раз. Так, в 1914 г. де Бай приехал по заданию французского Министерства народного просвещения и в связи с политическими событиями в мире, а потом и в стране оказался в вынужденной эмиграции на 6 лет, несмотря на многочисленные ходатайства в посольство Франции. В последний раз де Бай посетил Россию в 1924 г. 31 мая 1931 г. в возрасте 78 лет он скончался в Париже.

В 2008–2009 гг. сотрудниками отдела археологии СОКМ и Музея человека (Париж) был разработан совместный выставочный проект, позволяющий впервые объединить коллекции из известных памятников Урала, увезенных де Баем на родину, с коллекциями, хранящимися в Свердловском областном краеведческом музее, для экспонирования их в Екатеринбурге и во Франции. Но, к сожалению, этот проект остался нереализованным. Возможно, когда-нибудь уральцы увидят еще одного идола из Шигирской коллекции.

Представители французской военной миссии на Урале: попытки понять «русскую душу»¹

Ольга Данилова

О пребывании французской военной миссии (ФРАМИС) на Урале и в Екатеринбурге в частности написано пока очень мало. Хотя отечественные исследователи истории белого движения и Гражданской войны, специалисты в области «царского дела», несомненно, обращаются к данной тематике². Тема участия и роли французов в Гражданской войне в России не раз становилась предметом изучения французских исследователей, но при этом французскую историографию по истории ФРАМИС в Сибири (в отличие от мемуаристики) нельзя назвать обширной, зачастую многие работы даже не опубликованы, а потому

- 1 Благодарим А.М.Кручинина, Н.И.Дмитриева за консультации по персоналиям и советы при подготовке данной статьи, а также О.В.Крупцеву, А.Огениус-Селиверстоф, С.Кере — за предоставленные материалы. Кроме того, выражаем признательность Альянс Франсез в Екатеринбурге за справочную информацию с выставки «Русские и французы в Первой мировой войне», прошедшей в библиотеке им. В.Г.Белинского (декабрь 2010—январь 2011).
- 2 Подробнее об этом в работах В.А.Авдеева, А.Н.Авдонина, В.В.Галина, С.В.Дыбова, О.С.Даниловой, А.А.Зайцова, А.В.Квакина, В.В.Кожина, Т.В.Краевой, П.В.Мультиатули, О.Ф.Соловьева, Д.В.Филатьева, Л.И.Футорянского, В.Ж.Цветкова и др. авторов.
- 3 Hogenhuis-Seliverstoff A. *Les relations franco-soviétiques, 1917–1924*. Paris, 1981; Coeuré S. *La grande leuer à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)*. Paris, 1999; Hallez X., René G. *L'intervention française en Sibérie: 1917–1920 / Thèse*. Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 1993; Gourmen P., Durocelle J.-B. *La mission militaire française en Sibérie / Thèse*, Université Panthéon-Sorbonne. Paris, 1971; Grey M., Bordier J. *Les Armées Blanches*. Paris, 1978; Rolland L. *La légion tchécoslovaque en Sibérie d'après le témoignage du Lieutenant-Colonel Pichon // DEA, Université-Paris I*; Bourlet M. *Le bataillon sibérien (1918–1920) // Revue 14–18. Avril-mai 2005. №25. P. 42–45*; Avenel J.-D. *Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920)*. Paris, 2001; Delmas J. *La paix de Brest-Litovsk et le maintien*

недоступны³. В 2010 г. в честь Года Франции в России и России во Франции фото- и видеотека архива Министерства обороны Франции подготовила несколько документальных проектов, два из которых (фильм, фотовыставка) посвящены французам в Сибири⁴.

Безусловно, среди французских военных, бывавших на Урале в 1920 гг., самый известный персонаж — генерал Морис Жанен. Пьер Тибо Шарль Морис Жанен (1862–1946) родился в семье военного врача в Лотарингии. Окончил Версальскую гимназию. Начал военную службу в 1880 г. Выпускник Военной академии в Сен-Сире и Французской академии Генерального штаба (1892). Дивизионный генерал (1916). Служил в пехоте, артиллерии, штабе армии. В 1891–1892 и в 1910–1911 гг. он стажировался в России, причем второй раз — при Императорской Николаевской академии Генштаба. Во время мировой войны командовал пехотным полком 135-й бригады, 55-й пехотной бригадой, был помощником заместителя начальника Генштаба. С весны 1916 г. до октября 1917 г. возглавлял чрезвычайную французскую военную миссию в России при Ставке Верховного главнокомандующего русской армии в Могилеве. В конце 1917 г. отозван во Францию.

В августе 1918 г. Жанен был назначен командующим войсками Антанты в России. С ноября 1918 г. он являлся начальником французской военной миссии при правительстве адмирала Александра Колчака, главнокомандующим чехословацкими войсками в России, а затем, с января 1919 г., — представителем Высшего межсоюзного командования и главнокомандующим союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке (в Омске после Жанена миссию возглавил генерал Парис, она насчитывала в то время порядка 900 человек). На Урале (Челябинск, Екатеринбург, Пермь) Жанен побывал дважды: в декабре 1918 — январе 1919 г. и в мае 1919 г. О своем пребывании в Сибири Жанен оставил мемуары⁵.

en Russie de la mission militaire française // *Aux vents des puissances. Hommage à Jean-Claude Allain*. Paris, 2009. P. 209–228.

- 4 Goloubinoff V. La mission de la section photographique et cinématographique de l'armée en Sibirie et en Russie du nord 1918–1919. Paris, 2010 (URL: <http://www.ecpad.fr/wp-content/uploads/2010/06/spca.pdf>); Goloubinoff V., Sbrava D. Images des Russes et des Français dans la grande Guerre. Album photographique. Paris, 2010.
- 5 Janin M. Ma mission en Sibérie. 1918–1920. Paris, 1933. Интересно отметить, что этим мемуарам предшествовали несколько публикаций воспоминаний Жанена. Отрывки из его сибирского дневника впервые были опубликованы в парижском журнале «Le monde slave» (1924. № 12; 1925. №3,4). К этому же периоду относится пражское издание мемуаров Жанена на чешском языке (в переводе с рукописи), но уже под названием «Мое участие в чехословацких боях за свободу» (Generál M. Janin Moje účast na československém boji za svobodu. Praze). Кроме этого в Париже вышла вторая часть мемуаров «В русской Ставке» (Janin M. Au G. Q. G. russe // *Le monde slave* 1926. № 1,3; 1927. №1–4). Затем отрывки вышли в новосибирском журнале «Сибирские огни» (1927. №4) и в издании «Колчаковщина: Из белых мемуаров». Л., 1930. С. 136–144.

Кроме Жанена отметим следующих французов, побывавших на Урале. Сразу оговоримся, что приведенный ниже список имен далеко не полный, по многим персоналиям недостает биографической информации, так как многие фамилии восстановлены по мемуарам. Данная работа требует изысканий во французских архивах и ждет своего исследователя и часа. Но тем не менее, ключевые персонажи здесь упомянуты:

— начальник штаба Жанена майор Буксеншутц, полковник Леманен, капитан и инструктор пехотной дивизии Субен, инженер Леверв, врач Годо, майоры Пейри, Пуаро, и адъютант генерала — лейтенант Фабиан⁶;

— майор Франсуа, сотрудник штаба Жанена. В Первую мировую войну служил капитаном в составе 40-й пехотной дивизии, был в плену в Германии. Приехал в Россию в конце 1917 г. В 1918 г. после Москвы поехал на Северный Каспий, а затем на Урал (в январе 1919 г. находился в Челябинске). В отличие от многих офицеров, откомандированных в Сибирь, владел русским языком, который он изучал еще до войны⁷;

— советник Жанена, капитан Зиновий Пешков (старший брат Якова Свердлова и приемный сын Максима Горького), с сентября 1917 г. в составе ФРАМИС в Сибири как французский представитель при Колчаке⁸;

— советник и друг Жанена, офицер Генштаба Жюль Легра. До ФРАМИС он дважды побывал в Сибири (1896–1897), где по поручению Министерства просвещения Франции проводил анкетирование. В первую поездку был в Екатеринбурге (1896). И.Г. Короленко оказал существенную помощь французскому путешественнику и журналисту Ж. Легра в сборе материала о политических ссылках в Сибири. В благодарность за это Легра посвятил ему свою книгу «Сибирь» (1899). С 1916 г. он уехал в Россию на фронт, был принят в русскую армию (первый Сибирский корпус, 8-я армия румынского фронта). С марта 1918 г. в составе ФРАМИС в Сибири⁹;

6 Grondijs L.-H. La guerre en Russie et en Sibérie. Paris, 1922.

7 Gratioux A. En mission. Russie 1917. Sibérie 1919. Archives départementales de la Marne. Centre Principal de Châlons-en-Champagne. J 3123. P. 85.

8 Delmas J. Légionnaire et diplomate: Le capitane Zinovi Peshkoff // Revue historique de l'Armée. 1968. Vol. 24. P. 149–153; Pearce B. Zinovii Sverdlov-Peshkov // Revolutionary Russia. 1993. Vol. 6, №1. P. 148–153; Пархомовский М. Сын России, генерал Франции. Об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова и необыкновенных людях, с которыми он встречался. М., 1989; Ministère des Affaires étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE), Guerre 1914–1918. Russie. Dossier 762.

9 Legras J. Mémoires de Russie. Paris, 1921; *Idem*. L'esprit public en Sibérie pendant la séjour des missions alliées. Séance du comité national d'études sociales et politiques. Paris, 1920; Chabot G. Jules Legras (1867–1939) // Annales de Géographie. 1940. T. 49, №277. P. 65; Pascal P. Jules Legras (nécrologie) // Revue des Etudes Slaves. 1939. T. 19, fasc. 1–2. P. 212–215; E.D. Jules Legras. Mémoires de Russie // Revue historique T. 139. 1922. P. 288–289.

— майор Альфонс Гине, военный представитель при чехословацких войсках и член Высшего совета снабжения союзных армий. Еще перед выступлением чехословаков Гине был направлен французским посольством в Омск. Гине неоднократно бывал в Челябинске и Уфе (апрель–сентябрь 1918 г.)¹⁰;

— майор Бояр, сотрудник военного атташата посольства Франции. В мае 1918 г. находился в Перми (в т.ч. когда там, в ночь с 12 на 13 июня, был расстрелян великий князь Михаил Александрович), накануне убийства царской семьи — в Екатеринбурге (с 7 июля 1918 г.). По мнению исследователя Н. Росса, «К. Бояр — живописный псевдоним французского агента, посланного в Екатеринбург представителями Франции в Москве, обеспокоенными слухами о судьбе Царской Семьи»¹¹;

— лейтенант Пьер Паскаль, член ФРАМИС (1916–1918). Был послан на Урал агитатором (ехал вместе с Гине). В мае–июне 1918 г. был в Перми, Челябинске, Ишиме, Кургане и Екатеринбурге, где находился фактически под арестом¹²;

— майор Жозеф Лази, представитель парламента при ФРАМИС в Сибири. Бывший военный, депутат от департамента Жер (1898–1910), депутат от Парижа (1914–1919). В мае 1919 г. был в Екатеринбурге, посещал дом Ипатьева¹³;

— майор Габриель Болифро. Будучи доктором юридических наук, он начал свою работу в правительственных учреждениях (Государственный Совет), а в 1914 г. был мобилизован как пехотный лейтенант запаса. Как командир взвода (затем роты) он до ноября 1916 г. сражается на Самбре, на Марне, в Аррасе. Раненый и эвакуированный, он тем не менее возвращается на фронт и принимает участие в битве на Сомме. После этого его назначают во французскую военную миссию в Румынии под командование генерала А. Бертело. После первого этапа переговоров о перемирии он возвращается во Францию, где как капитан кадрового состава с января 1917 г. участвует в формировании польской армии. За-

10 Guinet A. En mission à travers la Russie de Lénine. Paris, 1921; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: В 2-х т. Т.1. ч.1. М., 2008. С. 97; Зайцов А.А. 1918: очерки истории русской Гражданской войны. М., 2006; Correspondence diplomatique se rapportant aux relations entre la République Russe et les puissances de l'Entente. М., 1919. P. 14–15, 17.

11 Pascal P. Mon journal de Russie. A la mission militaire française (1916-1918). Lausanne, 1975. P. 288–289; Росс Н.Г. Гибель царской семьи. Материалы следствия (Август 1918 — февраль 1920). Франкфурт-на-Майне, 1987.

12 Паскаль П. В Сибирь и обратно: страницы из «русского дневника» // Белая армия. Белое дело. 1999. №6. С.103–111.

13 Lasie J. La tragédie sibérienne. Le drame d'Ekaterinenbourg. La fin de l'Amiral Koltchak. Paris, 1920.

тем его назначают сопровождать Жанена в Сибирь, где он пробудет 10 месяцев, возглавляя ФРАМИС в Екатеринбурге (декабрь 1918–1919). В 1920 г. станет кавалером ордена Почетного легиона¹⁴;

— полковник Пишон, французский военный представитель, с августа 1918 г. командующий экспедиционным корпусом союзников. Сразу после революции разведчик Пишон был командирован в Сибирь, чтобы обследовать настроения в Сибири и выяснить реальные возможности к осуществлению интервенции, а также те политические группировки, на которые могут рассчитывать союзники. Он провел 6 месяцев в различных городах Сибири, где, зачастую пользуясь фальшивым паспортом, он легко сходил за русского, так как в совершенстве владел языком. В результате в начале апреля 1918 г. Пишон представил своему правительству доклад «О планах интервенции в Сибири». Как представитель ФРАМИС участвовал в заседаниях Оренбургского войскового круга. Весте с капитаном Парисом и подполковником Гильоми дутовцы утвердили Пишона почетным казаком Оренбургского казачьего войска. Кроме того, они ходатайствовали перед Александром Колчаком о производстве Пишона в генерал-майоры Оренбургского казачьего войска¹⁵;

— полковник П. Малле, командир французского колониального пехотного батальона в Сибири (1136 офицеров и солдат). Его помощниками были: капитан Дюнан, младший офицер — лейтенант Тосс, военные врачи — майоры Жувеле и Гернэрай.

Колониальный батальон состоял из: 9-го колониального пехотного полка (6-й ротой командовал лейтенант Дезей; 8-й — капитан Шилль, а помощником у него был лейтенант Риветт) и двух пулеметных взводов этого же полка; 16-го колониального пехотного полка (8-й ротой командовал капитан Фенойрштейн, его помощниками были лейтенанты Фумк и Брауенштейн; 11-й ротой — капитан де Во и помощники — лейтенанты Базай и Сегинель); роты зуавов из 3-го полка (5-я рота), командир капитан Позон, помощники — лейтенант Гадар и младший лейтенант Джеффри. В ноябре 1918 г., уже после окончания войны, батальон прибыл в Уфу, где

14 Gabriel Bolifraud. Ancien sénateur de la Seine-et-Oise // Dictionnaire des parlementaires français (URL : http://213.30.147.231/sen4Rfic/bolifraud_gabriel0190r4.html); Gratioux A. Missions militaires en Russie 1917 et 1918–1919. Archives du Centre d'études ISTINA (Paris). Fonds Albert Gratioux.

15 Владимиров В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927. С.210–211; Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири: доклад Пишона. М.; Л., 1925; Протоколы 3-го очередного Войскового круга области войска Оренбургского. Троицк, 1919. С.3.

простоял 2 месяца, а затем в январе 1919 г. он отправился в Челябинск, где простоял до марта, а затем двинулся в Уфу и Пензу¹⁶;

— аббат Альбер Грасье был с 1919 г. капелланом в составе 2-го эшелона чехословацкой армии, отправленного в Сибирь под командование Жанена (октябрь 1918 г.). Прибыл в Екатеринбург в январе 1919 г. и пробыл на Урале более полугода¹⁷;

— капитан Суб был назначен во ФРАМИС в Сибири одновременно с Грасье (они вместе добирались до Владивостока). Адвокат на гражданской службе, он несколько лет работал секретарем Ж. Клемансо, являясь сотрудником его газеты. В январе 1919 г. прибыл в Екатеринбург, где как юрист занимался расследованием убийства царской семьи¹⁸;

— в октябре 1918 г. служба фото- и кинооператоров французской армии решает послать в Сибирь 12 своих сотрудников для сопровождения союзнических войск и чехословацкому армейскому корпусу. Фотографы Эдмон Коше, Люсьен Айе, Луи Сенешаль, Огюст Трешо, Антуан Манжен и операторы Марсель Жоссе, Марсель Ребьер — все они вошли в состав ФРАМИС в Сибири. С марта 1919 г. на Транссибирском экспрессе они отправляются на запад, следуя по пути сибирского колониального батальона и вплоть до осени посещают города и местности, где он размещался. На Урале в объектив их камер попали Уфа, Челябинск, Екатеринбург, Пермь¹⁹.

В приведенном списке имен французских военных выделяются три фигуры, которые оказались на Урале по долгу службы, но при этом все не разделяли убеждений руководства миссии и настроя на продолжение войны со стороны правительства Третьей республики. Речь идет о русофильски настроенных славистах П. Паскале, Ж. Легра, А. Грасье. Этих французских военных уместнее назвать исследователями «русской души», потому что, прежде всего, они были наблюдателями, которые изнутри познали отношение русских к войне и революции²⁰.

16 Rolland L. La légion tchécoslovaque en Sibirie d'après le témoignage du Lieutenant-Colonel Pichon // DEA. Université – Paris I; Grondijs L.-H. La guerre en Russie et en Sibirie. Paris, 1922: Comment finit la guerre en Extrême-Orient. Bataillon colonial français de Sibirie. Extraits de la thèse du colonel Boulié (URL: http://www.witzgilles.com/page_guerre_orien_1918.htm); Goloubinoff V., Sbrava D. *Ibid.* P.146–151.

17 Gratieux A. En mission. P. 88–115; *Idem.* Missions militaires en Russie 1917 et 1918–1919. Archives du Centre d'études ISTINA. Fonds Albert Gratieux; Ladous R. Gratieux Albert, prêtre français (1874–1951) // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. T.21. Paris, 1986. P.1244–1245.

18 Gratieux A. En mission. P.54, 89.

19 Goloubinoff V., Sbrava D. *Ibid.* P.112–177.

20 Delmas J. L'armée russe vue par les officiers français en Russie // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P.375–383; Краева Т.В. Первая мировая война и русская революция в восприятии членов французской военной миссии в России (1916–1919) // Война и российское общество: 1914–1945 годы. Екатеринбург, 2005. С.50–54.

Прежде чем подробнее рассказать об этих интеллектуалах, оставшихся замечательные воспоминания о России, богатые интересными свидетельствами о покорившей их стране, формировавшие в свое время имидж России во Франции, где непременно описывается русский характер, отметим, что само понятие «русская душа» не то чтобы придумали, но, по крайней мере, ввели в оборот именно французы. Мотив «загадочной русской души», с трудом постигаемой иностранцами, возник во Франции в конце XIX в. после открытия русского «психологического» романа и признания его растущей популярности в Европе: в 1886 г. писатель и дипломат Эжен Мельхиор де Вогюэ, неоднократно бывавший в России и женатый на русской фрейлине, опубликовал книгу под названием «Русский роман». В ней, опираясь на поразившие его откровения классической русской литературы, он и вывел соответствующую формулу славянской души²¹.

«В конце XIX в. Мельхиор де Вогюэ изобрел «русскую душу». Многие и у нас, и во Франции не знают, что пресловутая идея «русской души» — тоже конструкт, сознательно придуманный дипломатом виконтом де Вогюэ, который бывал в России и знал ее... Ему, набожному католику, ужасно не нравился французский натурализм конца столетия, с его приземленностью, бездуховностью, когда описывали только земное, о небесном же забывали вовсе. И вот своего рода противоядие этому он стал искать в России, в русском романе... У него есть замечательное рассуждение насчет русской души...

Русская душа похожа на суп, где есть все: и рыба, и овощи, и травка, и пиво, и сметана, и горчица; вкусное перемешано с отвратительным, причем ты никогда не знаешь заранее, что именно оттуда выловишь. Такова же и русская душа. Это котел, в котором смешаны самые разные ингредиенты: печаль и безумства, героизм и слабость, мистика и здравомыслие, и вы можете оттуда выудить все, что угодно, даже то, чего совсем не ожидаете. Если бы вы знали, как низко эта душа может пасть и как высоко подняться! И как ее швыряет из стороны в сторону!

...Вогюэ сознавал, что в русской душе есть все, но намеренно преуменьшал ее спиритуалистическую сторону. Он хотел при помощи русского романа предьявить образец духовности французам, которые, по его мнению, эту духовность утратили. То есть опять француз искал в России то, чего ему не доставало дома, и это недостающее частично основывалось

21 Vogüé E.-M. Le roman russe. Paris, 1886; Eugène-Melchior de Vogüé, le héraut du roman russe. Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, T. LXXXIV. Paris, 1989; Де Вогюэ Э.-М. Русский роман // Отечественные записки. 2007. №38 (5). С. 170–190.

на реальности, а частично было «миражом», конструкцией, постройкой из подручных средств»²², — напоминает историк русско-французских культурных связей, филолог и переводчик В.А. Мильчина, говоря о мифах и миражах, которые французы сочиняли про русских, анализируя представления французов о России.

Моральный большевик Пьер Паскаль²³

Пьер Паскаль (1890–1983), он же Петр Карлович Паскаль, выдающийся французский славист, автор фундаментального труда о протопопе Аввакуме и раскольническом движении²⁴. П. Паскаль — одна из наиболее заметных фигур среди европейских интеллектуалов, принявших участие в русской революции. Француз по рождению, он связал свою жизнь с Россией.

Еще лицеистом П. Паскаль заинтересовался Россией, начав изучать русский язык и прочитав книгу Ж. Легра «В русской стране». Вдохновившись формулой русского величия, этот ученик аббата Ф. Портала, почитатель В.С. Соловьева, студент «тала»²⁵ из парижской Эколь Нормаль приезжает в Россию в 1911 г. (затем в 1912 г.). Он работает над дипломным проектом «Жозеф де Местр и Россия». Научную работу прервала война: в августе 1914 г. он уже носил форму пехотинца. После двух тяжелых ранений вернулся в Гренобль, откуда и был по рекомен-

22 Эдельман О. «Русскую душу» придумали французы. Интервью с В. Мильчиной // Время новостей. 2005. 21 июня. (№108). (URL: <http://www.vremya.ru/2005/108/13/127662.html>).

23 Русский греко-католический священник немецкого происхождения, отец И.А. Дейбнер назвал П.Паскаля «моральным большевиком» за то, что тот «идеализировал русскую ценность» (См.: Pascal P. Mon journal de Russie... P.178).

24 Подробнее см.: Струве Н.А. Петр Карлович Паскаль (22.VII.1890–1.VII.1983). Памяти учителя и друга // Струве Н.А. Православие и культура. М., 1992. С.157–161; Русакова В.А., Ржеуцкий В.С. Пьер Паскаль: христианин или большевик // Российская интеллигенция на историческом переломе (первая треть XX века). СПб. 1996. С. 233–239; Кокен Ф.-К. Пьер Паскаль (1890–1983), его политический и духовный путь // Из глубины веков. СПб., 1997. №8. С.130–140; Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. Очерк коммунистической идеи в XX веке. М., 1998. С.128–135; Нива Ж. «Русская религия» Пьера Паскаля // Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. М., 1999. С.112–128; Розанов Ю.В. Пьер Паскаль об истории и культуре России // Французская культура в русской провинции. Вологда, 2000. С. 25–32; Бабинцев В.А. Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // Французский ежегодник. 2009. М., 2009. С.208–220; Данилова О.С. Духовное и интеллектуальное становление Пьера Паскаля (1893–1916). По материалам французских архивов // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2011. Вып 10; Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC). Archives de Pierre Pascal. F delta rés 883.

25 «Tala» — верующий студент-католик, на жаргоне учеников Эколь Нормаль («тот, кто идет на мессу»).

дации друга прикомандирован к Генеральному штабу для дешифровки болгарских телеграмм.

В апреле 1916 г. Паскаля отправляют в Россию в составе ФРАМИС, на него были возложены функции агитатора²⁶: командированный на Северный фронт он убеждал русских солдат в необходимости возобновить наступление. Так состоялось прерванное сближение русофила с Россией. Судьба дала Паскалю возможность прожить в Советском Союзе 17 лет (1916–1933). После отзыва миссии во Францию в октябре 1918 г. он откажется вернуться на родину, вступит в Коммунистическую партию и посвятит себя служению делу большевиков, оставаясь в советской России вплоть до весны 1933 г.

За эти годы лейтенант П. Паскаль пройдет путь от революционного романтизма, увлечения марксизмом, членства в компартии и восславления советской власти до разочарования в революции и НЭПе, разрыва с коммунизмом, осознания краха большевистской утопии и своеобразного эскапизма от политики в изучение русской истории и религии. После того как П. Паскаль вернулся во Францию, он защитил две докторские диссертации о протопопе Аввакуме и приступил к научной работе, начав преподавать русский язык и литературу в Лилльском университете (1936–1937), в Школе восточных языков в Париже (1937–1950), в Сорбонне (1950–1960).

П. Паскаля можно смело назвать олицетворением французского «славянофильства» начала XX в. Француз-католик он в душе был русским, принявшим Россию не умом, а сердцем. Его направляло особое и непостижимое отношение к России и русскому народу. Вот почему предметом большинства исследований П. Паскаля выступает русский народ во всем богатстве жизненных проявлений²⁷. Может быть, поэтому на одном из дружеских собраний в апреле 1917 г., когда в очередной раз дома у Н.А. Бердяева встретились те, кому небезразлична судьба России (среди них был и Паскаль), Бердяев сказал, что Паскаль «более русский, чем он»²⁸.

26 BDIC. F delta rés 883 (1) (5); AMAE. Guerre 1914–1918. Russie. Dossier généraux 686, 761, 756; Centre des Archives diplomatiques de Nantes (CADN), mission militaire française en Russie (1917–1919). Carton 6. dossier spécial 79.

27 Исследовательские работы П. Паскаля можно разделить на несколько групп: основная — посвящена истории религии в России и во Франции XVII в.; вторая — истории как Российской Империи, так и советского периода; третья — истории литературы; всем им сопутствовала переводческая деятельность. *Bibliographie des ouvrages et articles de P.Pascal // Revues des études slaves. Paris, 1982. T.54. P.255–270.*

28 Pascal P. *Mon journal de Russie...* P.270.

Русская душа, взгляд католика²⁹

...Среди русских существует духовное единение; оно становится более очевидным, если из общей массы исключить выделяющийся ней слой интеллектуалов, душа которых впитала элементы, привнесенные извне. События Революции могут быть лучше объяснены, только принимая во внимание данное единство. Ничего не побуждает к единению лучше, чем народные песни, которые распевает рота солдат, маршируя по улицам.

Это единение образовано тремя характерными чертами, которые так прекрасно согласуются: солидарность (коллективизм) — неопределенность (нерешительность) — максимализм (стремление к абсолюту). Первая является основной, вторая представляет в этом единстве негативную сторону, а последняя — позитивную. Итак, по порядку:

СОЛИДАРНОСТЬ: Соборы как образ многочисленности русских святых; бесконечные вереницы повозок на улицах Петрограда; самоорганизация людей в очередях; голосование “чохом” целыми полками; вкус к артелям, кооперативам и их объединениям; обращения: “Товарищ”, “Вперед, православные!”; в философии и религии: теория “соборности” или союза всех верующих; ощущение коллективной ответственности, как, например, в момент отступления в 1915 году. Недостаток гордости является следствием этого коллективного сознания. Русский смирен; подозрителен по отношению к выскочкам — русский народ демократичен; власть ему была навязана сверху как крышка.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ (нерешительность): отвращение к строгому соблюдению правил и принуждению; важность отмены обязательной отдачи воинской чести; русский не делает карьеры на одном поприще; он одновременно берется за многое и меняет занятия и ремесла; беспечность к бережливости и отвращение к расчетам; пренебрежение логикой; презрение к тому, что является традиционным; склонность к странствованию и бродяжничеству (вследствие такого характера русский подчиняется не столько закону, сколько влиянию того, кому удастся завоевать его доверие); сентиментальный патриотизм без примеси национализма; религиозность, лишенная догматизма; интуитивная, без четких правил мораль; легкость, с которой соглашаются на развод; трезвость, пре-

29 Выступление Пьера Паскаля «Русская душа, взгляд католика» на очередном заседании во Французском институте в Петрограде 27 октября 1917 года // Pascal P. Mon journal de Russie... P. 233–237. См.: Данилова О.С. «Цивилизация духа и души»: русские глазами французского славянофила. Протокол собрания во Французском институте от 27 октября 1917 года // Славянский альманах 2002. М., 2003. С.493–503; Паскаль П. Русский дневник // Отечественные записки. 2007. №38 (5). С.225–231.

рываемая запоями. Все эти проявления объединяет слово воля (“volia”³⁰), которое в России означает вовсе не то, что “volonté” во Франции³¹.

МАКСИМАЛИЗМ (стремление к абсолюту): потребность по любому вопросу докапываться до глубинных корней; полное воплощение принципов (например, толстовство); отвращение к смертной казни и войне; непонимание разницы между моралью индивидуальной и государственной; на Западе следуют правилу “своя рубашка ближе к телу”, русский же готов отдать свою душу ради спасения других; большевизм в политике; в философии — пренебрежение объективной реальностью; в практической жизни — отказ от средства, если в нем обнаруживается хоть малейшее несовершенство. Следствием такого характера являются меланхолия и склонность к отчаянию; моральная распушенность; будучи не в силах достичь абсолютного блага, русский погрязает в абсолютное зло.

В общей сложности эти три характерные черты обуславливают иерархию ценностей, в которой душа преобладает над разумом и волевым началом. Это объясняет, почему русский народ может поддаться иностранным влияниям, не позволяя им глубоко изменить себя. Петр Великий навязал ему иноземный порядок, который мог длиться веками, но оставил нетронутой прежнюю душу. Понятна та форма лени русских, которая является не наслаждением и отдыхом, а смиренным принятием бесплезности любого усилия.

В покорности и бездействии русский не теряет смысла того, чего он хочет, и никакое влияние извне не разрушит его глубоко спрятанной воли. Разум подчинен душе, и это совсем не как на Западе, где принято считать, что в человеке более важен рассудок, чем доброта.

Принцип непротиворечивости не властен над русским мышлением, здесь господствует терпимость к любому мнению и скептическое отношение к рационализму. Русские охотно соглашались с тем, что истина имеет две стороны. У них отсутствуют предубеждения, а также частенько способность различать добро и зло. Принципу причинности русские предпочитают принцип целесообразности, который они применяют

30 В оригинале по-русски.

31 При всей многозначности понятий «воля» и «volonté» в русском и французском языках имеется коренное семантическое различие: французское «volonté» — это, прежде всего, способность к самоограничению в действиях ради достижения определенной цели, то есть проявление воли как волевого усилия, русская же «воля» — качество противоположное состоянию, описанному известным фразеологизмом «собрать волю в кулак». Более точно его охарактеризовал В. Даль в своем словаре: «данный человеку произвол действий; свобода, простор в поступках...желание, стремление...независимость, неподвластность, простор в действиях и поступках». Именно эти определения кажутся Паскалю выражением слова volia.

с тонкостью, достигая таким образом более глубоких результатов, чем рационалисты... Именно русские ставят душевные качества выше интеллектуальных. И доказательство тому забота, которой они окружают блаженных, душевно больных, называя их при этом безгрешными.

Русский народ добр к ближнему. Ненависть ему чужда. Он снисходителен к беззащитному преступнику. Он предается бессознательно чувству сострадания и чувству справедливости. Этим и объясняются братания на фронте. Русский народ самый христианский из всех, поэтому-то его так и соблазняют социалистические принципы. Именно он больше других сознает человеческую слабость и в особенности слабость индивида.

Подлинный славянофил Альберт Грасье³²

Альбер Эжен Одиль Грасье (1874–1951), французский богослов, аббат, католический публицист, специалист по истории славянофильского движения накануне революции³³.

А. Грасье начинал свое пастырское служение преподавателем духовной семинарии в Шалоне-на-Марне, где судьба свела его с лазаристом аббатом Ф. Порталем, который после отстранения от руководства «Англо-римского журнала» в июле 1896 г. (в результате идейного поражения компании по признанию действительности англиканских рукоположений) пришел туда преподавать. С 1904 г. А. Грасье станет одним из тех, кто отвечал за английское направление в редакции порталевского «Католического журнала церквей».

В 1906 г. А. Грасье начинает самостоятельно изучать русский язык: он делает это по просьбе учителя, который искал замену погибшему Г. Морелю, первому порталейцу, посетившему Россию. Окончательно призвание А. Грасье определила в июле 1907 г. встреча с Н.Н. Неплюевым, крупным помещиком, основателем большой христианской общины — Крестовоздвиженского православного трудового братства. Буквально через месяц А. Грасье впервые приезжает в Россию. Три года подряд он ездит в Россию и на Украину, знакомится с Д.А. Хомяковым, Ф.Д. Самариним, участвует во втором конгрессе унионистов в Велеграде. После этих поездок, широко используя свои

32 Единomyшленник и друг П. Паскаль называл А. Грасье «подлинным славянофилом» за то, что тот «преувеличенно любил Россию» (См.: Паскаль П. О причинах революции 1917 года: Беседа с Н. А. Струве // Вестник Русского христианского движения. 1980. №132. С. 263).

33 Подробнее см.: Данилова О.С. Россия глазами французского «славянофила». Аббат Альберт Грасье. Мои религиозные впечатления от России // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2009. Вып. 9. С. 366–388; Авдасев В.Н. Альберт Грасье о Н.Н. Неплюеве и Трудовом братстве (URL: http://krotov.info/libr_min/01_a/vd/asev2.htm).

славянофильские впечатления и воспоминания, А. Грасье публикует серию статей о русской церкви³⁴.

Поездка в 1910 г. в Москву станет для А. Грасье не только самой короткой, но и последней перед длительным запретом на выезд в Россию. С того момента каждый год был отмечен все более суровыми санкциями по отношению к А. Грасье: отклонение его кандидатуры на пост викария в московском приходе, отказ в предоставлении кафедры русского языка и литературы в парижском Католическом Институте, запрет на посещение курсов П. Буайе в Школе восточных языков в Лилле. В результате гонений в 1911 г. А. Грасье был назначен в один из маленьких провинциальных приходов, откуда в 1914 г. он будет мобилизован капелланом 40-ю пехотную дивизию.

Спустя годы прерванная связь миссионера славянофильского движения с Россией возобновилась: стараниями Ф. Порталья и его друзей из Конгрегации миссии и МИДа весной 1917 г. А. Грасье как пропагандист поехал в Петроград, затем на Украину, наконец, в Москву. Однако миссия А. Грасье не получила желаемого продолжения: антиклерикально настроенный генерал Ж. Лавернь посчитал, что «аббат работает на дело унионизма, поэтому его присутствие в России нежелательно»³⁵. Однако премьер-министр Ж. Клемансо после личных встреч с аббатом посчитал иначе, включив А. Грасье в состав миссии Ш. Люто (1918). Несмотря на то, что эта экономическая и пропагандистская миссия была провалена стараниями посла Ж. Нуланса, А. Грасье все-таки оказался в России, только уже в распоряжении М. Жанена в Сибири (1919)³⁶.

Еще в 1910 г. А. Грасье задавался вопросом: «Нашел ли я наконец русскую душу?», отвечая на него следующим образом: «Славянофильская мысль, когда я уловил ее, позволила мне постичь русскую душу. Я понял наконец различные черты русского характера, понял их такими, каковы они есть в жизни, а не только в теории»³⁷. Русский темперамент, характер и истинно русская среда в то время выражались для него в идее Братства. Вот этот конструкт («мираж»?!), Братство, жизнь по правде и единение во Христе как образец духовности и любви, который следует предъявить французам. Поэтому А. Грасье намеренно акцентировал внимание на рели-

34 Подробнее см.: Paillard E. Albert Gratioux et Nikolas Nikolaiévitch Népluyev // *Mémoires de la société d'agriculture, commerce, science et arts du département de la Marne*. T. LXXXIV. 1969. P.169–196; Carrière P. Comment j'ai découvert et compris la destinée d'Albert Gratioux // *Mémoires Etudes marnaises*. T. CXX. 2005. P.327–338.

35 Pascal P. *Mon journal de Russie...* P.206,208.

36 Данилова О.С. *Группа аббата Ф.Порталья и Россия (1903–1919) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России (XIX–XX вв)*. М., 2010. С.268–280.

37 Gratioux A. *Mes impressions religieuses de Russie*. Mend, 1911. Здесь цит. по: Грасье А. Мои религиозные впечатления от России... С. 373, 376.

гиозной энергии русской души, на миссии русской души. По словам самого А. Грасье, без славянофильства совсем невозможно понять Россию³⁸.

Русская душа (путевые заметки)³⁹

Потребность в смысле жизни

Толстой

Надсон

Стремление к абсолюту (Д. Хомяков)

Презрение к относительному и удобству

Богатство, чтобы тратить его понапрасну

Храбрость, чтобы ее сломить

Любовь к бесконечности и единству

*Пренебрежение к относительному, к деталям, к практике —
религиозная община княгини Шаховской*

Глубокое чувство греха, несовершенства

(Это грехъ),

Чувство смирения

Господи помилуй

*Потребность, иногда болезненная, к страданию, самоотрешению,
искуплению*

Отношение к смерти

Как умирают русские люди

Безразличие по отношению к политике

Право жить их идеалом,

моральным, социальным, религиозным

«Я православный»

Общинный дух,

Братство по отношению ко всем людям (всечеловеческое)

Чувство любви и искупления

Сострадание по отношению к преступниками,

несчастливым каторжникам (Соня и Раскольников)

Недостатки:

Леность

Нехватка организации

Недостаток воли

Нищета

38 Gratieux A. A.S. Khomiakov et le mouvement slavophile. Paris, 1939. P.XIII.

39 L'âme russe. Manuscrit français sans date (brouillon). Archives du Centre d'études ISTINA. Fonds Albert Gratieux.

Пьянство

Упадок

Нехватка чувства собственного достоинства

Отсутствие интереса к политической и общественной жизни

Равнодушие к внешнему миру, пусть даже обоснованное

Некое безразличие к собственности

Читатель-импрессионист Жюль Легра⁴⁰

Жюль Легра (1866–1938), он же Юлий Антонович Легра, известный французский филолог, славист и германист⁴¹.

Будучи агреше по немецкому языку и литературе, автором диссертации о Г. Гейне Ж. Легра настолько полюбил Россию, что переквалифицировался из историка немецкой литературы в специалиста по литературе русской. Ж. Легра, проявивший интерес к России как к стране богатой культуры и литературы, первым защитит (правда, на латыни) во Франции докторскую диссертацию на русскую тему «Литературная жизнь в России» (1897), в которой проанализировал творчество Н.Н. Карамзина с точки зрения европейского сентиментализма.

После первых трех длительных путешествий в Россию (1892–1894) Ж. Легра написал книгу «В русской стране» (1885), побудившую П. Паскаля и других французов к изучению России. Автор описал в книге свои встречи с А.П. Чеховым в Мелихове (в русском издании известна его статья «У Чехова в Мелихове») и Л.Н. Толстым в Ясной Поляне (Ж. Легра стал переводчиком его нескольких статей и лоббировал их печать во французской прессе). Кроме того, автор попытался проанализировать в книге русский характер, основываясь на реальном знании русских реалий и знакомстве с русскими людьми (в число которых, помимо писателей, входили А.И. Гучков, П.Н. Милюков, И.Г. Короленко и др.)⁴².

Ж. Легра занимался переводами Л.Н. Толстого, П.Ф. Якубовича, публиковал свои статьи в журнале «Славянский мир». Именно ему принадлежала первая, после работы слависта Л. Леже, попытка дать связный очерк развития русской литературы, где в предисловии автор сразу оговаривался,

⁴⁰ Филолог-славист А. Мазон называл Ж. Легра «читателем-импрессионистом, совершавшим свои длительные прогулки по русской литературе» (См.: Mazon A. Andre Lirondelle (1879–1952) // Revue des etudes slaves. 1952. T.29. P.110).

⁴¹ Подробнее см.: Данилова О.С. Французское «славянофильство» конца XIX — начала XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С.149–151; Крупцева О.В. Французский профессор Жюль Легра о Томске конца XIX в. // Труды Омского областного краеведческого музея. 2000. С.7–9.

⁴² Подробнее см.: Легра Ж. В русской стране // Отечественные записки. 2007. №38 (5). С.191–196; Legras J. Au pays russe. Paris, 1895.

что для него русская литература является выражением русского характера и русского духа⁴³. В основном же Ж. Легра занимался зарисовками русских нравов и философским анализом русской души. Эта тенденция прослеживается даже в работах по литературе, где характеристики русских авторов русист составляет по определенным критериям: подчеркивает славянофильство или западничество анализируемого писателя или наличие типичных черт русской души у того или иного автора.

После первых поездок с целью изучения русского языка Ж. Легра неоднократно бывал в России. Он много путешествовал по стране, в частности с целью изучения народного образования. Интересовался трудами С.А. Рачинского, Н.М. Горбова, А.А. Штевен. В конце XIX в. Ж. Легра дважды побывал в Сибири (его дневник «В Сибири» вышел в 1898 г.), где по поручению Министерства народного просвещения Франции проводил анкетирование. Впоследствии он станет признанным во Франции специалистом по истории этого края.

Когда в июне 1916 г. в Париже основывается комитет «Франция-Россия»⁴⁴, целью которого является развитие интеллектуальных, экономических и политических отношений между двумя странами, Ж. Легра становится одним из его активных членов. Ему тогда было уже 50 лет, но это не помешало ему уйти на фронт. В феврале 1916 г. он приезжает в Россию с целью пропаганды (ФРАМИС); проводит серию конференций в пользу Красного Креста на русском языке.

Книга Ж. Легра «Русская душа», отмеченная исканиями в русле ментальной истории, этнопсихологии и иммагологии, раскрывает французскому читателю сущность столь непонятого ему русского духа и причины загадочности русской души. В этой работе, спустя почти 40 лет после выхода книги «В русской стране», Ж. Легра обобщает сведения и суждения о русском характере. Это исследование представляет собой обширное описание характера и нравов, где в качестве обобщения автор предлагает таблицу основных характеристик русского характера.

Русский характер⁴⁵

При анализе русского менталитета я выделяю пять фундаментальных положений: влияние страны, воздействие внешней культуры, отсутствие культуры, поведенческие реакции молодежи, различные

43 См.: Legras J. La littérature en Russie. Paris, 1929. P.3–5.

44 Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф.187. Оп.524. Д.3430. Список членов Ассоциации «Франция-Россия». Л.9, 22, 35 об.; Les Archives nationales de la France (CARAN). Série Ecole des langues orientales. 62 AJ/66.

45 Legras J. L'esprit russe // Legras J. L'âme russe. Paris, 1934. P. 235–273.

качества, прямую причину которых сложно выявить, потому я их расцениваю как «не сводимые к одной причине».

Из-за географических особенностей страны русским свойственны: фатализм, мечтательность, апатия и пассивность, нечистоплотность, изобретательность, гордость, пьянство, наблюдательность.

Влияние западной культуры формирует в характере русских такие качества, как философствование и отвлеченность, нехватка практического склада ума и тяга все усложнять, ориентация на «сверхпервичность» (примаризм), тоска.

Отсутствие культуры формирует у русских суеверие, смирение и покорность судьбе, жестокость и грубость, нечистоплотность, пьянство, стадный инстинкт, работа делается, если она нравится («по сердцу»), деланье как-нибудь, надменность, эгоизм и обидчивость, чувствительность, хитрость и коварство, воровство и великодушие.

Русскую молодежь отличает веселость и радостное восприятие происходящего, любопытство, ложь, непостоянство усилий, жизнь настоящим днем (импульсивность) и легкомыслие, общительность и индивидуализм, жестокость в проявлении чувств и внезапная смена чувств, самолюбие, злоупотребление обещаниями.

Черты, которые нельзя свести к одной первопричине: естественная элегантность и деликатность, привлекательность манер и гостеприимство, любовь к детям, женственность, ловкость и сноровка, умственные способности и остроумие, музыкальность (очень развитый музыкальный слух), легкость общения на публике и любовь к дискуссиям, удовольствие от пассивных радостей жизни, гуманность, широта натуры и щедрость.

Вот три формулы русской души, выведенные П. Паскалем, А. Грасье, Ж. Легра. Далек ли их рассуждения о русском характере от реальности, свойственна ли им идеологическая направленность, реальность ли увиденная ими русская душа или все тот же мираж? Ответ на эти вопросы очевиден после прочтения текстов. Тем не менее их рассуждения о русском характере зачастую достаточно трезвые, вот почему каждый может узнать себя в нарисованном французами-русофилами портрете...

Виктор Серж: человек, растерзанный Евразией

Инга Жукова

Виктор Серж (настоящая фамилия Кибальчич) — франкоязычный писатель, родившийся в Бельгии в 1890 г. в семье русских эмигрантов, народовольцев. Молодым он уехал во Францию и эту страну в большей степени считал «своей».

С Россией лично он познакомился лишь в 1919 г. и сразу включился в политическую деятельность. Активно работал в Коминтерне. Кроме этого, все эти годы он старался фиксировать каждый важный момент в истории революции. Серж, благодаря своему очень острому уму и самостоятельности мышления, за счет своей западной социализации всегда мог быть как внутри событий, так и оставаться внешним наблюдателем. Лишь совсем немногие люди были на это способны, стоит среди них упомянуть других западных коминтерновцев — это Пьер Паскаль, Николай Лазаревич, Борис Суварин, Макс Истмен, Андрес Нин, Антон Чилига, Франческо Гецци, Панаит Истрати. Не всем им удалось выжить, но именно они сохранили трезвый взгляд на революцию в России и, видя тоталитарную трансформацию, не отвергли ее, а пытались спасти. Хотя спасти уже нужно было их самих.

Изучая биографию и творчество Виктора Сержа, понимаешь, что есть люди, которые рождаются с чувством истории, люди-историки. Виктор Серж не получил классического образования, по сути самоучка, он был человеком необыкновенно образованным. Он чувствовал ответственность за то, чтобы сохранить память обо всех событиях, свидетелем которых был. Его «Записные книжки», «Мемуары» — это не столько записи о

себе, сколько очень ответственное описание важнейших исторических моментов эпохи. Его работы — редкий и правдивый источник по тому пласту истории, где было так много «белых пятен» и фальсификаций. И, как ни удивительно (легко о «белых пятнах» и фальсификациях судить ретроспективно), это он тоже понимал. Воспоминания Сержа интересны как раз тем, что он, рассказывая о перипетиях своей судьбы, в большей степени стремился показать пережитую эпоху, историю страны.

Стоит отметить, что творческое наследие Сержа мы можем сейчас изучать благодаря тому, что ему удалось покинуть СССР. Этот факт биографии был многократно описан в разных книгах о нем. В первую очередь, о чем он сам писал, его спасению помог скандал на Конгрессе писателей в защиту культуры от фашистской опасности, проходившем в Париже летом 1935 г. Западные интеллектуалы наконец-то обратили внимание на Советы и были совершенно обольщены картинками райской жизни, которые представляла сталинская пропаганда. На Конгрессе вдруг, так некстати, встал вопрос о том, что культуру нужно спасти не только от фашизма, но и от Сталина. Эта параллель была крайне ненужной для сталинского имиджа, поэтому, а также благодаря ходатайству многих уважаемых людей — Ромена Роллана, Андре Жида (еще уважаемого до выхода его книги «Возвращение из СССР»), Максима Горького и др., Сержу дают возможность уехать на Запад.

Но кроме этого, французский исследователь Дмитрий де Кошко озвучил еще одну версию «чуждого спасения», которую узнал от близких к Сержу людей Н. Лазаревича и П. Паскаля. Никаких письменных документов предъявить нельзя, но есть свидетельства, что в его спасении поучаствовала Риретт Метрежан. Риретт была подружкой Сержа в «банде Бонно». Они вместе издавали газету «Анархия», где освещалась идеология этой организации. Серж, несмотря на сугубо теоретическую деятельность, в 1911 г. был осужден по делу банды на 5 лет. Имя Риретт так и не прозвучало во время процесса, за что она была очень благодарна Сержу. В итоге они официально оформили брак, когда Серж уже был в заключении. Как писал Серж — для того, чтобы она, как жена, могла его свободно посещать в тюрьме.

Этому браку не суждено было длиться дольше его заключения. Серж в России женится на Любви Русаковой, девушке из семьи русских эмигрантов, которые в то же время, что и Серж, возвращались из Франции в Россию. В тридцатые годы Риретт становится очень близкой к Пьеру Лавалю. И, вероятно, по ее просьбе Лаваль при встрече со Сталиным также попросил за Сержа. При этом он позаботился и о том, чтобы Серж не смог получить въездную визу во Францию.

Главное, что Виктор Серж оказался на свободе, хотя при выезде потерял весь свой архив, в том числе несколько законченных романов и сборников стихов. Эта история была для него большой трагедией.

Пребывание Сержа на Урале (1933–1936) не было легким и приятным, в своем стихотворении «Граница» Серж назвал себя человеком, «которого растерзала Евразия»¹. Годы неволи в Оренбурге (вместе с Сержем в ссылке был и его сын, будущий всемирно известный художник, работавший под псевдонимом Влади) стали очередным «испытанием на прочность», но этот уральский опыт позволил ему полнее увидеть и проанализировать судьбу русской революции, а нам получить интересный и правдивый исторический источник.

Приведем здесь лишь выдержки из книги Сержа «От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера», описывающие его пребывание на Урале.

<...> Оренбург на Урал-реке — степная столица, затерянная под чудными небесами, между Куйбышевым и Ташкентом. Город расположен на географической границе Европы и Азии, но относится к Азии. До 1925 года он был столицей независимой Республики казахов (или киргизов), среднеазиатского кочевого народа тюркского происхождения, мусульман-суннитов, до сих пор разделенного на три большие орды. Затем Казахстан стал одной из одиннадцати федеративных республик СССР, и столица была перенесена в Алма-Ату. При старом порядке Оренбург, торговый центр богатых скотом степей, был богатым городом, украшенным пятнадцатью православными храмами и несколькими крупными мечетями. В гражданскую zdeшний рабочий класс вел легендарную — отмеченную страшной резней бедноты — борьбу против казачьего атамана генерала Дутова. При НЭПе, благодаря степи-кормилице, город вновь обрел зажиточное благополучие. В июне 1933-го, когда прибыли мы, здесь царил неопишутый голод, упадок и разруха.

Растительности почти никакой, зато на другом берегу Урала свежий, серебристый лиственный лес. Невысокие пригородные деревенские домики. По улицам печально несли поклажу большие отощавшие верблюды. Две центральных, европейского вида улицы, Советская и Кооперативная, несколько горделивых зданий в стиле ампира с массивными белыми колоннами, какие в свое время повсеместно возводили генерал-губернаторы. Недавно были разрушены все церкви, кроме одной, в казачьем пригороде Форштадт (Оренпосад). Руины взорванного кафедрального собора жи-

1 Serge V. Frontier // Pour un brasier dans un désert, poèmes, collection «Voix». Paris, 1972.

вописной грудой возвышались посреди площади. Не пощадили старинную белую церквушку на высоком берегу над рекой, помнившую пугачевский бунт (1775 г.). Все духовенство было сослано на север, культ отправлялся нелегально. Синагогу закрыли или разрушили; ввиду отсутствия кошерного мясника евреи перестали есть мясо. Мечетей, напротив, не тронули, чтобы не озлоблять мусульманские массы, с которыми власть и без того имела достаточно трений. Самая красивая мечеть была преобразована в высшую киргизскую школу. Одна-две православных церкви с проломленными, лишенными крестов куполами служили товарными складами для кооперации, но склады эти пустовали. Пустовали обширный, некогда ломившийся от товаров базар и караван-сарай. Рядом с руинами, казармами и военными училищами начинал расти новый город. Кавалерия, танковые части, авиация — Оренбург наполнялся молодыми, хорошо одетыми, сытыми мужчинами. В ближних степях — многочисленные аэродромы, новенькие краснокирпичные здания заняла авиашкола. На улице в глаза бросались молодые, одетые в яркие шелка полнощекие женщины, жены авиаторов. Советская торговля умирала, в магазинах невозможно было найти ни мануфактуры, ни бумаги, ни обуви, ни съестного. За три проведенных мною в Оренбурге года город не получал обуви, если не считать закрытый кооператив партии и ГПУ. В городе были вузы, готовившие агрономов, ветеринаров, учителей; швейная фабрика, железнодорожные ремонтные мастерские, несколько переполненных тюрем, небольшой концлагерь. Из окна своего дома я не раз видел людей в лохмотьях, преимущественно босиком, идущих в окружении стрелков с оружием наизготовку и сторожевых собак. То были бригады заключенных Управления исправительно-трудовых лагерей, мы с горечью называли их «бригадами энтузиастов», потому что некоторые из них сами именовали себя так и участвовали в «социалистическом трудовом соревновании». Огромный убогий рынок выходил за пределы города, в степь, между мусульманским кладбищем, обжитым беспризорниками и жульем, мрачной швейной фабрикой, кавалерийским училищем, родильным домом и пыльными даями.

ГПУ выдало нам хлебные карточки на месяц (какое богатство!). Выход за город, кроме прогулки в лес, воспрещен; а в остальном — устравайтесь, как сумеете, однако для оформления на работу необходимо наше разрешение.

Мы увидели бесконечное и необычайно ясное небо. И сам город, паляемый солнцем, трогательный, симпатичный, изнемогающий от жары, нужды и пыли. Сходив к парикмахеру, мы вернули себе цивилильный вид;

какой-то смуглый парнишка стянул у меня последние три рубля; мы положили в ломбард за восемьдесят рублей мое кожаное на меху пальто, и испытание голодом началось. Комната в Доме крестьянина стоила два рубля за ночлег на простынях настолько засаленных, что я, едва глянув на них при свете спички, предпочел спать не раздеваясь. При Доме крестьянина был широкий четырехугольный двор, запруженный повозками, лошадьми, верблюдами и кочевниками, которые спали здесь целыми семьями в кошмах возле своих животных. В ласковой свежести голубовато-розового утра мне открылась трогательная картина: киргизские семьи вставали, точнее, безмолвно садились на корточки и занимались своим утренним туалетом. Ветхозаветные старцы, мадонны с монгольскими глазами, кормящие своих младенцев, разновозрастные дети, сосредоточенно ищущие вшей, щелкающие их зубами и, казалось, приговаривающие при этом: «Ты ешь меня, а я ем тебя». Шеренга азиатов, присев на корточки, отправляла надобности в отхожем месте, и я видел, что многие из них испражняются кровью. Заплата на заплате. И во всей этой сутолоке — стройные юные девы, чьи правильные профили напоминали совершенную красоту то ли древнеизраильских, то ли персидских царевен.

С улицы послышались громкие крики, и в дверь забарабанили. «Отворяй поживей, Виктор Львович». Таца на плечах две большие буханки черного хлеба, по четыре кило каждая, возвращался из булочной Бобров. Его окружала туча голодных ребятишек, прыгавших за хлебом как воробы, цеплявшихся за одежду с мольбой: «Кусочек, дяденька, хоть кусочек!» Они были почти голые. Мы бросили им довески, над которыми они устроили кучу малу. Неожиданно вошла босоногая прислуга, неся кияток для чая. Улучив момент наедине, она сказала мне, смеясь глазами: «Если дашь фунт хлеба, я тебя после позову... И знаешь, гражданин, честно тебе говорю, у меня сифилиса нет!» Мы с Бобровым решили отлучаться только по очереди, чтобы не прокαραулить хлеб.

Жилье мы сняли в крестьянском, прежде зажиточном и еще чистом доме, у вдовы командира пролетарской артиллерии, который в 1918 году выиграл здесь достопамятное сражение... Во дворе играли два необычайно живых мальчугана семи и девяти лет. Я угостил младшего остатком сахара. Он насыпал белый песок в руку, долго рассматривал, наконец, вымолвил: «Это не соль? Это что, едят?» Я подтвердил, он попробовал и тотчас же выплюнул сахар, скорчив гримасу: «Фу, горько, фу, дрянь!» Я понял, что он никогда не пробовал сахара. Хлебный запас мы пустили на сухари. Мальцы, проворные и шkodливые, как обезьяны,

забрались в наше отсутствие на крышу, оттуда по чердачной лестнице к нам, нашли самые хитрые заначки и сожрали наши сухари. Мы необдуманно пожаловались вдове, и дом огласился душераздирающими воплями. Мать лупцевала детей нещадно и, в ответ на наше заступничество, объяснила: «Они и дома устраивают то же самое! Пускай идут воровать на рынок!» Через несколько дней старший парнишка сам хлестал младшего за новую кражу.

Мы с Бобровым бродили по городу и по лесу такими же голодными, как эти ребята. Бульон стоил рубль в ресторане, где девчонки помогали прислуге за право вылизать тарелку и собрать хлебные крошки после вас. Мы экономили на питании, чтобы его хватило до того времени, пока мы не найдем работу, пока не придет долгожданная помощь из Ленинграда или Парижа. Дважды в неделю мы покупали на рынке пучок зеленого лука и баранью кость и готовили на огне во дворе пахучий суп. А после переваривали его, лежа в состоянии полной эйфории. Однажды мы от него даже заболели. Обычно же питались сухарями и приготовленным на самоваре чаем с сахаром, благо был прессованный, подарок девушки, встреченной в Бутырской тюрьме. Наконец, получили мы и новости: Бобров — что отец его умер от голода в деревне, я — что жена чувствует себя лучше и отправляет посылку... Мы держались достаточно бодро, без конца обсуждая разные проблемы, вспоминая революцию, и были позабавлены тем, что все наши разговоры неизбежно заканчивались примерно такими словами: «Скажите-ка, Виктор Львович (или Иван Егорыч), вот бы щец, а?» Мы в задумчивости останавливались перед лотками, где продавались яйца вкрутую по рубль двадцать штука — цена, доступная лишь для военных. Яйцами вкрутую нам приходилось только любоваться.

В развалинах церквей, на заброшенных папертях, на краю степи, в предгорьях Урала видели мы лежавшие вповалку, медленно умиравшие от голода семьи киргизов. Как-то вечером на опустевшем рынке я подобрал сгорающего в лихорадке ребенка, он стонал, а люди обходили его, опасаясь заразиться. Я понял, что он просто голоден, и отвел малыша в милицию, держа за тонкую, пожираемую внутренним огнем ручку. Стакан воды и кусок хлеба — все, что у меня нашлось, — произвели мгновенное чудо.

— Что вы предлагаете нам с этим делать? — спросили у меня в милиции.

— Отправьте его в детдом...

— Да они от таких отказываются, потому что сами подыхают с голода!

Возвратившись домой, я обнаружил, что мой запас хлеба на несколько дней украден...

Мимо лежавших на солнцепеке, на пустырях то ли живых, то ли мертвых киргизов народ проходил, не глядя: что жалкая, торопливая беднота, что чиновники, военные и их буржуазного вида дамы, короче, те, кого мы называли «8% довольных жизнью». Запорошенный песком рынок на стыке неба и пустыни кишел разношерстной толпой. Там продавали, а гораздо чаще перепродавали один и тот же нищенский хлам. Сто раз чиненные лампы, которые еще коптят, но уже не светят, драгоценные, но разрозненные ламповые стекла, неисправные керосинки, наряды кочевников, краденые часы, которые ходят не более пяти минут (я знал умельцев, которые из трех часов и разного рода обломков могли смастерить четыре...), скотину. Киргизы подолгу спорили вокруг какого-нибудь надменного, по-королевски белого верблюда. Смуглые до черноты старухи, похожие на троглодиток, занимались хиромантией. Станный туркмен в тюрбане предсказывал будущее, бросая козьи позвонки на гравюры французской эротической книги, изданной в Амстердаме во времена Вольтера. В самую черную пору здесь можно было найти хлеб, масло и мясо — по бешеным ценам и безо всякого гигиенического контроля. Оголодавшее ворье всех возрастов, всех типов Туркестана и Памира шныряло в этой толчее, готовое вырвать у вас из рук морковку или луковичу и мгновенно запихнуть ее себе в рот. Как-то моей жене довелось наблюдать: не успела хозяйка купить фунт масла за пятнадцать рублей (трехдневная зарплата квалифицированного рабочего), как какой-то азиат выхватил его у нее из рук и был таков. Погоня была недолгой, но, сжавшись на земле в комок, пока его сверху тузили кулаками и камнями, масло он съел. Там его и бросили, окровавленного, но сытого.

Впрочем, город поддерживался в порядке. Три кинотеатра, каждое лето один, и неплохой, театр с гастрольями, эстрады в саду «Тополя»... Около ста шестидесяти тысяч жителей, из них каждый десятый под надзором ГПУ. Здоровый климат: пять месяцев очень суровой, с морозами до 42°, зимы, пять месяцев лета с сорокаградусной жарой. Круглый год сильные степные ветра, дикие бураны, зимой вздымающие снежные вихри и наметающие белые сугробы на площадях, а летом взметающие шквалы раскаленного песка. Не менее 70% малярийных среди бедной части населения — и, естественно, никакого хинина. Я видел, как в одинаковой лихорадке дрожат и восьмидесятилетняя бабка, и грудничок; они от этого не умирали!

Обыкновенная зарплата — от восьмидесяти до ста пятидесяти рублей. Так что работницы швейной фабрики по вечерам искали встречи с

летчиками... Не менее половины городской бедноты, включая школьников и старух, страдали алкоголизмом; в дни революционных праздников пьян был весь город. С вечера народ баррикадировался по домам, за железными засовами и дубовыми щеколдами. Каждый год на неосвещенных улицах убивали нескольких мелких партийных чиновников... При всем при том — активное население, учащаяся молодежь, в общем, очень славные люди, не отчаивавшиеся, с полуслова понимавшие текст декретов, с подлинным интересом следившие за событиями в Австрии, Испании или Эфиопии, каждодневно выказывавшие стойкую жизнеспособность.

Когда я прибыл, здесь уже находилось человек пятнадцать политических ссыльных: эсеров, сионистов, анархистов, оппозиционеро-капитулянтов. Оренбург считался привилегированным местом ссылки. ГПУ отправляло сюда лишь тех, у кого за плечами были годы тюрьмы и ссылки в других местах... Фактически ссылка имела как бы несколько градаций. Я знал людей, которые отбывали срок в деревушках о пяти домах за Полярным кругом; другие, к примеру, в Тургае, в пустынях Казахстана, где недалеко ушедшие от своих первобытных предков казахи живут в лачугах из самана и по пять месяцев в году обходятся почти без воды. Здесь же, в Оренбурге, мирно доживал свои дни Л. Герштейн, член ЦК Партии социалистов-революционеров; ГПУ собирало вместе — с неизвестными нам целями, и это вызывало беспокойство — влиятельных, известных своей непримиримостью «троцкистов». Вскоре мы сплотились в маленькое и неунывающее братство. Прибыл Рамшвили, старый грузинский меньшевик, уже тринадцать лет проведенный в неволе; был еще один меньшевик, член ЦК своей партии Георгий Дмитриевич Кучин; а также совсем недавно ходившие в больших начальниках правые оппозиционеры, объявившие себя сторонниками генеральной линии (с этими мы вообще никогда не общались).

Режим ссылки не отличался постоянством. ГПУ формировало достаточно однородные колонии ссыльных, чтобы наблюдать за подъемом их интеллектуальной активности, поощрять расхождения и предательства и под надуманным предлогом отправлять наиболее принципиальных в тюрьму или в какой-нибудь медвежий угол. Переписка с близкими, работа, медицинское обслуживание — буквально вся жизнь ссыльного зависела от милости нескольких представителей органов. Приходилось отмечаться в ГПУ ежедневно или раз в три, пять, семь дней, в зависимости от предписания. Едва удавалось немного наладить жизнь, все разрушалось увольнением, тюрьмой или переводом. Бесконечная игра в кошки-мышки. С раскаявшимися ссыльными, подавшими повинную в ЦК, лучше обращались

(не всегда), они получали хорошую должность экономиста или библиотекаря; но остальные их бойкотировали. Так, одной бывшей троцкистке, жене капитулянта, еще находившегося в тюрьме, поручили «чистку» публичной библиотеки, то есть изъятие работ Троцкого, Рязанова, Преображенского и многих других согласно периодически составляемым спискам; книги не жгли, как это иногда делали нацисты, — их пускали под нож для переработки в бумажную массу.

Мне ясно дали понять, что работу я получу, только заслужив расположение ГПУ. Я хотел было устроиться в Уральский золотопромышленный трест, но разговор с начальником отдела кадров завершился следующим образом:

— Вы собираетесь ходатайствовать о восстановлении в партии?

— никоим образом.

— А подавать апелляцию в Коллегию ГПУ с просьбой пересмотреть ваш приговор?

— Нет.

Вопрос о работе отпал сам собой. Но я решил держаться. В Париже продавалась моя историческая книга, три романа и другие публикации. А в Оренбурге имелся магазин Торгсина, где в разгар голода можно было купить по ценам, подчас ниже мировых, продукты и качественную мануфактуру. Весь город взирал на него с жадностью. Только расплачиваться там надо было золотом, серебром или иностранной валютой. Я видел киргизов и русских мужиков, приносивших к заветному прилавку старинные персидские мониста, оклады икон чеканного серебра, и за эти произведения искусства, редкие монеты, купленные на вес, с ними расплачивались мукой, ситцем, кожей... Ссылная буржуазия несла зубные коронки. На три сотни франков в месяц (примерно пятнадцать долларов) я мог жить и даже помогать вышедшим из тюрем товарищам. Обмен на рынке позволял добыть и дров на зиму, и чего-нибудь молочного. Один торгсиновский рубль стоил на рынке тридцать пять — сорок рублей бумажных; так что восьмидесятирублевая зарплата по ценам мирового рынка равнялась двум коммерческим рублям или примерно одному доллару...

Там, где Форштадтская слобода встречается с бескрайней степью, я снял половину некогда справного, но уже обветшавшего дома. Хозяйский муж сидел, сама же Дарья Тимофеевна, высокая, худая, костистая, с суровым, как у персонажа гольбейновской «Пляски смерти», лицом, промышляла хиромантией и жила в крайней нужде. Ее мать ночи напролет делала на продажу мелки, если не валялась, отданная на съедение мухам,

в очередном припадке малярийной лихорадки на полу в сенях. Тоже малярийный, однако смысленный и физически крепкий мальчишка двенадцати лет рыскал по дому и в окрестностях в поисках чего-нибудь съедобного. Когда удавалось заработать рубля три, Дарья Тимофеевна покупала немного муки и бутылку водки и напивалась до горячки или беспамятства. Соседи наши словно стояли одной ногой в могиле, и чудом неизменной выносливости казалось то, что за три года никто из них не скончался! В холодном подвале, где в лютые морозы горячий кизяк создавал видимость тепла, упорно цеплялись за жизнь две старухи и молодая, довольно хорошенькая истеричка, брошенная с двумя маленькими детьми. Детей она запирала, а сама шлялась по рынку в поисках какого-нибудь пропитания. Мальчишки прижимались соплевыми мордами к щелястым доскам двери и жалобно скулили: «Голодно! Есть хотим!» Я их немного подкармливал, поэтому другие матери донимали меня упреками, что даю хлеб и рис только одним: «Наши тоже дышат!» Тут я был бессилен.

Жена привезла из Ленинграда кое-какие книги; рукописи и начатые работы ГПУ вернуло вместе с пишущей машинкой. Я решил работать, словно впереди большое будущее; а оно не было таким уж невероятным. Шансы выжить, а не сгинуть в тюрьме у меня были пятьдесят на пятьдесят. Но любой ценой я решил отстаивать свое последнее право — право мыслить свободно. Начал писать две книги одновременно: свидетельство о борьбе, которую я вел в годы моей парижской юности, и заметки по истории 1918–1920 годов. Я оказался в краю чапаевских партизан, встречался с пережившими эту эпопею. В то время как известный советский фильм прославлял их во всем мире, они влачили жалкое существование, крепко пьющие, разочарованные — но сохранившие, несмотря ни на что, прекрасные личные качества. Я изучал эту сторону гражданской войны и этих простых людей — людей высшей пробы. Особенно запомнилось мне дело о бандитизме, в котором не было ничего, кроме стихийного буйства молодых парней, считавших по пьянке за честь драться до смерти. Я был в рабочем клубе на суде над самым грозным из этих парней, на совести которого было несколько загубленных жизней, причем он не вполне понимал, в чем его обвиняют. Звали его Судаков, он был расстрелян. На моих глазах его окружили легендой. Из зала суда я вышел за час до вынесения приговора, в душную августовскую ночь. Те, кто остался, на другой день рассказывали мне со множеством деталей о победе Судакова. По старому русскому обычаю он попрощался с народом, поклонившись на все четыре стороны, выпрыгнул в окно и скрылся

в садах! Нашлись очевидцы, событие обсуждал весь город, но в этом не было ни капли правды. Когда опомнились, стали утверждать, что Судакова помиловали; потом ГПУ вернуло семье его одежду...

Жаркое и сухое лето, ослепительно снежная, но суровая зима превращали жизнь в непрерывную борьбу. Главное — достать дров. Непродуманные рекомендации советов и обыкновение ГПУ под разными предложениями занимать мало-мальски уютные крестьянские жилища вынуждало людей бросать просторные, добротные дома и строить новые, не более чем на одну семью, чтобы не привлекать внимание военных. Большому дому давали подразвалиться, добивались, ввиду его состояния, разрешения на слом и продавали древесину на топливо — блестящая махинация! Благодаря этому вслед за служащими порасторопнее обогрелся и я — тогда как количество жилплощади в перенаселенном городе неуклонно сокращалось. Сквозь снежные вихри тащили мы с сыном санки с мешком картошки или бидоном керосина, купленным на черном рынке. В иное утро снег засыпал дом почти доверху, приходилось вооружаться лопатой, чтобы освободить двери и окна. Кроме того, дрова надо пилить, колоть и прятать, чтобы не стащили. Я строил из них баррикады у заколоченной двери. За хлебом приходилось ходить на другой конец города и время от времени тыкаться носом в цидульку: «Хлебная норма за 10-е отменяется». Объявление в управлении снабжения гласило: «Престарелые право на карточки не имеют». И все же люди как-то выкручивались, чтобы не дать умереть своим «иждивенцам».

А еще мы совершали большие лыжные прогулки по льду Урала и по лесу. Отливающий всеми цветами радуги снег тут и там был отмечен следами диких зверей, тропами которых мы шли... К тринадцати годам мой сын сделался бывалым лыжником, правда, вместо лыж он ходил на досках. В школе, которую он посещал, один учебник выдавался на троих, в год на ученика полагалось три тетрадки, а казачата бились на ножах и мародерствовали на рынке. «Француз» дрался неплохо (без ножа) и пользовался всеобщим уважением. Будучи сыном ссыльного, он беспокоил школьное начальство (коммунистов), они даже упрекали его за то, что не отмежеввался от отца. Однажды его исключили из школы за заявление на уроке обществоведения о том, что во Франции профсоюзы действуют свободно. Меня вызвали в директорскую попенять на «антисоветский образ мыслей», внушаемый моему мальчику.

— Но это же факт, — сказал я, — во Франции существует и профсоюзная, и даже политическая свобода; тут нет ничего антисоветского.

— Мне трудно вам поверить, — ответил мне директор школы, — мы, во всяком случае, должны внушать детям, что подлинная свобода существует только у нас, а не при диктатуре капитала в так называемых демократических странах.

ГПУ собрало в Оренбурге (несомненно, с целью возбуждения при случае «дела») полдюжины ссыльных левых оппозиционеров и несколько молодых сочувствующих; мы стали одной семьей. Это были действительно замечательные мужчины и женщины. Я попытался передать атмосферу ссылки в романе «Полночь века». После многолетних скитаний из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку, измотанные лишениями, утратившие всякую перспективу, кроме тех же тюрьмы и ссылки, эти товарищи сохранили революционную веру, присутствие духа и живость политической мысли².

2 Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.: Оренбург, 2001. С. 362–373.

Вера Лотар-Шевченко — жена «русского Страдивари»

Наталья Позднякова

Вера Августовна Лотар-Шевченко была выдающейся пианисткой французского происхождения, которая волею судеб долгое время жила в СССР, где и окончила свой жизненный путь. Ее трагической судьбе посвящено множество публикаций в СМИ¹, о ней сняты художественный и документальные фильмы, ее именем назван международный конкурс молодых пианистов в Новосибирске, где она провела последние годы жизни. Со временем ее многотрудная жизнь обросла легендами, и некоторые факты ее биографии в разных источниках трактуются по-разному. Жизнеописание этой выдающейся женщины ждет своего скрупулезного исследователя, имеющего доступ к архивным документам.

Впервые о Вере Лотар-Шевченко написал известный педагог и журналист Симон Соловейчик² 19 декабря 1965 г. в «Комсомольской правде». История, описанная в этом материале, прозвучала сенсационно и сделала имя исполнительницы известным в стране. Позже появились другие публикации, а в 1989 г. был снят художественный фильм «Руфь», где блистательная Анни Жирардо создала образ этой талантливой женщины с трудной судьбой.

В детстве мне посчастливилось короткое время общаться с Верой Августовной и даже получить у нее несколько уроков игры на фортепиано. Это было в начале 50-х годов. Мы жили тогда на Вые, одном из

- 1 Данилин Ю. В. Портреты по памяти (URL: <http://www.lotar-shevchenko.ru/articles/7.html>); Дерябина А. Русская любовь к французской пианистке // Новая Сибирь. № 048, 02.12.2005; Шеваров Д. Пианистка // Первое сентября. № 80, 2005; Рояль на нарах // Новая газета. № 92, 08.12.2005. (URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2005/92/37.html>).
- 2 Прошлое и настоящее. (URL: <http://mikat75.livejournal.com>).

окраинных районов Нижнего Тагила, в «сорокашке», как все называли тогда этот почти единственный благоустроенный дом в округе, заселенный инженерно-техническими работниками Высокогорского рудника.

Однажды по дому пронесся слух, что в городе появилась какая-то необыкновенная учительница музыки. Многие матери семейств поспешили заполучить ее для обучения своих чад. Наша соседка пригласила эту учительницу для подготовки дочери к поступлению в консерваторию. В нашей семье пианино не было, но мама, поддавшись общему ажиотажу, тоже захотела обучать меня музыке. Она договорилась с соседкой, и вскоре меня привели в большую гостиную, где стоял огромный черный инструмент с латунными подсвечниками по бокам. Учительница вошла в комнату, тяжело передвигая отекие ноги. Это была пожилая полноватая женщина с «нездешним» лицом. Она говорила по-русски с чудовищным акцентом, я с трудом понимала ее речь.

Учительница поставила на пюпитр ноты «Школы Бейера» и предложила разбирать эти, может быть и полезные, но невообразимо скучные пассажи. Преподавательница строго следила за правильной постановкой рук. У меня это плохо получалось, и она часто покрикивала: «Круглый!».

Местом рождения Веры Лотар обычно указывают Турин, что на севере Италии, но некоторые авторы называют Ниццу. Год рождения тоже не подтвержден документально — от 1899 до 1906-го. В Википедии написано, что Вера Лотар родилась 10 марта 1901 г. Полное имя девочки было Вера-Аделаида-Кармен. Ее отец, родом из Лотарингии, вскоре получил место профессора Сорбонны, и семья переехала в Париж. Мать, испанка из аристократической семьи, была прекрасной пианисткой. Кроме парижской квартиры, семья владела виллой на Лазурном берегу, где маленькая Вера подолгу жила с бонной-англичанкой.

Огюст Лотар часто брал дочь в научные экспедиции. Еще ребенком она побывала и в Азии, и в Африке, и в Австралии. У девочки рано обнаружили большое музыкальное дарование, и в 12 лет она уже солировала с оркестром, которым дирижировал сам Артуро Тосканини. Она с блеском окончила Парижскую консерваторию, где училась у Альфреда Корто, и после стажировки в Вене объездила с гастролями все крупные города Европы и Америки. Играла и в Букингемском дворце перед королевским семейством. Везде встречала восторженный прием.

В 30-х годах Вера Лотар вышла замуж за инженера-акустика Владимира Яковлевича Шевченко, которого за созданные им прекрасные скрипки называли «русским Страдивари». По одним данным, он был сотрудником советского торгпредства, по другим — сыном эмигрантов первой волны,

мечтавшим вернуться в Россию. В семье было трое детей: двое сыновей от первого брака мужа и один их общий ребенок.

В конце 30-х годов Владимир Яковлевич добился разрешения на въезд в СССР, и счастливая молодая семья переезжает в Ленинград, где уже свирепствовали репрессии. Мужа вскоре арестовали «за шпионаж», а убитая горем жена явилась в «органы» и после долгих объяснений с доблестными чекистами заявила, стукнув кулаком по столу, что если такого прекрасного и честного человека, каким является ее муж, обвиняют в преступлениях против власти, то пусть арестуют и ее. Тут же были вызваны конвоиры.

Ее отправили в огромный Тавдинский лагерь, где в ужасающих условиях вместе с уголовниками отбывали срок артисты, музыканты и другие представители интеллигенции. Она не любила вспоминать то страшное время. За эти годы ее муж сгинул в лагерях, а двое детей погибли в блокадном Ленинграде. Она же превратилась из красивой цветущей женщины в больную старуху, сохранившую, однако, свой неукротимый характер и творческую одержимость.

Во многих публикациях о Вере Лотар-Шевченко описывается, как она вырезала на нарах ножом клавиатуру фортепиано и в редкие свободные от каторжного труда часы «играла» свои любимые произведения Баха, Бетховена, Шопена, Дебюсси. Измученным нечеловеческими условиями соседкам по лагерному бараку казалось, что они слышат эту бессмертную музыку, так вдохновенно было лицо исполнительницы, и так выразительны ее натруженные руки. В одной из передач радио «Свобода» журналист Юрий Данилин, близко знавший Веру Августовну в новосибирский период ее жизни, рассказал, что ему удалось найти этот легендарный «рояль на нарах»³.

В январе 1950-го закончился лагерный срок, и вскоре Вера Августовна в видавшем виды ватнике, юбке из мешковины и в стоптанных валенках приехала в Нижний Тагил, где ей предписано было жить. Она шла по городу и на ломаном русском просила испуганных прохожих указать дорогу к музыкальной школе.

Я помню это старинное одноэтажное, давно снесенное здание музыкальной школы №1 с маленьким уютным залом. Сюда пришла Вера Августовна, надеясь, что ей разрешат поиграть на фортепиано после стольких лет отлучения от любимого искусства. Помню я и многолетнего директора этой школы Марию Николаевну Машкову. Эта интеллигентная,

3 Поверх барьеров. Вечера фортепианной музыки памяти Веры Лотар-Шевченко. Интервью Н. Тимашевой с С. Самойленю, Ю. Данилиным, В. Калужским, Ж. Бастенером (URL: <http://archive.svoboda.org/programs/otb/2006/OBT.010506.asp>).

добрая женщина приветила опальную пианистку. На свой страх и риск она устроила ее на полставки иллюстратором музыки, поскольку преподавать официально вчерашней «зэчке» никто бы не позволил. Мария Николаевна на первых порах помогла ей с жильем и одеждой.

Заработок иллюстратора был ничтожен, и чтобы выжить, Вера Августовна стала давать частные уроки музыки. Среди ее учеников в Нижнем Тагиле были дети семейств Мировских, Римша, Николаевых, Покровских, Фискиндов, Гуськовых, Угодниковых. Некоторые из них впоследствии написали о Вере Августовне теплые воспоминания.

Приведу отрывки из статьи «За роялем Лотар-Шевченко» инженера Э.Ю. Фискинда, сын которого несколько лет учился у нее.

«Кто-то из новых знакомых посоветовал Вере Августовне обратиться в драматический театр. Она туда пришла, села за инструмент, сыграла и... победила: ее приняли концертмейстером. Более того, предоставили небольшую изолированную комнату в квартире, где жила семья артиста...

Готовых клавиров к спектаклям Вера Августовна не имела и своих записей музыки не вела: ей было недосуг писать ноты. Все строилось на импровизации...

Когда мы договаривались об уроках, Вера Августовна задала только один вопрос: «Ваш сын способный?». Она не признавала длительного разучивания гамм. Месяца через два после начала занятий она сделала серьезное замечание своему ученику: «Как тебе не стыдно! Такой большой, уже тринадцать лет, и ты плохо играешь сонату Бетховена, а он написал ее, когда ему было восемь!»

После уроков Вера Августовна частенько у нас задерживалась, много играла в свое удовольствие. Ее манера напоминала мне игру Эмиля Гилельса: мощный аккордный удар, взгляд пианистки устремлялся в бесконечность. Только ей ведомо было, куда уносилась она мыслями в эти минуты. Сидящие вокруг как бы переставали существовать для нее. Не дай Бог, если в это время звонил телефон и приходилось брать трубку. Она возвращалась к реальности и больше играть не могла.

Вера Августовна иногда теряла контроль над временем, и тогда при ее рассеянности возникали курьезные ситуации. Как-то однажды от нас она должна была отправиться на концерт во Дворец культуры металлургов. Времени оставалось в обрез. Не успели мы оглянуться, как Вера Августовна, забыв свои туфли и надев боты нашего сына, умчалась на концерт...»⁴

4 Фискинд Э.Ю. За роялем Лотар-Шевченко // Тагильский краевед: Альманах. Нижний Тагил, 1992.

Интересно, что одновременно с Верой Августовной в Нижнетагильском драмтеатре работал Владимир Мотыль, будущий режиссер бессмертного шедевра «Белое солнце пустыни». Говорят, что образ прелестной Полины Геббль-Анненковой из другого его нашумевшего фильма «Звезда пленительного счастья» был во многом навеян судьбой и характером Веры Лотар-Шевченко.

Любимыми ученицами Веры Августовны в Нижнем Тагиле были сестры Геля и Таня Гуськовы. Ангелина Константиновна стала известным в стране врачом-радиологом, руководителем московской клиники. Татьяна Константиновна, впоследствии Почетный гражданин Нижнего Тагила, краевед и историк, профессор НТГСПА, написала о своей незабвенной учительнице статью «Ее слушал Ромен Роллан»⁵.

В очерке «Странная француженка» журналистка газеты «Тагильский рабочий» Н. Дузенко тоже пишет о тесном общении Веры Августовны с семьей Гуськовых: «...Старинное немецкое пианино с подсвечниками. Она очень любила этот инструмент, уют и гостеприимство этой квартиры. Собранная здесь библиотека французских книг подарила редкую возможность читать на родном языке.

— Скажите, а каким она была педагогом? Наверное, очень строгим? — спрашиваю у хозяйки, преподавателя кафедры истории педагогического института Татьяны Константиновны Гуськовой, которой посчастливилось быть ученицей Лотар-Шевченко.

— Вера Августовна всегда давала очень трудные вещи. Терпеливо слушала. А потом подходила к инструменту со словами: «Нужно играть вот так» и исполняла произведение — одно, другое, третье. Так урок превращался в концерт, и все, кто был рядом, бросали дела и, затаив дыхание, слушали...

Она жила в каком-то своем особом мире, была абсолютно беззащитна и непрактична в делах житейских, бытовых. Казалось, что ей безразлично, как она питается, во что одета. Музыка заполняла ее всю без остатка, была смыслом существования, жизнью и счастьем. Это видно даже из письма, которое бережно хранит Татьяна Константиновна. Почти все, от начала и до конца, оно о музыке: «Ездил на гастроли с оркестром в Архангельск, Мурманск и т.д. Сейчас очень много работаю и готовлю концерт к юбилею Шопена. Буду играть 24 этюда и четыре баллады. Концерт разрешили дать после прослушивания в Москве, комиссия дала мне блестящие отзывы. Как странно и противоположно это мнение тому, что было в Свердловске...»

5 Гуськова Т.К. Ее слушал Ромен Роллан // Тагильский рабочий. 2007. 10 марта.

— До тех пор, пока я не услышала в ее исполнении Шопена, считала его музыку утонченно-изысканной, несколько салонной, — вспоминает Т.К. Гуськова. — Наполненные бурным темпераментом произведения в ее исполнении звучали и воспринимались совсем по-новому. Не только в музыке, но и в характере Веры Августовны наблюдалась некая порывистость, горячность — вероятно, эти качества она унаследовала от матери — испанки знатного рода»⁶.

Несмотря на добрые отношения тагильчан к Вере Августовне, выдающейся пианистке мучительно не хватало концертной деятельности. После смерти Сталина, когда ослаб гнет репрессивной машины, она добилась реабилитации и разрешения жить в областных центрах. Она переехала в Свердловск в надежде устроиться солисткой филармонии. Об этом непростом этапе жизни исполнительницы говорится в очерке Нинель Пляцковской «Вспомнился Нижний Тагил», опубликованном в журнале «Балтийские сезоны» и в книге Зеры Германовны Мышкиной «Люблю гармонию», где Вера Августовне посвящена глава «Французский феномен».

В Свердловске Вера Августовна сняла комнату у вдовы профессора Соколова Анны Георгиевны в одном из коттеджей, окруженных яблоневым садом. Еще недавно эти дома можно было увидеть в районе цирка. Там было уютно, но холодно. Вера Августовна отчаянно мерзла, согревая свои и без того застуженные в лагере руки в старенькой меховой муфте. На прослушивании перед поступлением в филармонию она играла прелюдии и фуги из I тома «Хорошо темперированного клавира» Иоганна Себастьяна Баха. Высокая комиссия была поражена неженской мощью ее исполнительской манеры.

Вот отрывки из статьи Нинель Пляцковской: «На первые, свободные от хлеба насущного, деньги она взяла напрокат кабинетный рояль, а при следующей возможности сшила себе черное концертное платье, явно для филармонических стен, хотя до них еще было далеко... Хорошо помню ее первый концерт в Свердловской филармонии. В этот вечер несколько близких людей были рядом с ней. Перед началом концерта в комнату, где она готовилась, заглянула ведущая, посмотреть, как выглядит Вера Августовна. Это был слегка интеллигентный контроль. Она одобрительно кивнула на то самое черное платье, сшитое довольно загодя. На что после ее ухода Вера Августовна сказала: «Она думает, что я из Тагила, она забыла, что я из Парижа». Фраза звучит вроде вызывающе, но В.А. произнесла ее вполне умеренным тоном, как нечто само собой разумеющееся. Для нее это был непреложный факт жизни. Не более. Но и не менее»⁷.

6 Дузенко Н. Странная француженка // Тагильский рабочий. 1991. 2 апр.

7 Пляцковская Н. Вспомнился Нижний Тагил // Балтийские сезоны. 2008. №18. С. 120-124.

Я почти уверена, что это знаменитое платье, в котором Вера Августовна не раз выступала, было сшито у той тагильской портнихи, которая когда-то рассказала мне о судьбе пианистки.

Приведу цитату из статьи «Французский феномен» музыковеда и писательницы Зеры Германовны Мышкиной: «В концертах Лотар-Шевченко играла преимущественно произведения зарубежных классиков: «Карнавал» Шумана, сочинения Листа и, конечно, французских импрессионистов. Я слышала ее интерпретацию пьес Дебюсси «Колокола сквозь листву», «То, что видел западный ветер», «Девушка с волосами цвета льна». Пианизм Лотар-Шевченко отличался от нашего напевного русского какой-то мужественной сухостью, в нем не было обычной импрессионистской тонкости, акварельности красок, хрупкого мира изменчивых впечатлений, видимо, ее пальцы утратили былую мягкость и гибкость. Некоторым музыкантам казалось, что она играет не так, как принято, не одобряли ее трактовку, иной раз даже обвиняли в дилетантстве...»⁸

И снова цитата из статьи Нинель Пляцковской: «Надо было преодолеть массу предубеждений, музыкальных и внемузыкальных. Для одних, власть имущих, она была недавним политзеком, для других, в частности преподавателей Свердловской консерватории (они должны были дать свое «добро» на ее право работать в филармонии), — творческим чужаком. Она говорила, что ее все время обвиняли не в той «трафтовке» Листа или Шопена, и просила объяснить смысл этого не вполне понятного ей слова»⁹.

Из-за этой непривычной для русского уха «трафтовки» Вере Августовне редко разрешали сольные концерты. Она вынуждена была «колесить» по маленьким городам и селам области в составе бригад для сборных концертов и музыкально-просветительских лекториев. Пожилой женщине это было тяжело, да и не соответствовало масштабам ее дарования.

В пору пребывания Веры Августовны в Свердловске произошло событие, во многом скрасившее боль невосполнимых потерь, — неожиданно нашелся пасынок, старший сын ее любимого погибшего мужа. Вот как описывает это событие Нинель Пляцковская: «... Из конверта выпала фотография молодого мужчины. Всмотревшись в нее, В. А. буквально захлебнулась от волнения... Письмо было от старшего сына В.Я. Шевченко. Став взрослым, он сильнейшим образом походил на своего отца, что и привело ее в первый момент в полное смятение. Теперь он носил

8 Мышкина З.Г. Люблю гармонию: Свердловская филармония — XX век. Воспоминания очевидца. Екатеринбург, 2000.

9 Пляцковская Н. ВспомнилсЯ Нижний Тагил. С. 120-124.

фамилию Ярового, на которую по родственным связям имел право. И вот Денис Яровой писал, что ему, как старшему и знавшему языки, с началом войны удалось добровольно уйти в действующую армию, младшие же братья, увы, действительно погибли во время блокады. Письмо-исповедь начиналось с момента, когда их разлучили. Денис тоже был потрясен новостью, которую узнал. Ведь и он считал ее погибшей...

О себе он писал, что решил продолжить дело отца и тоже стал мастером-акустиком, создателем смычковых инструментов (забегая вперед, скажу, что спустя время он получил серьезное признание в своей области, дважды был победителем крупных международных конкурсов)¹⁰.

До конца жизни Вера Августовна сохранила теплые родственные отношения с вновь обретенным пасынком, которого она ласково звала Денисико. К сожалению, творческая жизнь пианистки в Свердловске складывалась не так, как ей хотелось. Не найдя понимания у свердловской музыкальной элиты, Вера Августовна переезжает в Барнаул, но и там мало кто осознал, какого уровня пианистка работает в местной филармонии. И только случайная встреча в конце 1965 г. со столичным журналистом Симоном Соловейчиком изменила к лучшему ее судьбу. После нашумевшей статьи «Пианистка» Веру Августовну пригласили в Академгородок под Новосибирском.

В последние 16 лет жизни к Вере Августовне наконец пришло всеобщее признание. Она успешно гастролировала в крупнейших центрах страны, посетив Одессу, Москву, Киев, Владивосток и любимый ею Ленинград. Уже никто не обвинял ее в неправильной трактовке Шопена, Дебюсси и Равеля. У нее было свое видение мира и свой взгляд на исполнение бессмертных музыкальных шедевров.

В Новосибирске Вера Августовна общалась в среде высокоинтеллектуальных людей, многие из которых знали родной ей французский язык. Ее любили студенты и учащиеся знаменитой ФМШ — физико-математической школы для одаренных детей. Говорят, что часто дверь ее квартиры была приоткрыта — она играла, а молодые люди сидели на ступенях лестницы и заворуженно слушали.

Умерла Вера Августовна 10 декабря 1982 г. Ее похоронили на Южном кладбище Академгородка. На скромном могильном камне высечены ее слова: «Жизнь, в которой есть Бах, благословенна».

Почему она не вернулась во Францию, когда появилась такая возможность? В многочисленных публикациях пишут, что на такие вопросы она обычно отвечала: «Это было бы предательством памяти русских

¹⁰ Там же.

женщин, помогавших мне выжить в адских условиях заключения». В других статьях приводится иной ее ответ: «Зачем возвращаться, мне и здесь хорошо».

Мне кажется, ни первый, ни второй ответы не отражают истинных причин столь упорного ее отказа покинуть СССР. Разве русские женщины-мученицы, разделившие с Верой Августовной страшные годы неволи, не поняли бы ее стремление вернуться домой? И так ли уж ей было хорошо в нашей стране, даже когда она получила возможность концерттировать в крупных городах? Сравнима ли эта ее известность с той, какую она имела бы, с комфортом живя во Франции и разъезжая с гастрольями по всему миру?

В разговоре с Симоном Соловейчиком Вера Августовна так объяснила нежелание вернуться в Париж: «В жизни никогда нельзя возвращаться назад». И это было сказано еще в Барнауле, когда она выступала в полупустых холодных клубах провинциальных городов, часто не встречая понимания, жила в крошечной квартирке, где измученные нескончаемыми мощными аккордами соседи постоянно стучали в стену, прося хотя бы немного тишины. Она очень страдала от холода долгих снежных зим.

В 2012 г. международный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко организаторы планируют провести в Екатеринбурге.

Штрихи к портрету Ю. Г. Эрвье (на основе материалов из личного фонда)

Ольга Паренкина, Николь Бельская

Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье — личность, имевшая огромное историческое значение для становления и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Почти четверть века Ю. Г. Эрвье возглавлял геологическую службу Тюменской области. Он стал основателем и первым руководителем крупнейшего в системе Министерства геологии СССР Главного Тюменского производственного геологического управления, создал высококвалифицированный коллектив геологоразведчиков. В пору расцвета в составе Главтюменьгеологии только по основным видам работ (бурение, геофизические работы) насчитывалось 9 объединений, 50 нефтеразведочных, геофизических экспедиций, экспедиций по испытанию скважин, вышкомонтажных контор. В состав главка входили 3 научно-исследовательских и один проектный институт, тематическая экспедиция по подсчету запасов углеводородного сырья, вычислительный центр и центральная лаборатория.

Эрвье был инициатором и организатором проведения ширококомасштабных поисковых и разведочных работ на большей части Западной Сибири, закончившихся открытием крупнейшей в СССР и в мире нефтегазоносной провинции. В сентябре 1959 г. на Игримской площади южнее Березово был получен мощный фонтан газа, а на Мулымьинской структуре — непромышленный приток нефти. В июне 1960 г. скважина, пробуренная бригадой С. Н. Урусова, дала нефть с дебитом до 350 тонн в сутки. Тем самым было открыто первое в Западной Сибири нефтяное месторождение — Шаимское. В марте 1961 г. открыто Мегионское ме-

сторождение, в октябре — Мортымьинское, в ноябре 1962 г. — Западно-Сургутское нефтяное месторождение. 12 февраля 1963 г. была пущена в эксплуатацию первая промысловая скважина Березовского газового месторождения и первый северный трубопровод от промыслов до Березово протяженностью 12 км.

Всего за время руководства Ю.Г. Эрвье геологической службой области было разведано и открыто более 250 месторождений нефти и газа, 112 месторождений отнесены к разряду крупных, крупнейших и уникальных, из них крупных — 49, крупнейших — 33, уникальных — 30, в том числе нефтяные месторождения Мамонтовское, Правдинское, Самотлорское, Федоровское, Холмогорское, и газа — Заполярное, Медвежье, Уренгойское, Ямбургское. Геофизическими работами было подготовлено 466 структур, перспективных на нефть и газ. Разведанные запасы нефти составили 10 млрд тонн, конденсата — 0,5 млрд тонн, газа — 20 трлн кубометров. В тот период на базе открытий геологов в Тюменской области был создан крупнейший в стране и в мире топливно-энергетический комплекс.

Имя Юрия Георгиевича Эрвье еще при жизни было овеяно славой и признанием. О нем написаны повести, статьи, воспоминания, сняты документальные фильмы, и исследователям еще предстоит изучать сибирский феномен, расставлять акценты и объяснять многие повороты в его судьбе. Задача этой публикации — не претендуя на всесторонность, дополнить личностными штрихами портрет Юрия Георгиевича на основе материалов из музейного фонда.

Персональная коллекция Ю.Г. Эрвье насчитывает свыше 600 музейных предметов о четырех поколениях семьи Эрвье. Материалы, включая документы, долгое время хранившиеся в домашнем «спецхране», отражают основные этапы его жизни, родословную, различные стороны производственной и общественной деятельности, раскрывают личность этого человека.

Родился он 16 апреля 1909 г. в г. Тифлисе в семье служащего. В семье кроме Рауля-Юрия было еще четверо детей. В фондах хранятся фотографии двух сестер Юрия Георгиевича: Алины и Жермен-Эрминии. Предки Юрия Георгиевича были выходцами из Франции: его дед, Жан Франциск Эрвье, приехал в Россию с семьей в 60-е гг. XIX в. и в 1896 г. принял российское подданство. В Закавказье, где они поселились, он был избран в гласные городского собрания. 31 декабря 1872 г. из рук Государя Императора Александра Николаевича он получил Грамоту Гласному Тифлисского общественного управления, французскому

подданному Ивану Эрвье: «За добросовестное исполнение обязанности Гласного с пользою для города и за производство значительной заграничной торговли награждаю Вас именем его императорского Величества золотую медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на шее»¹.

Помимо этого Иван Франциск Эрвье был награжден Персидским орденом Льва и Солнца 3-й степени, русским орденом Станислава 3-го класса, серебряной медалью на ленте 2-го класса. Отец Юрия Георгиевича, Георгий Иванович, уже родился в России. «Выписка из метрической книги Тифлисской католической церкви» от 20 марта 1884 г. сообщает, что крестником отца был генерал-лейтенант князь Иван Гивич Амилохвори². Эрвье были зажиточными людьми: владели нефтеносными участками, качали нефть. Подтверждением этому служат документы: копия договора 1909 г. о передаче в арендное содержание участка нефтеносной земли И. Гаджинскому от Г.И. Эрвье³ и бумага Кавказского горного управления от 4 июля 1915 г., в которой говорится о взносе денег за участок под добычу нефти⁴. Эрвье водили дружбу со знатными людьми. В семье Юрия Георгиевича бережно хранили клавиры оперы «Русалка» издания 1885 г., подаренный его бабушке Е.А. Истамановой князем Багратион-Мухранским. При жизни Эрвье эти факты по вполне понятным причинам не публиковались, о своей родословной он упоминал лишь в беседах с журналистами.

Скитальческая жизнь Ю.Г. Эрвье после его ухода из родительского дома в 20-е гг. документальными источниками музея никак не отражена (имеется лишь грамота о присвоении ему почетного звания ударника Мелитопольской газовой партии 1934 г.). Об этом периоде жизни мы можем судить по автобиографии 1964 г., анкете, воспоминаниям жены и рассказам журналистов. В анкете дается сухой перечень мест, где ему довелось трудиться: 1923–1927 гг. — помощник мастера на мыловаренном заводе в Тбилиси, 1927–1928 гг. — грузчик в порту в Батуми, 1928–1929 гг. — хлопкоочистительный завод в Термезе, 1929–1930 гг. — буровой рабочий, сменный мастер Мелитопольской газовой партии, с 1930 по 1941 г. — работа в различных геологических партиях на Украине⁵. Как видим, с геологией судьба его связала в 1929 г. и не разлучала до конца жизни. В 1933 г., как следует из Свидетельства, он окончил высшие

1 ТОКМ. Ф. 378. ОФ 14939\1.

2 Там же. ОФ 14939\2.

3 Там же. ОФ 14939\5.

4 Там же. ОФ 14939\6.

5 Там же. ОФ 14946.

геологоразведочные курсы в г. Киеве с присвоением квалификации «инженера-геологоразведчика»⁶. Преобладающая оценка в его матрикуле (аттестате) — «добре»⁷.

В годы Великой Отечественной войны в составе Южного и Северо-Кавказского фронтов Юрий Георгиевич участвовал в обороне Одессы, Туапсе, Новороссийска. В выписке из приказа войскам Северо-Кавказского военного округа 1942 г. говорится о включении в состав Армии отдельного отряда глубокого бурения по поиску пресной воды на оккупированной территории⁸. Командиром отряда был назначен Ю.Г. Эрвье. В 1943 г. ему было присвоено звание инженера-майора. Подвиг майора инженерной службы был отмечен орденом Красной Звезды и «Отечественной войны», рядом боевых наград, среди которых медали «За оборону Кавказа и Одессы». В первые годы войны Юрий Георгиевич вел дневник, который адресовал жене. Все это время он хранился в семейном архиве, впервые его страницы были опубликованы в дополненном издании книги «Сибирские горизонты»⁹. Дневник полон описаний сцен из фронтовой жизни и многое дает для понимания внутреннего мира Юрия Георгиевича. Приведем некоторые выдержки (стиль сохранен)¹⁰.

Из дневника Ю.Г. Эрвье

г. Одесса

22 июня 1941 г.

Замечательное тихое, солнечное утро. Сборы к морю с Ксаной (жена) и Юриком (старший сын). Около 12 часов к забору подошел Володя Ляховецкий и сказал, что только что говорил Молотов о немецком наступлении. Меня как громом ударило, до того неожиданно для меня это было. У меня сжалось сердце. Мысль: сколько жертв, сколько обездоленных семей, сколько потерь в промышленности, так дорого доставшейся нам, но лишь одно, что в конечном итоге мы все вместе выйдем из этого положения, хоть и с большими потерями, несколько сглаживало впечатление.

г. Одесса

25 сентября 1941 г.

Все дни жестокие бомбежки. Я не из трусливых, но каждый вечер, наблюдая налеты и слушая заунывную гамму сбрасываемых мин и вой

6 Там же. ОФ 14948.

7 Там же. ОФ 14949.

8 Там же. ОФ 14954.

9 Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Екатеринбург, 1999.

10 ТОКМ. Ф. 378. ОФ 14962.

бомб с последующими взрывами и заревом пожаров, сопровождаемых интенсивным огнем наших зениток, пулеметов с непрерывным потоком трассирующих пуль и снарядов, становится жутко.

И вдруг пронзительные строки, адресованные жене:

ст. Успенская

Январь 1942 г.

Роденькая моя! Крошечка моя! Я стал более человечным, менее эгоистичным и грубым под твоим влиянием. Таким, что если бы об этом знали подчиненные мне служащие и рабочие, то ни один из них не поверил бы. Из строгого начальника я превращался в ласкового мужа — и редко отца. Такая жена — мать, друг, человек, как ты, — редкость. Женщины тебе подобной нет. Ты — лучшее, что у меня было за всю жизнь. Странно, у людей с годами проходит чувство, а у меня растет. Ты замечательный человек во всем: умная, веселая, неунывающая, самоотверженная — ты для меня была находкой, ты меня перековала и переделала, ты сделала из меня более культурного человека. Знай, что ты бесценная. Капелька моя!

А эти строчки — ода солнцу.

11 октября 1941 г.

Солнце! Как я его любил и люблю всю жизнь. Солнце! Сколько воспоминаний и тепла ты несешь с собой. Это жизнь. Уж если суждено умереть, то последний взор кинуть на тебя, солнце, а не на это серо-зеленое, неприятное море, которое можешь украсить только ты. Много раз в жизни я призывал тебя, и ты всходило, вселяя в меня бодрость и жизнь, — ты мать земли и всего живого на земле.

Такого Эрвье знали немногие. Впоследствии один из его коллег писал: «У него было большое сердце. Голова мыслителя. И если голову ценили, то сердце мало кто знал и понимал»¹¹.

Работа его в Молдавии (1945–1952 гг.) в фондах представлена лишь фото и копией удостоверения о возложении обязанностей начальника Государственного геологического контроля на территории Молдавской ССР. Большую часть личной коллекции составляют материалы о деятельности Ю.Г. Эрвье в Западной Сибири (1952–1977 гг.), ставшей его «звездным часом». Из разрозненных геологических и геофизических служб он создает крупнейшую в системе Министерства геологии организацию —

¹¹ Мизинов Н. В. Главный геолог// Тюменский геолог. 1991. 21 нояб. С. 1.

дважды орденоносную Главтюменьгеологию, по сравнению с которой, по словам академика И.И. Нестерова, «такие известные международные нефтегазовые гиганты, как Шелл, Шеврон, Амоко, Бритиш Петролеум выглядели просто карликами»¹².

Многочисленные источники, характеризующие производственную и общественную деятельность Ю.Г. Эрвье, дают представление о том, насколько широк был круг проблем, которые приходилось ему решать. Среди них документы, касающиеся вопросов разработки и освоения крупнейших месторождений, создания Главка, сведения о членстве в составе различных советов по решению экономических вопросов. Так, одним из главных событий в истории становления геологоразведки Тюменской области явилось объединение геологов и геофизиков в 1957 г. (Решение партийно-хозяйственного актива геологоразведочного треста о реорганизации «Тюменьнефтегеологии» и ЗапСибнефтегеофизики¹³). В докладах и выступлениях Эрвье часто затрагивал и вопросы социально-культурного развития — к примеру, доклад на пленуме обкома КПСС 1964 г. «О мерах по улучшению культурно-бытового обслуживания работников организаций геологического управления»¹⁴, в котором говорилось о необходимости строительства базовых поселков, обеспечении их садами, больницами, снабжении продуктами и т. д. В материалах о строительстве Нижне-Обской ГЭС видна научно аргументированная позиция Ю.Г. Эрвье о несовместимости дальнейшего развития нефтяной и газовой промышленности с идеей строительства ГЭС, которая грозила затоплением значительной части Западной Сибири (113 тыс. кв. км).

Ю.Г. Эрвье был делегатом партийных съездов, конференций, неоднократно избирался депутатом, принимал участие в работе нефтяных и газовых конгрессов. В его фонде хранятся документы, касающиеся деятельности центральных, местных партийно-хозяйственных органов 1960–70-х гг., становления геологической службы Тюменской области: приказы, постановления, справки об открытых и разведанных запасах нефти и газа, о ходе выполнения различных постановлений по усилению разведочных работ, заключения экспертных комиссий по перспективным планам разведки и использования углеводородного сырья до 2000 г., протоколы производственно-хозяйственных активов, совещаний, докладные записки, стенограммы выступлений, социалистические обязательства организаций и предприятий Главтюменьгеологии и т. д.

12 Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. С. 166.

13 Там же. ОФ 12839\46.

14 Там же. ВФ 5295\18.

Вклад этого человека в развитие Тюменской области и жизнь города Тюмени, Почетным гражданином которого он был избран в 1984 г., огромен. Доказательством признания его заслуг и большого авторитета являются высокие правительственные награды, хранящиеся в фондах: два ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской революции, многочисленные юбилейные медали, медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Он лауреат Ленинской премии 1964 г., Герой Социалистического Труда, награжден почетными знаками: «Почетный разведчик недр», «Почетный нефтяник», «Почетный работник газовой промышленности» и др. Деятельность Ю.Г. Эрвье на посту замминистра геологии СССР (1975–1984 гг.) в фондах представлена фото- и документальными источниками, среди которых и служебные дневники с рабочими записями (1981–1982 гг.).

Многое как о человеке и руководителе говорят письма разных лет, которые приходили к нему со всех концов страны и из-за рубежа. Обратными адресатами были различные издательства, журналисты, писатели. За помощью и советом к Эрвье как к бывшему командиру, гвардии-майору запаса, обращались фронтовые друзья и ветераны-геологи, когда-то работавшие с ним.

Юрий Георгиевич был дружен со многими творческими людьми. В его коллекции — режиссерские сценарии фильмов о геологах с пометками Эрвье, гранки статей, тексты песен с автографами композиторов, книги с дарственными от авторов. Ю.Г. Эрвье и сам был наделен литературным даром. Его перу принадлежит документальное повествование «Сибирские горизонты», о котором писатель Г. Марков в одном из писем писал: «Лучшие страницы Вашей книги обнаруживают в Вас дар рассказчика, литератора, «живописца словом»¹⁵. Интересен памятный снимок с автографами первых советских космонавтов: «Юрию Георгиевичу Эрвье, человеку большого сердца и большой души от друзей с пожеланиями свершения Вашей великой мечты, в которую мы все верим. 9.08.67 г.»¹⁶

Вспоминают сподвижники Эрвье, имена которых говорят больше, чем звания и регалии:

Геннадий Богомяков, первый секретарь обкома партии с 1973 по 1990 г.: «Значимость открытий при руководстве Юрия Эрвье очевидна в стране и в мире. Это был великолепный человек. Когда не стало его дочери, которая пошла по его стопам, тоже стала геологом, он сказал: «Оставьте мне место на Червишевском, возле Машеньки». Здесь, в Тюмени, его и захоронили...»;

¹⁵ Там же. ОФ 15030\1.

¹⁶ Там же. ОФ 15060.

Алексей Конторович: «Эрвье причастен к открытию, которое спасло нашу экономику в 70–80-х годах и позволило выйти из кризиса 90-х. Эрвье создал мощнейшую геологоразведочную структуру — и удивительный коллектив единомышленников. Дружба, сплоченность — это тоже феномен Главтюменьгеологии. Эрвье был властным, волевым руководителем, но одновременно это был добрый и сердечный человек...»;

Фарман Салманов: «Это память о наших великих делах. То, что мы сегодня имеем, получено благодаря организаторским способностям Эрвье. Он был не только геологом, но и патриотом»;

Лев Ровнин: «Открытия давались нелегко, тем значимее роль, которую сыграл Эрвье, объединивший геофизиков, геологов, буровиков. Он создал самый мощный главк, равного которому в России не было и никогда не будет. Благодаря тому, что это был активнейший и волевой руководитель, люди могли спокойно работать... Если бы не он, вряд ли удалось бы в короткие сроки разведать месторождения, которые много лет обеспечивают благосостояние страны»¹⁷.

17 Аббасова И. Монументальный «папа Юра». 2006. 14 апр. (URL: <http://www.vsluh.ru/news/oilgas/80016.html>)

Французы на Урале: по воле случая или по долгу службы исторические хроники¹

В отличие от традиционного немецкого, французское присутствие на Урале, безусловно, менее значительное. В силу малочисленности французов в Уральском регионе употребление любого из устоявшихся в отношении подобного феномена терминов (колония, поселение, землячество, социальные сети) выглядит некорректным. Французское присутствие на Урале, будь то временное местонахождение или проживание, правильнее было бы назвать «точечным». Классификацию причин и условий попадания французов (в том числе и уже обрусевших) на Урал можно представить следующим образом:

- путешественники (XIX–XX вв.)
- миссионеры (вторая пол. XVIII–XIX в.)
- члены научно-исследовательских экспедиций (пер. треть XVIII–XX в.)
- ученые с командировками и миссиями (XVIII–XX вв.)
- инженеры и специалисты в области горнозаводского дела, приглашенные для работы на демидовских заводах (XIX–нач. XX в.)
- французские военнопленные (1805–1814 гг.)

¹ Глубоко благодарим всех тех, кто помогал в подготовке данного обзора. В первую очередь, это К. Круай и Ж. Февр, которые составили первоначальный список французов на Урале, расширив данные опубликованных работ В. Б. Семенова, Л. Д. Злоказова и А. В. Дмитриева, Э. Ф. Емлина. Во-вторых, это многие авторы данного сборника: О. А. Бухаркина, В. А. Дацкевич, В. Н. Земцов, В. В. Литовский, В. П. Микитюк. Наконец, это как екатеринбургские исследователи: Н. И. Дмитриев, Э. А. Калистратова, С. А. Корепанова, А. М. Кручинин, А. Г. Сапожников, В. Б. Семенов, так и специалисты из других городов: Н. П. Копанева (Санкт-Петербург), О. В. Крупцева (Томск), Р. П. Чубарева (Оренбург), А. В. Чудинов (Москва), Д. Гузевич и В. Ржеуцкий (Париж).

— наемные управляющие различных заводов и обществ, в том числе с участием французского капитала (последняя треть XIX– нач. XX в.)

— жены декабристов (с 1826 г.)

— преподаватели французского языка и гувернеры (XIX– нач. XX в.)

— сотрудники французской военной миссии и Красного креста, солдаты французского колониального батальона в Сибири (пер. треть XX в.)

— политические заключенные и репрессированные (1930-е гг.).

Первое фактическое свидетельство о пребывании французов на Урале (выявленное на сегодняшний день) относится к 1734 г. Хотя в некоторых источниках встречаются упоминания (зачастую без имени, а лишь с указанием профессии) французов, которые, вполне возможно, оказались на Урале и раньше. Так в книге аббата Шаппа д'Отроша речь идет о некоем французском поваре, о преподавателе латинского, немецкого, итальянского языков и математики в одной из школ Екатеринбурга А. Муше (дед которого, капитан французской гвардии, покинул Францию после 1598 г.), которых он повстречал во время своего путешествия по Сибири. Однако пока на основании фактов говорить о французах на Урале можно лишь с 1734 г.

XVIII ВЕК

Согласно предложенной классификации французы, побывавшие в XVIII в. на Урале, это либо участники научно-исследовательских экспедиций и ученые, либо миссионеры и путешественники.

Научно-исследовательские экспедиции

1734. Людовик Делиль де ля Круайер / Louis De l'Isle de la Croyère (1690–1741), астроном-географ, экстраординарный профессор Академии наук, член Второй камчатской экспедиции по изучению Сибири и Дальнего Востока под руководством Г.Ф. Миллера. 9–12 декабря 1733 г. Круайер с геодезистами, студентами и учеником инструментального мастера выехал из Казани в Екатеринбург. Здесь вместе с прибывшим вслед И.Г. Гмелиным он организует метеорологическую станцию. 15 января 1734 г. Круайер уже был в Тобольске.

1740. Жозеф Никола Делиль / Joseph-Nicolas Delisle (1688–1768), астроном, картограф, служивший в Академии наук (1726–1746) и занимавшийся составлением атласа России. В 1740 г. в Березове (Тюменская область, ХМАО) проводил наблюдения за прохождением Меркурия через диск Солнца.

1761. Аббат Жан Шапп д'Отрош Jean Chappe d'Auteroche (1722–1769), астроном. По поручению Парижской академии наук и Людовика XV прибыл в Тобольск (10 апреля–28 августа) для наблюдения прохождения Венеры через диск Солнца. Помимо этого побывал в Соликамске, Верхотурье, Екатеринбурге (4–20 сентября), Тюмени. После возвращения на родину аббат шесть лет писал книгу, вышедшую в свет в 1768 г., «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г.». Подробная, насыщенная неизвестными европейскому читателю фактами книга имела во Франции огромный успех. Однако во Франции книга была встречена неоднозначно: антирусская направленность и враждебность вызвали раздражение таких деятелей Просвещения, как Д. Дидро и Ф.М. Гримм. В России на книгу д'Отроша была опубликована обстоятельная критика. Болезненнее всех отреагировала на публикацию «Путешествия в Сибирь» императрица Екатерина II. В результате в 1770 г. в Амстердаме вышла объемная, состоящая из двух частей, книга под названием «Антидот» и пояснением «Разбор дурной, но великолепно напечатанной книги под заглавием «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761»». Книга вышла без имени сочинителя, но ее авторство сразу было приписано Екатерине II. В ней она шаг за шагом опровергает слова француза.

1788. Барон Жан Батист Бартелеми де Лессепс / Jean Baptiste Bartoloméo de Lesseps (1766–1884), морской офицер, переводчик морской кругосветной экспедиции Ж.Ф. Лаперуза. Будучи сыном французского генерального консула в Петербурге Мартэна Лессепса, Жан с 1774 по 1784 г. жил в России. За знание русского языка Лаперуз и пригласил его в экспедицию, поскольку согласно намеченному плану она должна была подойти к берегам России. В Петропавловске Лаперуз принимает решение отправить Лессепса в Париж сухопутным путем через Россию. Он должен был доставить во Францию составленные Лаперузом донесения об открытиях, путевые журналы и карты. Это и спасло Лессепса от смерти, уготованной оставшимся членам экспедиции. В Екатеринбург Лессепс прибыл из Тобольска и пробыл здесь всего сутки (август или начало сентября), успев посетить золотодобывающую шахту в окрестностях. В 1812 г. Лессепс был комендантом Москвы во время французской оккупации.

Миссионеры и конфедераты

1761–1763. Удо де Денвиль / Oudot De Dainville, католический миссионер, агент Ватикана. Посещал несколько раз Екатеринбург и Тобольск. Ездил он по пропускам от Московского университета «для любопытства и просмотра заводских действ».

Сибирь была традиционным местом ссылки пленных поляков, начиная с 1770-х гг. Пленные определялись в солдаты, драгуны и казаки по городам и селениям. Среди поляков оказывались и иностранные военные, поступившие в армию польских конфедератов.

1770–1774. Франсуа Август Тесби де Белькур / *Thesby de Belcourt Francois Auguste*, капитан французской службы. Был взят в плен в Кракове и сослан в Тобольск. В русском плену пробыл три года. За Белькура в 1772 г. перед Екатериной II ходатайствовал Даламбер. После своего освобождения он поселился в Москве у соотечественников. В 1781 г. — член ложи «Доброго пастыря» в Вильнюсе, вошедшей в состав польского Великого востока.

Гувернеры

В начале и на протяжении всего XVIII в. привлечение людей разных профессий из европейских стран в Россию становится составной частью политики Российского государства. Значительное число французов, прибывавших в Петербург в XVIII в., выбирало для себя педагогическое поприще, становясь учителями, наставниками, гувернерами. Известно, что двое знаменитых гувернеров той эпохи побывали на Урале.

1781. Шарль Жильбер Ромм / *Charles Gilbert Romme (1750–1795)*, политический деятель и математик, активный участник Французской революции XVIII в., якобинец. В качестве гувернера юного графа П.А. Строганова (1792–1917), впоследствии генерал-адъютанта императора Александра I, Ромм прослужил одиннадцать лет (с 1779 г.). В 1781 г. со своим воспитанником совершил путешествие по России, конечной целью которого были владения Строгановых в Перми (село Ильинское, октябрь). В письме мадемуазель А. Доде, которая служила компаньонкой у графини Строгановой, есть упоминание, что она получила письмо от Рома из Екатеринбургa. В 1786 г. Ромм покидает Россию и вместе с П. Строгановым направляется в Женеву, затем в Париж. В Париже Ромм расстается со своим воспитанником. Незадолго до этого Строганов, находясь под громадным влиянием учителя, вступил в Якобинский клуб (в революционных событиях он участвовал под именем Поль Очер), а затем был насильственно водворен в Россию. Ромм стал революционером, в составе Конвента голосовал за казнь короля, был автором «революционного республиканского календаря». В 1795 г. он героически покончил с собой, будучи одним из шести последних монтаньяров.

1784. Пьер Иньяс Жоне / *Pierre Jaunez* по прозвищу Жам (*Jammes*), бывший адвокат парламента в Меце, друг Ж. Ромма. Он получил место

гувернера у А. К. Разумовского, будущего министра народного просвещения. Жоне воспитывал своего ученика согласно педагогическим теориям Руссо и помогал графу в химических и физических экспериментах. Жоне сопровождал своего ученика в путешествии в Уфу (лето – осень) в компании французского художника Барнабе Огюстена Майи (Barnabe de Maily). Жам Жоне был одним из двух авторов коммунистической утопии «Истинное счастье», вышедшей в эпоху Первой Французской империи. Интересно отметить, что он — дед будущего управделами демидовских заводов А. О. Жонеса Спонвиля (по-французски Жоне, а Жонесом, видимо, внука прозвали уже в России).

XIX ВЕК

В XIX столетии Урал, пожалуй, посетило больше всего французов. Военнопленные Великой армии Наполеона, жены декабристов, путешественники, ученые, преподаватели французского языка, горные инженеры — все они пересекали границу Европы и Азии.

Жены декабристов

1826. Трубецкая Екатерина Ивановна (1800–1854), урожденная графиня Catherine Laval. Дочь французского эмигранта, члена Главного правления училищ, позднее — управляющего 3-й экспедицией особой канцелярии Министерства иностранных дел Ивана Степановича Лавалья и Александры Григорьевны Лаваль (урожденной Козицкой) — богатой наследницы, хозяйки известного петербургского салона. Жена декабриста С. П. Трубецкого. Трубецкая первая из жен декабристов добилась решения выехать в Сибирь.

1828. Анненкова Прасковья Егоровна, Жанетта Полина Гебль / Pauline Héblés (1800–1876), жена декабриста И. А. Анненкова. 6 января 1828 г. — Пермь, позже — Екатеринбург, в 1838 г. — Туринск, в 1841 — Тобольск. Ехала с собакой по кличке Ком.

1831. Камилла Петровна Ле Дантю / Camille Le Dentu (1803–1839), жена декабриста В. П. Ивашева. Будучи еще невестой последовала за ним в ссылку. В Туринске Ивашевы жили на поселении с 1836 г. Ее мать Мари Сесиль Ле Дантю, обосновавшаяся в России в конце XVIII в. вместе со своим вторым супругом, работала гувернанткой в доме Ивашевых. Бабушка-француженка приехала в Туринск в 1839 г.

Путешественники

1845. Александр Давиньон / Alexander Davignon, отставной инженер-поручик, литограф, фотограф. Отправился из Франции с другом Фоконье на заработки в Россию. Успех работы в Петербурге мастера не удовлетворил, и он решается на путешествие по России. Заехав в Москву и Киев, он направляется в далекую сибирскую окраину. Через Урал приехал в 1845 г. в Иркутск, где сделал дагеротипы со многих жителей города, в том числе с декабристов С.П. Трубецкого, С.Г. Волконского, братьев Поджио, П.А. Муханова и членов их семейств.

1849–1853. Лиз Барбье Кристиани / Lise Barbier Cristiani (1827–1853), виолончелистка. Уже к двадцати годам талантливая девушка снискала славу в музыкальном мире. Она с успехом давала концерты в Европе: в Копенгагене ей присвоили титул королевской виолончелистки, а в Швеции прозвали французской Сен-Сесиль, считавшейся покровительницей всех музыкантов. Сам Мендельсон написал специально для нее свою знаменитую «Песнь без слов» для виолончели. В 1852 г. она решила попытать счастья, выступая с концертами в Санкт-Петербурге. Но, охваченная страстью к неизведанному, отправилась путешествовать по дорогам Сибири. Она бросилась в просторы Сибири со своей служанкой русского происхождения и с пианистом — старым немцем, который одновременно выполнял роль аккомпаниатора и носильщика виолончели Страдивари. Граф Н.Н. Муравьев, губернатор Сибири, направлявшийся со своей семьей из Иркутска на границу с Китаем, пригласил молодую виртуозку с собой. Она предприняла это путешествие, чтобы, по собственному выражению, дополнить свою артистическую жизнь новыми ощущениями. С 1849 по 1850 г. посетила Екатеринбург, Тобольск, Омск, Томск и т.д. Одна из виолончелей Страдивари зовется «Кристиани» в память о Лиз.

1850. Рауль Бурдьё / Raoul Bourdier. В 1850 г. в Санкт-Петербурге француз знакомится с купцом Иваном Третьяковым, возившим из Сибири пушнину и кости мамонта. Под впечатлением книг И. Гмелина француз попросился с ним в путешествие до Иркутска. 25 марта 1850 г. они выехали из столицы. Тобольск, Иркутск (июнь), Казань. Екатеринбург упоминает как город-заводоуправление.

1874. Виктор Меньян / Victor Meignan, путешественник. После своего путешествия в Верхний Египет и Нубию и публикации книги Меньян сразу же решает ехать в Россию. Будучи в Нижнем Новгороде (декабрь) при помо-

щи одного высокого чиновника он наметил план наилучшего пути в Пекин за 80 дней, с обязательным посещением Тобольска как столицы Сибири. Зимой 1873 г. он выезжает из Парижа. Уральская часть маршрута: Пермь, Екатеринбург, Камышлов (6 января 1874), Тюмень. Он точно посещал памятник Европа-Азия на горе Березовой у деревни Талица (в районе г. Первоуральска). Его книгу «Из Парижа до Пекина по суше» заимствует для своего романа «Из Парижа в Бразилию по суше» писатель Луи Анри Буссенар.

1892. Шарль Ваперо / Charles Vapereau (1847–1925), путешественник из Пекина в Москву. Решил пересечь Сибирь, чтобы навестить свою семью во Франции. На это ему потребовалось более 4 месяцев. В путешествии ученого сопровождали жена и помощник-китаец. После того как путники пересекли Желтое и Японское моря, они направились вверх по течению Амура, затем — по почтовой дороге на тарантасе от Нерчинска до Томска, потом по Оби и Иртышу, а дальше до Тюмени по Транссибирской магистрали. Рассказ о своем путешествии Ваперо опубликовал в 1894 г. в журнале «Tour du monde», проиллюстрировав его гравюрами, сделанными на основе собственных фотографий.

Ученые и исследователи

1840–1841. Верней Филипп Эдуард Де Пуллетье / Verneuil Philippe Edouard de Poullétier (1805–1873), геолог, палеонтолог, иностранный член-корреспондент Академии наук по разряду минералогии и геологии. Участник экспедиции Р.И. Мурчисона по Уралу в 1840–1841 гг.: Пермь — Соликамск — Кунгур — Екатеринбург — Богословск — Нижний Тагил — Екатеринбург и далее на юг: Красноуфимск — Златоуст — Уфа — Оренбург.

1853. Барбот де Марни Николай Павлович / Barbot de Marigny (1831–1877), известный геолог. Сын французского выходца, бедного горного офицера, уроженец Пермской губ. В 1853 г. отправлен на Урал для участия в экспедиции Гринвальда и Гофмана: занимался геологическими и геогностическими исследованиями в Богословском, Гороблагодатском, Златоустовском казенных горных округах.

1881. Эдмон Котто / Edmond Cotteau (1833–1896), палеонтолог, журналист газеты «Темп», путешественник, член Парижского географического общества. Уполномоченный научной миссии в Сибирь и Японию. Путешествие в Сибирь в мае – августе 1881 г. В Екатеринбурге проводил время с О.Е. Клером по рекомендательному письму из Перми от учителя Фабра.

1889. Шарль Рабо / Charles Rabot (1856–1944), этнограф, гляциолог, путешественник, журналист. В 1889 г. побывал в Самарево (ХМАО). Был участником первой экспедиции на Северный Урал, организованной тобольским купцом А.А. Сыромятниковым в 1885 г. для поисков медной руды на берегах р. Большая Харута. Был бытописателем строительства тракта через горы — от долины р. Сыгва до устья Щугора по задумке иркутского купца А.М. Сибирякова. Сибиряков оказывал содействие (и финансовое в том числе) Рабо в изысканиях по Сибири.

1895–1897. Иосиф Огюст Де Бай / Joseph Auguste de Baille (1853–1931), археолог, этнограф, географ. Член Парижского географического общества, почетный член Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) и друг О. Клера. В июле 1896 г. выступил с публичной лекцией в Екатеринбурге на собрании УОЛЕ. Де Бая в путешествии 1895 г. сопровождал публицист Жюль Кювервиль / Jules Cuverville.

1896–1897. Жюль Легра / Jules Legras (1866–1938), профессор Дижонского университета по кафедре иностранных литератур, известный французский славист. Будучи агреже по немецкому языку и литературе, автором диссертации о Г.Гейне, Легра настолько полюбил Россию, что переквалифицировался из историка немецкой литературы в историка литературы русской, защитив в 1899 г. диссертацию о Н.Н. Карамзине, написанную на латыни. После первых путешествий в Россию (1892–1894) Легра написал книгу «В русской стране» (1985), где описал свои встречи с А.П. Чеховым и Л.Н. Толстым. Он дважды был в Сибири (1896–1897), где по поручению Министерства просвещения Франции проводил анкетирование. В первую поездку был в Екатеринбурге (1896). И.Г. Короленко оказал существенную помощь французскому путешественнику и журналисту Ж. Легра в сборе материала о политических ссылках в Сибири. В благодарность за это Легра посвятил Короленко свою книгу «Сибирь» (1899). Вновь окажется в России в 1918 г. уже в составе французской военной миссии в Сибири и даже будет принят в русскую армию.

Миссионеры

Иностранная пропаганда в России была запрещена. Для католиков и лютеран в Восточной Сибири священнослужители назначались императорским правительством из числа лиц российского подданства. Тем не менее со второй половины столетия французы делали ставку на проникновение католицизма в Восточную Сибирь. В начале 60-х гг. XIX в. возник вопрос и о

борьбе с католицизмом. Французский посланник в Пекине Бурбулон попросил позволить ему с женой и супругой министра-резидента России в Китае Баллюзека проехать через Иркутск. Поскольку на пути следования Бурбулона проживали поляки-католики, у российских властей возникло опасение, что посланник, тесно связанный с католической миссией в Пекине, может воспользоваться этой экспедицией в религиозно-миссионерских целях. Поэтому было решено следить за посланником и не допускать его общения с католиками в целях предотвращения «политической пропаганды».

1862. Катрин Фанни Мак Леод (шотландка) и Альфонс де Бурбулон / Alphonse de Bourboulon, создатель первого французского посольства в Китае. В 1851 г. дипломат Бурбулон, будучи секретарем миссии Франции в США, был назначен министром Франции в Китае. Французская миссия прибыла в столицу Тайпин Тяньго в декабре 1853 г. на военном судне «Кассини». Создание миссии стало возможным благодаря Пекинскому договору (1860), который положил конец второй опиумной войне (1856–1860), выигранной французами и англичанами у китайцев. Из Шанхая в Москву через Пекин супруги Бурбулон выехали в 1862 г. Путь обратно: Иркутск, Красноярск, Томск, Омск, Тюмень (июль), Пермь, Казань, Нижний Новгород, Москва... В пути мадам сопровождал инженер Бувье (capitaine Bouvier, officier du génie).

Преподаватели французского языка

1867–1920. Онисим Егорович Клер / Clerc — исследователь Урала. Родился в селении Корсель Невшатльского кантона в Швейцарии в семье клерка. Приглашение, поступившее из России, привело Клера в 1863 г. в Петербург, но место оказалось уже занятым. Сдав 15 января 1864 г. экзамен на право преподавания французского языка в российских гимназиях, молодой швейцарец отправляется первоначально в Москву, где непродолжительное время работает в частном пансионе (1864), а затем в Ярославль, где служит преподавателем в женском училище (1864–1867). В Екатеринбург он выезжает в 1867 г. по приглашению попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова. Здесь Клер продолжает свою преподавательскую деятельность, работая в мужской гимназии (1867–1873, 1878–1907) и реальном училище (1873–1878). В 1870 г. он женится на Н.Н. Золотовой. Вскоре по прибытии в Екатеринбург Клер принимает активное участие в создании Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ, 29 декабря 1870 г.). В 1909 г. Клер был избран президентом УОЛЕ и оставался в должности вплоть до смерти. Сына О. Клера Модеста арестовали прямо на улице (по слухам за то, что шел и разговаривал на французском языке).

1879–1882. Эдуард Л. Мартен / Edouard Martin, преподаватель французского языка Екатеринбургской мужской гимназии и Алексеевского реального училища. Сын французского купца, приехавший в Россию в 1839 г. для преподавания французского детям знати. В 1860 г. его пригласили в Екатеринбург. Здесь он женился на Екатерине Елифановне. Умер и похоронен в 1882 г. здесь же.

1879–1881. Месье Фабр / Fabre, преподаватель французского языка в одной из школ Перми. Друг О.Е. Клера.

1900. А.В. Пинель-де-Граншан, преподаватель французского языка екатеринбургского Алексеевского реального училища.

Наемные специалисты на демидовских заводах и управляющие, работники заводов и обществ с участием иностранного капитала

1805–1809. Клод Жозеф Ферри / Claude Joseph Ferry (1756–1845), ученый, общественный деятель Франции периода Конвента, профессор Королевской инженерной школы в городе Мец. Приглашен Н.Н. Демидовым в Нижний Тагил в качестве консультанта по вопросам производственной деятельности в 1805–1809 гг. По договору должен был провести ряд мероприятий по улучшению гидротехники на тагильских заводах, усовершенствованию лесоразработок, выжига угля, выплавки чугуна для отливки молотов, наковален и т.д., всего по 26 пунктам. Часть намеченного была реализована, но Ферри не сработался с управляющим заводов и прервал контракт.

Анатолий Николаевич Демидов в 1841 г женился на племяннице Наполеона I, сестре принца Наполеона Матильде. Купив княжество Сан-Донато близ Флоренции, он стал называться князем Сан-Донато, но только за границей. Жил преимущественно в Европе.

1837–1853. Фредерик Ле Пле / Frederic Le Play (1806–1882), горный инженер, профессор металлургии в Парижской горной школе, а позже независимый исследователь и социолог. В июне 1837 по приглашению А.Н. Демидова он прибыл в Тагил как один из участников экспедиции для изучения южной России и Крыма (исследование каменноугольных залежей Донецкого бассейна). Он приезжал еще дважды: в 1844 и 1853 гг. По его словам, по приказанию Императора генерал Чевкин, начальник штаба Горного корпуса, приставил к нему капитанов Переца и Влангали (возможно французы); при их содействии Ле Пле изучил городские поселения и пастушеские племена, живущие по обе стороны Уральских гор.

1854–1862. Август Рени Аллори и Эдуард Адам Бержье, Эдуард Богданович / Allori et Bergier (ученик Лапласа), инженеры-топографы, приглашены А.Н. Демидовым в Тагил в 1839 г. Их работы, выполненные 1854–1865 гг. на территории современной Свердловской области, стали важным этапом геодезических работ на Урале в целом, так как они положили начало топографической съемке области с использованием точного (триангуляционного) метода. Всего было охвачено 10 округов. Инициатором геологических исследований выступило Тагильское управление заводов, которое выделило на них значительные средства.

Кроме того на тагильских заводах в разное время работали горные инженеры: А. Жонес, А. Вейер, В.К. Рашет (1854–1859), братья Жозеф и Карл Грандмонтань / Joseph et Karl Grandmontand (с 1846 г.)

1852–1902. Анатолий Октавович Жонес Спонвиль. Родился в 1830 г. во Флоренции, французский подданный. Семья французских подданных Жонес Спонвиль уже не первое поколение служила Демидовым: Анатолий был сыном Октава, личного секретаря Анатолия Демидова. По версии ученого-металлурга В.Е. Грум-Гржимайло, Анатолий был «побочным сыном» Демидова, однако везде называли его крестником. Горный инженер по образованию (закончил Высшую горную школу в Париже), главно-уполномоченный по делам владений и заводов Демидовых (А.Н. Демидова и П.П. Демидова), до этого он служил у них по особым поручениям. Был участником многих российских горно- и металлопромышленных съездов, совещательный член Горного совета (1876). В романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо» Жонес Спонвиль карикатурно выведен в образе Прейна. По воспоминаниям, с ним в Тагил приезжал лакей по имени Огюст.

Франко-Русское Уральское общество. В 1870–80-е гг. в России было основано более десятка торгово-промышленных обществ с французским капиталом. Среди них на Урале Франко-Русское Уральское общество (ФРУО). В 1879 г. главный директор акционерного общества Сент-Этьенских заводов Шарль Барруен и князь С.М. Голицын образовали ФРУО стальных и железоделательных заводов с основным капиталом в 8 млн франков. Устав этого общества указывал, что оно создавалось «для эксплуатации металлургических заводов, принадлежащих князю Голицыну в Пашие, Михайловке и Нытве, и для устройства и эксплуатации нового металлургического завода на пункте соединения двух железных

дорог: Пермь — Екатеринбург и Луньево — Чусовской, вдоль реки Чусовой на правом берегу». Пашийский завод (в составе Нытвенского округа Голицыных) передан в аренду ФРУО, а в 1889 г. после ликвидации последнего — Камскому Акционерному Обществу железо- и сталелитейных заводов с капиталом, размещенным во Франции сроком на 40 лет.

1879–1881. Пермь. Де Ришмон / De Richemont, глава ФРУО, Арно / M. Arnaud, горный инженер ФРУО (нынешнего Чусовского металлургического завода).

1884. Клод Матвеевич Морель, инженер Архангело-Пашийского завода ФРУО.

1885–1899. Карл Карлович Морен, горный инженер. Окончил Петербургский горный институт (1885). В службе находился с июля 1885 г. После окончания института направлен в Нижнетагильский горный округ для технических занятий. Позднее назначен управителем Нытвенского завода, который принадлежал Камскому акционерному обществу. Занимал этот пост до 1899 г. С 1 марта 1899 г. командирован для технических занятий на Алапаевские заводы, а затем назначен управляющим Алапаевским горным округом. С 4 августа 1903 г. командирован в Сергинско-Уфалейский горный округ, а затем назначен его управляющим. С 1 января 1904 г. главный техник и архитектор Уральского горного управления, которое находилось в Екатеринбурге.

1885–1899. Артур Юльевич Иллоро, католик, управляющий Алапаевскими заводами.

1885–1886. Людвиг Николаевич Велль, французский гражданин, техник, один из управляющих главного управления Сысертских заводов.

1892. Раймонд Августович Васле, инженер, управитель Архангело-Пашийского завода Камского акционерного общества.

1892. Август Карлович Люк, доктор медицины, врач Чусовского завода: в 1892 г. числился врачом Нытвенского завода

1888–1893. Эдгар Буланжье / Edgar Boulangier (1850–1899), горный инженер, специалист по железным дорогам. Он был отправлен в Сибирь в 1888 г. для изучения трассы будущей Транссибирской магистрали до Иркутска и

оценки запасов полезных ископаемых обширного края. В марте 1893 г. Э. Буланже и М.А.Коссовский подали в Министерство государственных имуществ ходатайство о дозволении основать «Сибирское металлургическое и горное акционерное общество». С 1896 г. почетный член УОЛЕ.

1896–1900. Клод Оланьон / Claudius Aulagnon, французский подданный. Председатель правлений: Русского Донецкого общества каменноугольной и заводской промышленности, Российского общества водных, шоссейных и второстепенных железнодорожных путей; директор-распорядитель в России французского Общества «Русский горный и металлургический Унион»; член правлений: Горнопромышленного общества «Бендин-Олькуш» (Варшава), Общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна. На Урале был как уполномоченный миссии Министерства торговли и сельского хозяйства в 1900 г. по Сибири до Кяхты. Посетил Тобольск, Курган, Тюмень. Его книга о Сибири была переведена на русский язык (Сибирь и ее экономическая будущность. Соч. Кл. Оланьона. СПб., 1903).

1898. Морис Эмилиевич Верстраг / Maurice Verstraete. Надворный советник. Вице-председатель правления Русско-Азиатского банка. Председатель правлений: Общества С-Петербургских торговых помещений и рынков, Камско-Сибирского нефтепромышленного общества; член правления Общества Северо-Донецкой железной дороги. В 1894 г. в качестве чиновника МИД Франции он прибыл в Россию на должность секретаря французского посольства в Петербург. В 1897–1901 гг. занимал должность французского атташе по торговле с Россией (эксперт по финансовым вопросам). В 1899–1900 представлял интересы правительства Франции в административном совете Русско-Китайского банка, директор-распорядитель Северного банка (1901–1910), директор-распорядитель Русско-Азиатского банка (1910–1918). Летом 1898 г. совершил обзорную поездку по Уралу, о чем написал книгу «Oural» (1899).

1898. Зиссель Дюлонг Жильб Август, заведующий торговыми магазинами Платино-Промышленной Анонимной компании с 1898 г.

1899. Надеждинский сталеварный завод: Биладе Франсуа, заведующий производством Надеждинского сталерельсового завода; де Луазель Э., заведующий мартеновским производством; Гюэт Маврикий Ос, главный механик; Журжон Антон, технический директор.

1899. Густав Иванович Журд, управляющий Вижаихинского завода 1899. «Управляющим готовящегося к открытию Вижаихинского завода на р. Вишере, принадлежащего обществу Волжско-Вишерских заводов, вместо г. Реймон назначен французский инженер Г.И. Журд».

XX ВЕК

«Французский след» на Урале в XX в. не менее отчетливый и глубокий, чем в XIX столетии. И здесь непременно оказали свое влияние политические и военные события. В результате помимо привычных инженеров, путешественников, ученых, преподавателей французского мы видим в списке военных, «союзников», а позднее — репрессированных и политических заключенных.

Французская военная миссия, Красный крест, французский колониальный батальон в Сибири

1918–1919. Пьер Тибо Шарль Морис Жанен / Pierre Thiébaud Charles Maurice Janin (1862–1946), французский военный деятель и дипломат, участник Гражданской войны в России. С ноября 1918 г. начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А.В. Колчака, главнокомандующий чехословацкими войсками в России (1918–1920). Жанен дважды был в Екатеринбурге: в новый год 1918–1919, в мае 1919 г. В 1920 г. Жанен по возвращении во Францию был награжден орденом Почетного легиона.

1918. Пьер Паскаль / Pierre Pascal (1890–1983), известный французский славист, переводчик «Жития» протопопа Аввакума, член французской военной миссии 1916–1918. Был послан на Урал агитировать чехов от имени ФРАМИС. С 20 по 22 мая 1918 г. (6 июня–22 июня) был в Екатеринбурге (находился фактически под арестом).

1918. Майор Альфонс Гине / Alphonse Guinet, начальник французской военной миссии при чехословацких войсках. Апрель – сентябрь 1918 г. Был направлен из французского посольства в Омск еще перед выступлением чехословаков. Неоднократно бывал в Челябинске и Уфе. 29 июня в курганской газете «Свободная мысль» и омской газете «Дело Сибири» появилось официальное заявление коменданта Гине, поздравлявшего чехословаков за их выступление против Советского правительства: «Еще недавно, — писал он, — французские представители старались соблюдать нормальные от-

ношения с советскими властями, но теперь эти власти в глазах союзников и цивилизованного мира этого больше «не заслуживают».

1918. Чехословацкий военный министр М.Р. Штефаник (у него было и французское гражданство) поехал в Сибирь и на Урал в сопровождении трех французских офицеров: капитана Ж. Фурнье / G. Fournier, капитана F. Pisěcky (чех) и лейтенанта Д. Леви / D. Levi.

1919. Альбер Грасье / Albert Gratieux (1874–1951), аббат, славист. Единомышленник экумениста Ф. Портала. Неоднократно посещал Россию (1907, 1908, 1909, 1910) как член секции «Союз церквей». В 1917 г. он вновь попадает в Россию как пропагандист от французского МИД в Петербурге, Украине и Москве, а с 1919 г. — член французской военной миссии. Прибыл в Екатеринбург в январе 1919 г.

Декабрь 1918–1919. Габриель Болифро / Gabriel Bolifraud (1886–1952), майор, глава ФРАМИС в Екатеринбурге, будущий сенатор IV Республики (1948–1952), кавалер ордена Почетного легиона (1920).

Май 1919. Жозеф Лази / Joseph Lasies (1862–1927), майор, представитель парламента при французской военной миссии в Сибири. Бывший военный, депутат от департамента Жер (1898–1910), депутат от Парижа (1914–1919), награжден орденом Почетного легиона (1915). Участник процесса над капитаном Дрейфусом и противник отделения церкви от государства. Имел репутацию монархиста, националиста, бонапартиста, антисемита, упертого католика. В 1920 г. в Париже вышла книга его воспоминаний «Сибирская трагедия» о событиях в Сибири во время Гражданской войны (ряд глав посвящены убийству Николая II, по сути это три статьи Лази, ранее опубликованные в газете «Le Matin»). 15 мая посетил дом Ипатьева.

1919–1921. Жорж Монтандон / George Montandon (1879–1944), швейцарский медик, антрополог. Увлеченный большевистской революцией 1917 г. он отправляется в СССР в 1919 г. главой миссии Красного креста организовать возвращение на родину через Владивосток австрийских пленных, удерживаемых в Сибири. Во Владивостоке женится на русской коммунистке 22 лет (Мария Константиновна Звягина / Zviaghina), которая становится секретарем сибирской миссии Красного креста. В 1919–1921 объездил всю Сибирь и места дислокации А.В. Колчака. В 1921 г. на поезде возвращался в Москву с остановкой в Перми (апрель).

Путешественники и ученые

1901. Луи Марин / Louis Marin (1871–1960), антрополог, политический деятель и путешественник. Летом 1901 г. совершил путешествие по Сибири (через Москву по пути Транссиба до Иркутска). В поездке его сопровождал друг — навсегда модных парижских салонов, хроникер Жорж Дюрок Georges Durocq (1874–1927) и коллега Collenot. Гуманитарий по натуре, он почувствовал интерес к познанию мира. С 19 до 34 лет Марин путешествовал по Европе и Азии. Являлся членом Коллегии социальных наук, где читал лекции по этнографии (1895–1935). Он был членом Общества этнографии, Школы антропологии (возглавил ее в 1923 г.), главой Общества Коммерческой географии (1925–1960), членом Французского общества образования, членом Общества друзей Музея естественной истории. Президент Международного института антропологии (1945). Он был не просто путешественником, его поездки это скорее методические экспедиции по изучению цивилизаций и социальных отношений. Под влиянием идей Ф. Ле Пле и Высшей школы экономики он хотел внести свой вклад в формирование социологических наук.

1902. Альберт Бордо / Albert François Joseph Bordeaux, горный инженер. В 1902 г. — миссия в Сибирь с целью изучения геологического строения некоторых рудников. В 1904 г. в Париже вышла его книга «Sibérie: notes de voyage et de séjour, 1902–1903». Посещал Томск, Иркутск, Верхнеудинск.

1910–1911. Пьер Камена / Д'Альмейда Pierre Camena d'Almeida (1865–1943), географ. Командировки в Сибирь и Туркестан.

Политические заключенные и репрессированные

1933–1936. Виктор Львович Кибальчич, Виктор Серж / Victor Serge (1890–1947), франкоязычный писатель, русский революционер, деятель Коммунистической партии и Коминтерна. В 1933 г. он был арестован, а впоследствии выслан на Урал, в Оренбург (в ссылке находился вместе с сыном — художником Владимиром Влади).

1941– январь 1950. Вера Августовна Лотар-Шевченко / Vera Lothar (1901–1982), французская и советская пианистка. В 1941г. была репрессирована. Отбыла 13 лет заключения в ГУЛаге (Тавдинский лагерь). После освобождения работала концертмейстером в Нижнем Тагиле, аккомпаниатором, в городском театре. Затем была солисткой областной филармонии в Свердловске.

Бесспорно, что количество французов, побывавших на Урале в XVIII-XIX столетиях, сравнительно небольшое. Однако ошибочно полагать, что присутствие французов в России ограничивалось лишь столицами. Имеющиеся в распоряжении документы о франко-уральских связях, выявленные при работе в местных архивах и библиотеках, проливают свет на основные вехи этого присутствия. Если не принимать в расчет десяток громких имен, уральские исследователи, к сожалению, до сих пор не располагают полной информацией, чтобы составить базу данных о французах на Урале. Зачастую даже по установленным персоналиям наблюдается нехватка информации (даты жизни, имена, судьба, основная деятельность и пр.). Поэтому для уточнения данных, полноты и достоверности картины, а также большей репрезентативности информации необходима еще длительная работа с французскими источниками. Вот почему данный обзор далеко не полный², а тема, заявленная в сборнике, еще ждет своего исследователя...

Составитель Ольга Данилова

- 2 Подробнее см.: Альянс: Франция – Урал: Материалы выставки, состоявшейся в СНОУБ им. В.Г. Белинского в рамках Праздника французской культуры, 23-27 окт. 2000 г. Екатеринбург, 2000; Бухаркина О.А. Учитель французского // Урал, №6. 2002; Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000; Они же. В Екатеринбурге проездом – по службе и волею обстоятельств // Урал, №6. 2002; Круай К. Шерше ля Франс. Об истории и перспективах культурных отношений России и Франции // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. 2010. №4 (34); Литовский В.В. Естественно-историческое описание исследований окружающей среды на Урале. Екатеринбург, 2001; Микитюк В.П. Горнозаводской Урал и французы // Столица Урала. 2010. №26; Микитюк В.П., Корепанова С.А. Бонжур, Урал! // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения РАН. 2010. №4 (34); Gorshenina S. La route de Samarkande. L'Asie centrale dans l'objectif des voyageurs d'autrefois. Genève, 2000; Rjéoutski V. Les Français en Sibirie au XVIII siècle // L'invention de la Sibirie chez les écrivains et voyageurs français des XVIII et XIX siècles (colloque international dans le cadre du festival de l'art contemporain russe «Sibirie inconnue»). Lyon, 15-21 novembre 2010; Neboit-Mombet J. L'image de la Russie dans le roman français (1859-1900). Clermont Ferrand, 2005; Centre Historique des Archives nationales. Ministère de l'Instruction publique. Service des Missions. Missions scientifiques et littéraires (F/17/2925-3014, F/17/17225-17294). Index nominatif des voyageurs et index géographique des destinations de leurs missions / Le Goff A. Paris, 2005; L'influence française en Russie au XVIII siècle / Poussou J.-P., Mézin A., Perret-Gentil Y. Paris, 2004.

Постскрипtum

Урал для Франции, Франция для Урала: ставка на единую Европу

К великому удивлению уральцев, для которых Урал — это прежде всего регион, чьи недра являются средоточием всех элементов таблицы Менделеева, для французов Урал — это прежде всего условное обозначение на карте.

Несмотря на приблизительное географическое представление о местоположении региона, большинство французов знают Урал лишь по имени и относят его к Европе (каким ее представил в свое время Шарль де Голль в своей известной речи, где говорилось «о Европе — от Атлантики до Урала»), ссылаясь на размещение границы Европы на Урале во времена правления Петра I.

И даже если важность этой формулировки нынче не воспринимается молодыми поколениями французов, ибо ее значение было связано с эпохой «холодной войны», сам факт о связи Европы и Урала остается зафиксированным в умах. Но так как постоянно идет речь о границе, нередко забывается вся территориальная протяженность России, а вместе с ней и фактически «трансконтинентальная» Европа.

Представление о границе принимает более четкие формы в ходе ознакомления с Уральским регионом, чему несомненно способствует и данный сборник, а также — и все более и более активное присутствие Урала в событиях мирового масштаба после долгих лет «занавеса», феномена «закрытых городов» и «почтовых ящиков».

Остается пожелать, чтобы постепенно в недалеком будущем за условным обозначением французы вспомнили обо всех богатствах Урала. Об

ископаемых, в добыче и использовании которых пришли на помощь французы, о чем в частности рассказывается и в данном сборнике.

К новому переосвоению территории

Несмотря на активное сотрудничество в начале XX в. в области инжиниринга, горной промышленности и металлургии, французам приходится сегодня вновь осваивать территорию. И делают они это успешно, в частности благодаря инженерии, энергетике, гостиничному делу, розничной торговле и автомобилестроению. Однако годы отсутствия какого бы то ни было сотрудничества (оно лишь иногда имело место в ядерном секторе) продолжают ощущаться, и особенно это заметно в менталитете.

И лишь расширение взаимовыгодных экономических обменов, вложение инвестиций с французской стороны, соответствующих потенциалу Урала, и устранение неуверенности уральцев в их способности занять свое место на французском (и сверх того — на западно-европейском) рынке действительно позволят по-настоящему сблизить два региона, расположенных на противоположных концах европейского континента, каким его представляли Петр I и Шарль де Голль.

Именно это убеждение определило создание в 1990 г. некоммерческой ассоциации «Франция — Урал». В течение долгого времени, когда и речи не могло быть не только об открытии Французского консульства, но даже и Альянс Франсез, эта Ассоциация была единственной во всем регионе. Для начала она способствовала открытию Урала для французов. Первоначально это осуществлялось путем оказания гуманитарной помощи, поскольку Россия тяжело переживала переход от советской эпохи. Затем — посредством обмена опытом, а чуть позднее — с помощью «Писем с Урала» (ежемесячной газеты, распространявшейся во франкоязычных странах и освещавшей экономические и научные вопросы)¹. Наконец, в 2007 г. при содействии Фонда первого Президента России Б.Н.Ельцина в Париже открылся Дом Урала, и сегодня уже самим уральцам надлежит его использовать интенсивнее, чтобы презентовать свой регион во Франции.

1 В 1998 г. Президент Жак Ширак поддержал инициативу распространения «Писем с Урала». В конце 1997 г. после своего визита в Россию Президент Франции, Жак Ширак написал письмо, в котором выразил свою горячую поддержку газете «Письма с Урала». «Я с большим интересом ознакомился с этими «Письмами с Урала». Это достойный пример сотрудничества, также это представляет собой ценную информацию, полезную для сотрудничества Франции с различными регионами России», — писал Жак Ширак с пожеланиями преуспеть в этом деле в письме президенту Ассоциации «Франция—Урал» и коллективу «Писем с Урала».

От символа к ящерице

Цель сотрудничества — не только выгодные экономические стороны проекта, большую роль играет и геополитический аспект.

Европейцы должны осознавать истинные размеры своего континента, для того чтобы он смог сохранить свое значение, свое влияние, свои социальные и интеллектуальные традиции перед лицом сегодняшней глобализации.

Для всех европейцев осознание настоящих границ своего «Общего Дома», как его называл уралец Борис Ельцин, проходит через понимание места и значения Урала. И мы находимся именно в центре этого региона, который имеет символическое значение для французов, в центре горного края, столь дорогого П. Бажову и его ящерице. Именно соединение этих двух представлений должно способствовать воссоединению всего европейского континента, что позволит европейцам сохранить приобретенные благосостояние, терпимость и демократию, за которые они боролись в течение многих веков. Сегодня эти приобретения нуждаются в постоянной защите перед лицом нашей всеобщей демографической слабости и смещения центров экономического подъема в мире.

Именно Уралу с его символической ящерицей, с его расположением в самом центре континента предстоит продолжить летопись европейской истории. И мы напишем ее лучшие страницы совместными усилиями.

*Президент Ассоциации «Франция–Урал»
Дмитрий де Кошко*

Об авторах

- 1 Алексеева Елена Вениаминовна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).
- 2 Бельская Николь Сергеевна — член Союза журналистов РФ, научный сотрудник Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета (Тюмень).
- 3 Будрина Людмила Алексеевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Музея истории камнерезного и ювелирного искусства, доцент кафедры истории искусств Уральского государственного университета (Екатеринбург).
- 4 Данилова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, член Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории (УрГУ) (Екатеринбург).
- 5 Дацкевич Валентина Александровна — главный библиограф краеведческой библиотеки Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (Нижний Тагил).
- 6 Жукова Инга Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент Уральской академии государственной службы (Екатеринбург).
- 7 Земцов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, профессор Уральского государственного университета, профессор Гуманитарного университета (Екатеринбург).

- 8 Ермакова Ольга Константиновна — аспирант Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).
- 9 Клат Светлана Адольфовна — главный специалист Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (Нижний Тагил).
- 10 Литовский Владимир Васильевич — доктор географических наук, заведующий сектором размещения и развития производительных сил Института экономики УрО РАН (Екатеринбург).
- 11 Микитюк Владимир Петрович — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), старший научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) (Екатеринбург).
- 12 Мосин Алексей Геннадьевич — доктор исторических наук, председатель Уральского отделения Археографической комиссии РАН, член Уральского историко-родословного общества (Екатеринбург).
- 13 Панина Светлана Николаевна — заведующая отделом археологии и этнографии Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) (Екатеринбург).
- 14 Паренкина Ольга Васильевна — старший научный сотрудник научно-фондового отдела ГАУК ТО «Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я. Словцова» (Тюмень).
- 15 Позднякова Наталия Владимировна — член Уральского генеалогического общества и Общества уральских краеведов (Екатеринбург).
- 16 Шумкин Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).

Table des matières

Claude Crouail. La France et les Français dans l'Oural	3
Olga Boukharkina. Les relations de l'Oural avec la France d'après les documents des archives d'Etat de la region de Sverdlovsk	5
Elena Alekseeva. Les éléments français dans la civilisation russe	7
Vladimir Litovski. Les naturalistes français et l'Oural	20
Vladimir Zemtsov. «L'invasion» française dans l'Oural en 1812-1814	37
Olga Ermakova. Les Français dans l'Oural à la fin du XVIII-ème — première moitié du XIX-ème siècles	52
Valentina Datskevitch. Frédéric Le Play, le savant, l'ingénieur des Mines français et ses travaux dans la collection de livres de la bibliothèque du musée «Gornozavodskoi Oural» à Nijni Taguil	57
Svetlana Klat, Vladimir Litovski. Nouvelles connaissances sur l'activité dans l'Oural des ingénieurs-topographes français Bergier et Allori	63
Aleksei Mosin. Pavel Nikolaïevitch Demidov, chevalier de la Légion d'honneur	79
Lioudmila Boudrina. Sur les traces du cadeau de l'Empereur	86
Vladimir Mikitiouk. Les marchandises françaises sur le marché d'Ekaterinbourg à la fin du XIX-ème – début du XX-ème siècles	97
Georgui Choumkin. Schneider-Le Creusot et l'usine de canons à Perm: les tentatives de l'entreprise française de s'implanter dans l'Oural	107

Содержание

Клод Круай. Франция и французы на Урале	3
Бухаркина О.А. Связи Урала и Франции в документах государственного архива Свердловской области	5
Алексеева Е.В. Французские элементы в российской цивилизации	7
Литовский В.В. Французские естествоиспытатели и Урал	20
Земцов В.Н. Французское «нашествие» на Урал в 1812–1814 гг.	37
Ермакова О.К. Французы на Урале в конце XVIII — первой половине XIX в.	52
Дацкевич В.А. Французский ученый-металлург Фредерик Лепле и его труды в книжной коллекции библиотеки Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»	57
Клат С.А., Литовский В.В. Новые сведения о деятельности на Урале французских инженеров-топографов Бержье и Аллори	63
Мосин А.Г. Павел Николаевич Демидов — кавалер ордена Почетного легиона	79
Будрина Л.А. По следам императорского дара	86
Микитюк В.П. Французские товары на екатеринбургском рынке в конце XIX — начале XX в.	97
Шумкин Г.Н. Шнейдер-Крезе и Пермский пушечный завод: попытки французской фирмы закрепиться на Урале	107

Nicole Belskaïa. Les Français dans l'Oural oriental à la charnière des XIX-ème — XX-ème siècles. Les fragments d'une mosaïque historique	115
Svetlana Panina. Les voyages dans l'Oural du baron Joseph de Baye	124
Olga Danilova. Les membres de la Mission militaire française dans l'Oural: les tentatives de comprendre « l'âme russe»	128
Inga Zhoukova. Victor Serge, l'homme déchiré d'Eurasie	145
Natalia Pozdniakova. Vera Lothar-Chevtchenko, la femme du «Stradivari russe»	157
Olga Parenkina, Nicole Belskskaïa. Traits pour le portrait de Youri-Raoul Hervieu (les témoignages des fonds privés)	166
Olga Danilova. Les français dans l' Oural: hasard ou devoir professionnel. Chroniques historiques	174
De Kochko Dimitri. L'Oural pour la France, la France pour l'Oural: enjeu l'Europe.....	191
Les auteurs	194

Бельская Н.С. Французы в Зауралье на рубеже XIX и XX вв. Фрагменты исторической мозаики	115
Панина С.Н. Уральские экскурсии барона Жозефа де Бая	124
Данилова О.С. Представители французской военной миссии на Урале: попытки понять «русскую душу»	128
Жукова И.В. Виктор Серж — человек, растерзанный Евразией	145
Позднякова Н.В. Вера Лотар-Шевченко — жена «русского Страдивари»	157
Паренкина О.В., Бельская Н.С. Штрихи к портрету Юрия Георгиевича Эрвье (на основе материалов из личного фонда)	166
Данилова О.С. Французы на Урале: по воле случая или по долгу службы. Исторические хроники	174
Дмитрий де Кошко. Урал для Франции, Франция для Урала: ставка на единую Европу	191
Об авторах	194

Научное издание

«ФРАНЦУЗСКИЙ СЛЕД» НА УРАЛЕ

**Материалы круглого стола,
состоявшегося 23 июня 2010 года в рамках выставки
«Bonjour, Урал!», приуроченной к празднованию в Екатеринбурге
Года Франции в России и России во Франции**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Ответственный за выпуск

О.С. Данилова

Литературный редактор и корректор

О.И. Бриль

Компьютерная верстка и оформление

С.А. Якубовский

Подписано в печать 24.12.2010.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 13,0.
Гарнитура Times. Тираж 200 экз.

Оригинал-макет подготовлен в ООО «Ревизор»
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 56

Уральское литературное агентство
620158, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12

Отпечатано

В ГУП СО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл., ул. Красноармейская, 22.